

ISSN 2073-6401

ВЕСТНИК РГГУ

Серия

«Философия. Социология. Искусствоведение»

Научный журнал

RSUH/RGGU BULLETIN

“Philosophy. Sociology. Art Studies”

Series

Academic Journal

Основан в 1996 г.
Founded in 1996

3
2024

VESTNIK RGGU. Seriya "Filosofiya. Sociologiya. Iskusstvovedenie"

RSUH/RGGU BULLETIN. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series Academic Journal

There are 4 issues of printed version of the journal a year

Founder and Publisher – Russian State University for the Humanities (RSUH)

RSUH/RGGU BULLETIN. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series is included: in the system of the Russian Science Citation Index (RISC); in the List of peer-reviewed scientific publications, in which the essential research findings of dissertations for the Ph.D. and Dr. degree in the following scientific specialties and the branches of science corresponding to them should be published:

09.00.00 Philosophy:

09.00.03 History of philosophy

09.00.11 Social philosophy

17.00.00 Art Studies:

17.00.03 Film, television and other screen arts

17.00.04 Fine and decorative-applied arts and architecture

17.00.09 Theory and history of art

22.00.00 Sociology:

22.00.01 Theory, methodology and history of sociology

22.00.04 Social structure, social institutions and processes

22.00.06 Sociology of Culture

Goals of the journal: representation of the newest research findings in the fields of philosophy, sociology, and art studies which have undoubted theoretical and practical significance and which are promising for the research development in that field and for its state as a whole.

Objectives of the journal: realization and development of examination of scientific articles, using the advanced modern interdisciplinary and complex approaches; representation of the most paradigmatic achievements in the fields that are significant for the progress of science and suitable for implementation into the educational process as the examples of proper scientific work; attracting new authors, researchers showing a high theoretical culture and undeniable scientific achievements; strengthening the interaction of the academic and university science; translation of scientific experience between the generations and institutions.

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Certificate on registration: PI No. FS77-61882 of 25.05.2015. Changes were made to the record of media registration in connection with the name change, renaming of the founder, clarification of the subject – registration number FS77-73403 of 03.08.2018.

Editorial staff office: bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047

Philosophy – Anna I. Reznichenko, annarezn@yandex.ru

Sociology – Olga V. Kitaitseva, olga_kitaitseva@mail.ru

Art Studies – Aleksandr V. Markov, vestnik-art@rggu.ru

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение»

Научный журнал

Выходит 4 номера печатной версии журнала в год.

Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение» включен: в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

09.00.00 Философия:

09.00.03 История философии

09.00.11 Социальная философия

17.00.00 Искусствоведение:

17.00.03 Кино-, теле- и другие экранные искусства

17.00.04 Изобразительное и декоративно-прикладное искусство и архитектура

17.00.09 Теория и история искусства

22.00.00 Социология:

22.00.01 Теория, методология и история социологии

22.00.04 Социальная структура, социальные институты и процессы

22.00.06 Социология культуры

Цель журнала: представление новейших результатов исследований в области философии, социологии и искусствоведения, имеющих несомненное теоретическое и практическое значение и перспективных для развития исследований в этой области и для состояния отрасли.

Задачи журнала: осуществление и развитие экспертизы научных статей с учетом господства современных междисциплинарных и комплексных подходов; представление наиболее парадигматичных достижений отраслей, важных для развития науки и способных быть внедренными в образовательный процесс как примеры правильной научной работы; привлечение новых авторов, исследователей, показывающих высокую теоретическую культуру и неоспоримые научные достижения; усиление взаимодействия академической и вузовской науки; трансляция научного опыта между поколениями и между институтами.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-61882 от 25.05.2015 г. В запись о регистрации СМИ внесены изменения в связи с изменением названия, переименованием учредителя, уточнением тематики – регистрационный номер ПИ № ФС77-73403 от 03.08.2018 г.

Адрес редакции: Россия, 125047, Москва, Миусская пл., 6

Философия – Анна Игоревна Резниченко, annarezn@yandex.ru

Социология – Ольга Вячеславовна Китайцева, olga_kitaitseva@mail.ru

Искусствоведение – Александр Викторович Марков, vestnik-art@rggu.ru

Founder and Publisher
Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

Toschenko Zhan T., Dr. of Sci. (Philosophy), professor, RAS corresponding member,
Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Editorial Board

Vargas Julio César, Cand. of Sci. (Philosophy), professor, University of Valle, Cali,
Columbia

Velikaya Natalia M., Dr. of Sci. (Political Science), professor, RAS Institute of
Socio-Political Research, Moscow, Russia

Vinogradov Vladimir V., Dr. of Sci. (Art Studies), Research Institute of Gerasimov
Russian State Institute of Cinematography, Moscow, Russia

Vdovichenko Larisa N., Dr. of Sci. (Sociology), professor, Russian State University
for the Humanities, Moscow, Russia (*deputy editor-in-chief*)

Wiatr Jerzy Jozef, Dr. of Sci. (Sociology), professor, University of Warsaw, Warsaw,
Poland

Zvegintseva Irina A., Dr. of Sci. (Art Studies), professor, Gerasimov Russian State
Institute of Cinematography, Moscow, Russia

Kalugina Olga V., Dr. of Sci. (Art Studies), professor, Russian State University for
the Humanities, Moscow, Russia

Kitaitseva Olga V., Cand. of Sci. (Sociology), associate professor, Russian State
University for the Humanities, Moscow, Russia

Kolotaev Vladimir A., Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for
the Humanities, Moscow, Russia (*deputy editor-in-chief*)

Konacheva Svetlana A., Dr. of Sci. (Philosophy), associate professor, Russian State
University for the Humanities, Moscow, Russia

Limanskaya Lyudmila Yu., Dr. of Sci. (Art Studies), professor, Russian State Uni-
versity for the Humanities, Moscow, Russia

Dieter Lohmar, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, University of Köln, Köln, Ger-
many

Malinina Tatyana G., Dr. of Sci. (Art Studies), Research Institute of Theory and
History of Arts, Russian Academy of Arts, Moscow, Russia

Markov Aleksandr V., Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Russian State
University for the Humanities, Moscow, Russia

Molchanov Victor I., Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Russian State University
for the Humanities, Moscow, Russia

Nowak Piotr, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, University of Białystok, Poland

Rapic Smail, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Wuppertal University, Wuppertal,
Germany

Reznichenko Anna I., Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Russian State University
for the Humanities, Moscow, Russia (*deputy editor-in-chief*)

Masamichi Sasaki, Dr. of Sci. (Sociology), professor of sociology, Chuo University,
Tokyo, Japan

Sipovskaya Natalia V., Cand. of Sci. (Art Studies), State Institute for Art Studies, Moscow, Russia

Fomin Valery I., Dr. of Sci. (Art Studies), professor, Research Institute of Gerasimov Russian State Institute of Cinematography, Moscow, Russia

Tsyrkun Nina A., Dr. of Sci. (Art Studies), professor, Research Institute of Gerasimov Russian State Institute of Cinematography, Moscow, Russia

Shevchenko Irina O., Dr. of Sci. (Sociology), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Shtein Sergey Yu., Cand. of Sci. (Art Studies), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Executives editors

I.O. Shevchenko, Dr. of Sci. (Sociology), professor, RSUH

E.A. Kolosova, Cand. of Sci. (Sociology), associate professor, RSUH

O.V. Kitaitseva, Cand. of Sci. (Sociology), associate professor, RSUH

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

Ж.Т. Тощенко, доктор философских наук, профессор, член-корреспондент РАН, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

Х.Ц. Варгас, кандидат философских наук, Университет Валле, Колумбия

Н.М. Великая, доктор политических наук, профессор, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Российская Федерация

В.В. Виноградов, доктор искусствоведения, НИИ киноискусства Всероссийского государственного института кинематографии им. С.А. Герасимова, Москва, Российская Федерация

Л.Н. Вдовиченко, доктор социологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

Е. Вятр, доктор политических наук, профессор, Варшавский университет, Республика Польша

И.А. Звезгинцева, доктор искусствоведения, профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии им. С.А. Герасимова, Москва, Российская Федерация

О.В. Калугина, доктор искусствоведения, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

О.В. Китайцева, кандидат социологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.А. Колотаев, доктор филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

С.А. Коначева, доктор философских наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Л.Ю. Лиманская, доктор искусствоведения, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Д. Ломар, доктор философских наук, профессор, Кёльнский университет, Кёльн, ФРГ

Т.Г. Малинина, доктор искусствоведения, НИИ теории и истории изобразительных искусств Российской академии художеств, Москва, Российская Федерация

А.В. Марков, доктор филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

- В.И. Молчанов*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- П. Новак*, доктор философских наук, профессор, Белостокский университет, Республика Польша
- С. Рапич*, доктор философских наук, профессор, Университет Вупперталя, Вупперталь, ФРГ
- А.И. Резниченко*, доктор философских наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)
- М. Сасаки*, доктор социологических наук, профессор, Университет Чуо, Токио, Япония
- Н.В. Сиповская*, кандидат искусствоведения, Государственный институт искусствознания, Москва, Российская Федерация
- В.И. Фомин*, доктор искусствоведения, профессор, НИИ киноискусства Всероссийского государственного института кинематографии им. С.А. Герасимова, Москва, Российская Федерация
- Н.А. Цыркун*, доктор искусствоведения, НИИ киноискусства Всероссийского государственного института кинематографии им. С.А. Герасимова, Москва, Российская Федерация
- И.О. Шевченко*, доктор социологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- С.Ю. Штейн*, кандидат искусствоведения, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ответственные за выпуск

И.О. Шевченко, доктор социологических наук, профессор, РГГУ

Е.А. Колосова, кандидат социологических наук, доцент, РГГУ

О.В. Китайцева, кандидат социологических наук, доцент, РГГУ

СОДЕРЖАНИЕ

Общественный договор: историко-социологический анализ

<i>Ирина В. Воробьева</i> Ученые как субъект «общественного договора» в предвоенный период	12
<i>Галина В. Тартыгашева</i> Художественная интеллигенция как субъект общественного договора в период культурной революции в СССР (1930-е гг.)	24
<i>Марина С. Короткова</i> Советская студенческая интеллигенция и общественный договор: проблемы принятия и участия (1917–1929 гг.)	35
<i>Георгий В. Ниорадзе</i> Справедливость как характеристика общественного договора (концепция Дж. Ролза)	47
<i>Марина Ю. Милованова</i> Идейный потенциал анархо-коммунизма П.А. Кропоткина для теории общественного договора и его значение для современности	56

Социокультурные проблемы в зеркале социологии

<i>Марина Б. Буланова</i> Образовательные проекты женщин-благотворителей в России конца XIX – начала XX в.	68
<i>Татьяна В. Белецкая</i> Социальный статус экскурсовода как культурного посредника в трансляции символических смыслов	77
<i>Елена А. Колосова</i> Семейное трудовое воспитание: гендерный аспект изучения событийности детства	91
<i>Анастасия В. Швецова</i> Современные исследования материнства: о чем (не)говорят тренды?	103
<i>Марина В. Баканова</i> Трудоустройство женщин в Пакистане	114

Политическая социология

<i>Елена А. Ирсетская</i> Идейно-ценностные маркеры содержания концепта «хорошего общества» как основы формирования интеграционного фундамента консолидации власти и общества	123
<i>Максим С. Козырев</i> Советский Союз в нарративах политических партий современной России: причины и социальные основания	134
<i>Андрей А. Хохлов, Джомарт Ф. Алиев</i> Политическое православие и секулярное общество: проблемы совместимости	145
<i>Галина А. Цветкова</i> Россияне в условиях информационной войны	155

CONTENTS

Social contract. Historical and sociological analysis

- Irina V. Vorobyova*
Scientists as a subject of the “social contract” in the pre-war period 12
- Galina V. Tartygasheva*
The artistic intelligentsia as a subject of the social contract during
the cultural revolution in the USSR (1930s) 24
- Marina S. Korotkova*
The soviet student intelligentsia and the social contract.
Issues of acceptance and participation (1917–1929) 35
- Georgy V. Nioradze*
Justice as a characteristic of a social contract (the concept of J. Rawls) 47
- Marina Yu. Milovanova*
The ideological potential of P.A. Kropotkin’s anarcho-communism
for the theory of the social contract and its significance for modernity 56

Sociocultural issues in the mirror of sociology

- Marina B. Bulanova*
Educational projects of women philanthropists in Russia
at the end of the 19th and beginning of the 20th centuries 68
- Tatiana V. Beletskaya*
Social status of the tour guide as a cultural broker
in the transmission of symbolic meanings 77
- Elena A. Kolosova*
Family labor education. The gender aspect of studying
the eventfulness of childhood 91
- Anastasiya V. Shvetsova*
Modern studies of motherhood. What do trends (not) say? 103
- Marina V. Bakanova*
Employment of women in Pakistan 114

Political Sociology

<i>Elena A. Irsetskaya</i> Ideological and value markers for the content of the concept of a “good society” as the basis for the formation of an integration foundation for the consolidation of power and society	123
<i>Maksim S. Kozyrev</i> The Soviet Union in the narratives of political parties in modern Russia. Reasons and social foundations	134
<i>Galina A. Tsvetkova</i> Russians in an information war	145
<i>Andrei A. Khokhlov, Dzhomart F. Aliev</i> Political orthodoxy and secular society. Compatibility issues	155

Общественный договор: историко-социологический анализ

УДК 001.32(470)

DOI: 10.28995/2073-6401-2024-3-12-23

Ученые как субъект «общественного договора»
в предвоенный период

Ирина В. Воробьева

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, vorobyova.irina@list.ru*

Аннотация. Статья посвящена вопросам сосуществования власти и научной интеллигенции в период политических, экономических и социальных преобразований конца 1920-х – начала 1940-х гг. Рассматривается два временных периода – с 1924 по 1932 г. и с 1933 по 1941 г. Для каждого из них описывается, во-первых, политика государства в отношении ученых, последствия проводимой политики для всей страны и данной социальной группы. Во-вторых, какие стремления, интересы, ориентации были характерны для ученых, в чем они состояли, как они коррелировали с государственными интересами, а также интересами всего народа.

Ключевые слова: общественный договор, ученые, научная интеллигенция, академическое сообщество, ученые, советская власть

Для цитирования: Воробьева И.В. Ученые как субъект «общественного договора» в предвоенный период // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2024. № 3. С. 12–23. DOI: 10.28995/2073-6401-2024-3-12-23

Scientists as a subject of the “social contract”
in the pre-war period

Irina V. Vorobyova

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
vorobyova.irina@list.ru*

Abstract. The article deals with the issues of coexistence between the authorities and scientific intellectuals during the period of political, economic and social transformations of the late 1920s – early 1940s. Two time periods are considered –

© Воробьева И.В., 2024

from 1924 to 1932 years and from 1933 to 1941 years. For each of them it describes, firstly, the state's policy towards scientists, the consequences of the policy for the whole country and certain social group. Secondly, what aspirations, interests, orientations were characteristic of scientists, what they consisted of, how they correlated with state interests, as well as the interests of the whole people

Keywords: social contract, scientists, scientific intellectuals, academic community, scientists, Soviet authority

For citation: Vorobyova, I.V. (2024), "Scientists as a subject of the 'social contract' in the pre-war period", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 3, pp. 12–23, DOI: 10.28995/2073-6401-2024-3-12-23

Введение

Представленный нами период сопровождался коренными политическими, экономическими и социальными трансформациями, которые, по мнению экспертов, можно характеризовать как кризисные [Колчинский 2009, с. 29–30]. Эти кризисы фактически предполагали слом прежних отношений между обществом и властью, учеными и властью. Выходы из кризиса ставили необходимость пересмотра старых сложившихся отношений и построение новых принципов взаимодействия, которые можно трактовать как принятие некой формы общественного договора. Представителям власти каждый раз приходилось переосмысливать меру ответственности государства за развитие науки, степень свободы ученых, степень возможности ученых участвовать в управлении страной, воздействовать на проводимую в государстве политику. В свою очередь, самим ученым приходилось искать ответ на вопросы о своем месте и роли в стране, необходимости консолидации своих научных интересов с интересами государства и пр.

Несмотря на то что становление советской системы образования и науки происходило в период, который сопровождался революцией, двумя мировыми войнами, советскому правительству удалось сохранить, а где-то даже преобразовать и улучшить показатели в этой сфере. Разумеется, все это было достигнуто благодаря жесткой централизации и мобилизации всех сфер, включая науку, которая оставалась для власти базовым ресурсом преобразований всей инфраструктуры страны, и, в первую очередь, экономики. Поэтому во все времена работники системы образования и науки оставались для власти не только группой, от которой зависело воспроизводство интеллектуальных ресурсов, но и важнейшим субъектом общественного договора между населением и властью.

*«Культурная революция» в СССР
в 1924–1932 гг.*

После Октябрьской революции советская власть установила принципиально новые основания отношения и взаимодействия со всеми социальными группами общества. Кроме того, были выдвинуты новые планы и перспективы развития страны и жизни в ней, а иными словами – представлены новые основания общественного договора. Во-первых, коммунистической партией была поставлена цель построения новой России, которая в экономическом, политическом, социальном и культурном плане опережала бы капиталистические страны. Во-вторых, необходимо было обеспечить оборону Советского Союза и его экономическую и технологическую самостоятельность, тем самым доказав преимущество «социалистической» модели жизни над «капиталистической». Сделать это можно было только путем совершенствования экономики, науки и техники, поэтому советская власть вплотную занялась созданием новой системы государственной организации научной сферы.

Точные данные о численности научных организаций и научных работников этого периода оценить проблематично. В процессе преобразования одни организации распадались, другие появлялись.

В 1929 г. в СССР имелись 1263 научных учреждения, в том числе 438 научно-исследовательских институтов, их филиалов и отделений, 120 научных станций, 705 прочих научных учреждений [Колчинский 2003, с. 753].

Тем самым большевики демонстрировали серьезность намерений по созданию организационной и технической базы научной сферы, которая должна была стать основой развития для модернизации экономики. Основанием создания или реорганизации научного учреждения в то время становилась его полезность нуждам народного хозяйства.

Параллельно с этим идет процесс сокращения независимости научных учреждений и их попадания под тотальный государственный контроль. С 1927 г. Академию наук существенно ограничивают в правах. Состав АН хоть и продолжает формально избираться общим собранием, но после этого избранный состав должен был быть утвержден Советом Народных Комиссаров. Помимо этого, принятый устав АН включал новые положения: «приспособление науки к практике, контроль политической лояльности» [Макаренко 2007, с. 90]. Таким образом, получалось, что главные вопросы деятельности АН решались не академиками, а в ЦК партии.

В тот же период, помимо организации структуры научных учреждений, большевики активно включаются в процесс создания собственной научной интеллигенции. Эта работа велась сразу по нескольким направлениям. Период с конца 1920-х до начала 1930-х гг. получил название «Культурная революция». Несмотря на то что первоначальное использование термина предполагалось в отношении борьбы с безграмотностью населения и просветительской работы, впоследствии термин использовался в широкой трактовке как замена буржуазной культуры и традиции на новую советскую. Это касалось не только искоренения буржуазной культуры, но и замены носителей этой буржуазной культуры. Большевиками был сформирован инструментально-идеологический образ науки, и они заявляли о необходимости создания новой пролетарской науки, оторванной от буржуазного прошлого.

На быстрой и категорической замене буржуазных научных специалистов настаивал сам товарищ И. Сталин, который утверждал:

Если мы будем ждать, пока старые отомрут, и только тогда будем обновлять, мы пропадем, уверяю вас. Клетки «организма науки» начали обновлять очень активно, не дожидаясь отмирания «старых»¹.

То есть политика искоренения старой научной интеллигенции находила поддержку и инициативу на самом вершине власти.

Используя «старую» научную интеллигенцию, большевики активно включились в процесс подготовки новых советских кадров, в связи с чем был установлен «классовый принцип» приема в вузы с целью резко ограничить долю детей интеллигенции среди студентов [Фурсова, Ханнанова 2015, с. 155]. Развивается институт «красной профессуры». Усиливается контроль за классовой и идеологической позицией академической интеллигенции. В университетах главенствующую роль начинают играть партийные ячейки, при участии которых проводятся проверки, аттестации и чистки профессорско-преподавательского состава, а важнейшее значение при избрании на должность приобретают политическая приверженность и лояльность, а не научный авторитет.

Параллельно осуществляются репрессии с несогласными с принципами жизни в новых советских условиях, да и просто для

¹ *Сталин И.В.* Неправленая стенограмма выступления на совещании в ЦК ВКП(б) о кинофильме «Закон жизни» 9 сентября 1940 года // Сталин И.В. Соч. Т. 18. Тверь: Информационно-издательский центр «Союз», 2006. С. 201.

острастки возможных проявлений недовольства. В ходе организованных политических процессов («Академическое дело», «Шахтинское дело», «дело “Промпартии”», «дело краеведов» и пр.) пострадала значительная часть научной интеллигенции, а интеллектуальному потенциалу страны был нанесен серьезный ущерб. В результате таких политических процессов часть ученых была расстреляна, другая часть отбывала наказание в тюрьмах и ссылках. Те, кому «повезло», и власть сочла их научную работу важной для государства, продолжили научные разработки в «шарашках» – особых технических бюро ОГПУ НКВД-МВД СССР.

Отношения науки и власти этого периода складываются довольно противоречиво. Советская власть, понимая необходимость привлечения образованных специалистов, создавала для них определенные условия, улучшающие быт и материальное положение. Например, еще в 1921 г. были приняты декреты РСФСР «Об улучшении быта ученых», «О мерах к поднятию уровня инженерно-технического знания в стране и к улучшению условий жизни инженерно-технических работников РСФСР». В 1921–1931 гг. действовала Центральная комиссия по улучшению быта ученых при СНК. С другой стороны, та же власть, стремясь насильственно подчинить ученых государственным задачам построения социализма, применяла методы устрашения и наказаний.

Таким образом, «реконфигурация науки и давление на нее сочетались с ее созиданием в качестве советской науки» [Козлова 2016, с. 108]. А сами ученые, несмотря на давление и потери, смогли внести существенный вклад в социалистическую индустриализацию страны, создание мощного оборонного потенциала.

1933–1941 гг.

Ученые и власть в предвоенный период

Говоря о сосуществовании науки и власти этого периода, эксперты отмечают три тенденции: приоритет научных государственных интересов, репрессивный характер, изоляция советской науки от мировой.

Становление науки в Советском государстве носило противоречивый характер. Советское руководство создавало новые научные и учебные учреждения, поддерживался высокий статус ключевых научных фигур, развивался кадровый потенциал научной сферы. Несмотря на то что страна еще не вполне оправилась от последствий гражданской войны, развитие науки в СССР того периода во многом опережало страны запада.

За период с 1934 по 1941 г. в СССР увеличилась численность обучающихся в аспирантуре с 268 до 926 чел., количество докторантов к 1936 г. составило 236 чел. [Колчинский 2003, с. 753]. К 1941 г.

...существовало 1821 научное учреждение, в том числе 786 научно-исследовательских институтов, их филиалов и отделений, 507 научных станций, 528 прочих научных учреждений [Колчинский 2003, с. 753].

В предвоенные годы особенно был заметен рост отраслевых институтов, входящих в систему военно-промышленного комплекса, существенно расширялась сеть заводских лабораторий, которые как нельзя лучше соединяли науку с производством.

Высокая оценка развития науки в СССР не была только лишь пустой пропагандой. В конце 1930-х гг. советская наука добилась выдающихся успехов в развитии математики, механики, физики, наук о Земле и многих других научных направлениях. Имена ученых этого периода составляют «золотой фонд» мировой науки.

В биологии это были лидеры генетики, физиологии, экспериментальной биологии, эволюционной теории – Н.К. Кольцов, И.П. Павлов, Л.А. Орбели, Н.И. Вавилов, Ю.А. Филипченко, И.И. Шмальгаузен, в физике – С.И. Вавилов, А.Ф. Иоффе, Д.С. Рождественский, в математике – П.С. Александров, А.О. Гельфонд, Л.А. Люстерник, Л.С. Понтрягин, О.Ю. Шмидт [Кривоносов 1999].

За работы, выполненные советскими физиками в 1930-е гг., им позднее были присуждены четыре Нобелевских премии.

При этом развитие советской науки сопровождалось беспрецедентными репрессиями научной интеллигенции. Очень многие представители академического сообщества были расстреляны, брошены в тюрьмы, работали в «шарашках». Особенно страдали гуманитарные науки, которые не так были нужны в производстве и которым, в первую очередь, можно было предъявить идеологическое несоответствие. Например, первое место в системе Академии наук по числу выявленных вредителей занял Институт истории АН СССР, где уже к марту 1937 г. было арестовано более двух третей сотрудников [Колчинский 2003, с. 734]. Однако репрессии распространялись не только на гуманитариев, например, исчислялось сотнями количество арестованных в сфере авиастроения и ракетостроения. И это были известные люди, чьи научные труды составили самые перспективные разработки тех лет: конструкторы самолетов и двигателей (Р.Л. Бартини, К.А. Калинин, В.М. Мясищев,

В.М. Петляков, Д.А. Томашевич, А.Н. Туполев, В.А. Чижевский), основоположники отечественного ракетостроения (С.П. Королев, В.П. Глушко, Г.Э. Лангемак, И.Т. Клейменов). В этот период труд репрессированных ученых начинают использовать в специально созданных для них тюремных лабораториях и бюро. В частности, А.Н. Туполев руководил в Москве тюремным авиаконструкторским бюро (ЦКБ-28 НКВД, «туполевская шарага»).

Беспрецедентные репрессии сочетались с увеличением финансирования науки. Прежние, поставленные Вождем и правительством задачи превращения России из аграрной в передовую индустриально развитую страну, требовали колоссальных затрат на науку, научные разработки и внедрения.

Усиление напряжения на международной арене и нарастание военной угрозы заставило советское правительство усилить работу по обороне страны. Параллельно с этим не только в массовом сознании, но и среди политической и интеллектуальной элиты распространяется представление о внешних врагах, отрицательно и враждебно относящихся к молодому Советскому государству. Весь «капиталистический мир» воспринимался как единый враг в своей ненависти к стране победившего социализма. Научная и, в первую очередь, связанная с обороной страны сферы стали потреблять существенную часть доходов и ресурсов страны.

Среди руководства страны произошло понимание того, что без «бывших» специалистов решить многие экономические и оборонные проблемы невозможно. Сам И.В. Сталин обозначил новую повестку в программной речи «Новая обстановка – новые задачи хозяйственного строительства» об отказе от политики разгрома научно-технической интеллигенции и переходе к «политике привлечения и заботы о ней». После этого выступления из тюрем, ссылок и лагерей было возвращено большое число специалистов,

...многие из которых не только вернулись к активной научной и педагогической деятельности, но сделали головокружительную карьеру, став действительными членами АН СССР и лауреатами Сталинской премии [Колчинский 2003, с. 728].

Стоит отметить, что, признавая науку и ученых важнейшим субъектом общественного договора и двигателем развития экономики и обороны страны, при том, что многие ученые стали частью номенклатуры советской системы, они в большинстве своем оставались чуждой группой для государства рабочих и крестьян и политической элиты государства. В среде партийно-государственных работников число образованных людей было невелико.

С 1934 по 1941 г. в составе Политбюро ЦК ВКП(б) не было ни одного человека с законченным высшим образованием. Среди секретарей обкомов и горкомов доля имеющих высшее образование составляла до 16% [Хлевнюк 1992, с. 78].

В этот период в общественном сознании как широких масс, так и значительной части научного сообщества формируется идея противостояния СССР и всего капиталистического мира буквально как противостояние сил добра и зла. Для победы в этой борьбе многие ученые находили оправданными жесткие меры как интенсификации труда, так и карательные меры к инакомыслию. Все экономические, бытовые сложности и политические запреты и даже террор подчинялись единой цели – построению сильной страны и признавались оправданными.

Несмотря на репрессии, советскому правительству удалось сформировать высокий уровень лояльности, одобрения и поддержки, в том числе среди академического сообщества. Для старой научной интеллигенции власть большевиков стала альтернативой хаосу, войне и разрухе, а советскому правительству удалось стабилизировать обстановку. Кроме того, сами социалистические идеи равенства, братства, сильной великой страны для данной группы оказались не безынтересны и нашли отклик.

Для молодых ученых идея построения «нового общества» и «светлого будущего» оказалась еще более привлекательной. Тем более что для новых научных кадров социализм открывал перспективы построения карьеры, которой могло бы и не быть в старых обстоятельствах. Искренняя вера в социализм и преданность научному сообществу и научным идеям, желание помогать стране, ощущение, что под репрессии они попали случайно, и потом власть со всем разберется, обеспечивали лояльность даже тех, кто сам или их семьи были подвергнуты репрессиям. Многие ученые даже в тюрьмах и лагерях работали с энтузиазмом и не покладая рук.

Можно говорить о том, что накануне Великой Отечественной войны советская система организации науки полностью сложилась. Сложилась не только организационная структура со строгой иерархией и жестким контролем со стороны партийных кадров как приоритетов, так и тематики научных исследований, внутренних коммуникаций и кадровой политики. Наука стала органической частью государственной номенклатурной системы, функционирующей под жестким контролем (от момента вхождения в систему до занятия постов и должностей, присуждения знаний) со стороны партийных органов. Значительная часть научного сообщества

предвоенного периода разделяла и поддерживала базовые цели и ценности Советского государства.

Заключение

Можно констатировать, что, несмотря на первоначальные противоречия между старой научной интеллигенцией и новой Советской властью, утратами и потерями в среде ученых в 1920-е и 1930-е гг., компромисс между учеными и властью так или иначе состоялся. Наука и научное сообщество полностью приняли политические и экономические цели и задачи советского руководства, а «верхушка» научного сообщества вошла в номенклатуру государства. При этом, выполняя многие идеологические и политические задачи, наука не перестала развиваться.

При репрессивной и административно-командной политике большевики тратили огромные средства на развитие науки и образования. За двадцать довоенных лет (1921–1940 гг.) обучено примерно 60 млн неграмотных. Перепись населения 1959 г. показала, что уже тогда неграмотность у нас практически была ликвидирована². Большевики активно продолжали готовить новую советскую интеллигенцию.

В 1939 г. на 10 000 занятого населения имелось уже 1 007 представителей интеллигенции, из них 10 – научные работники. В 1940 г. один научный работник приходился на 9 специалистов с высшим образованием [Колчинский 2003, с. 729].

Контроль государства за наукой предполагал рост и поддержку этой сферы, который выражался, в том числе, в повышении ее развития, финансирования, престижа. Так, в период «с 1930 по 1965 г. численность рабочих и служащих возросла в 8 раз, а занятых в науке – в 36 раз» [Колчинский 2003, с. 729]. Советское правительство, несмотря на трудности, серьезным образом укрепляло материальную базу науки. По данным экспертов,

...расходы на НИУ в 1933–1937 гг. по союзному бюджету и бюджетам союзных республик (республиканским и местным) составляли 3014 млн руб. по курсу рубля того времени (без расходов на капвложения и без средств на НИР по хоздоговорам). На содержание научных

² Народное образование, наука и культура в СССР: Стат. сборник. М., 1971. С. 243.

учреждений и мероприятия по государственному бюджету в 1941 г. ассигновалось 1032 млн руб., кроме того, 619 млн руб. поступало из средств промышленности и внебюджетных источников. Вместе с расходами на содержание вузов эта цифра составляла 3,95 млрд руб. [Гракина 2000, с. 29].

Важным социальным фактором во время войны стало ослабление партийных чиновников и повышение авторитета профессионалов. Кроме того, к власти пришло осознание того, что без ученых, науки и научных достижений невозможен прогресс в сферах промышленности, обороны и пр. А значит, научные достижения и ученые напрямую влияют на поставленную государственную задачу – превращение СССР в сильнейшую мировую державу.

Угроза Второй мировой войны придала науке колоссальное не только экономическое, но и политическое значение, а отношение ученых к советской власти во многом определило исход войны. Государственные деятели осознали, что ученые и наука самым прямым образом влияют на возможность превращения СССР в великую державу, в том числе на ее престиж на международной арене. Это привело не только к повышению статуса ученых в обществе, но и позволило, как минимум, наиболее крупным и известным оказывать политическое, гражданское влияние на власть, тем самым став важнейшим субъектом общественного договора.

Следует признать, что идея общественного договора, которая состояла в построении светлого будущего и превращении СССР в сверхдержаву оказалась достаточно привлекательной как для ученых, так и для других групп. Таким образом, идея большевиков о создании и формировании собственной, приверженной и лояльной научной интеллигенции фактически была реализована.

Благодарности

Статья выполнена в рамках гранта «Судьбы общественного договора в России: эволюция идей и уроки реализации» Российского научного фонда, грант № 23-18-00093.

Acknowledgements

The article was carried out within the framework of the Russian Science Foundation grant “The Fates of the Social Contract in Russia. The evolution of ideas and lessons of implementation”, no. 23-18-00093.

Литература

- Гракина 2000 – *Гракина Э.И.* Ученые России в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945. М.: Ин-т рос. истории РАН, 2000. 386 с.
- Козлова 2016 – *Козлова Л.А.* Послереволюционная российская социология: неудавшаяся попытка советизации // Социологические исследования. 2016. № 12. С. 105–113.
- Колчинский 2003 – *Колчинский Э.И.* Наука и консолидация советской системы в предвоенные годы // Наука и кризисы: Историко-сравнительные очерки. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 728–782.
- Колчинский 2009 – *Колчинский Э.И.* Наука и кризисы в XX веке: Некоторые результаты сравнительного анализа // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. 2009. № 2. С. 29–40.
- Кривоносов 1999 – *Кривоносов Ю.И.* Почему в ЦК КПСС не любили советских лауреатов Нобелевской премии (Н.Н. Семенов, И.Е. Тамм, П.Л. Капица, Л.Д. Ландау в «объятиях» власти) // Вопросы истории естествознания и техники. 1999. № 3. С. 116–143.
- Макаренко 2007 – *Макаренко В.П.* Этатизация науки: советский опыт // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2007. Т. 5. № 4. С. 86–110.
- Фурсова, Ханнанова 2015 – *Фурсова В.В., Ханнанова Д.Х.* Социальная политика и российское образование в 20–30 гг. XX в. // Россия реформирующаяся. Вып. 13: Ежегодник / Отв. ред. М.К. Горшков. М.: Новый хронограф, 2015. С. 153–172.
- Хлевнюк 1992 – *Хлевнюк О.В.* 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество. М.: Республика, 1992. 268 с.

References

- Fursova, V.V. and Khannanova, D.Kh. (2015), “Social policy and Russian education in the 20–30s of the 20th century”, Gorshkov, M.K. (ed.), *Rossiya reformiruyushchayasya* [Russia is being reformed, Yearbook], iss. 13, pp. 153–172.
- Grakina, E.I. (2000), *Uchenye Rossii v gody Velikoi Otechestvennoi voiny, 1941–1945* [Russian scientists during the Great Patriotic War, 1941–1945], Institut rossiiskoi istorii RAN, Moscow Russia.
- Khlevnyuk, O.V. (1992), *1937: Stalin, NKVD i sovetskoe obshchestvo* [1937. Stalin, the NKVD and Soviet society], Respublika, Moscow, Russia.
- Kolchinskii, E.I. (2003), “Science and consolidation of the Soviet system in the pre-war years”, *Nauka i krizisy* [Science and Crises. Historical-comparative issues], Dmitry Bulanin, Saint Petersburg, pp. 728–782.
- Kolchinskii, E.I. (2009), “Science and crises in the twentieth century. Some results of comparative analysis”, *The political conceptology: Journal of metadisciplinary research*, no. 2, pp. 29–40.

- Kozlova, L.A. (2016), “Post-Revolutionary period Russian sociology. The failed Sovietization attempt”, *Sociological Studies*, no. 12, pp. 105–113.
- Krivososov, Yu.I. (1999), “Why did the Central Committee of the CPSU dislike Soviet Nobel Prize laureates (N.N. Semenov, I.E. Tamm, P.L. Kapitsa, L.D. Landau in the ‘embrace’ of power)”, *Studies in the History of Science and Technolgnogy*, no. 3, pp. 116–143.
- Makarenko, V.P. (2007), “The etatization of Science. The Soviet experience”, *Vestnik of Rostov State University*, vol. 5, no. 4, pp. 86–110.

Информация об авторе

Ирина В. Воробьева, кандидат социологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; vorobyova.irina@list.ru

Information about the author

Irina V. Vorobyova, Cand. of Sci. (Sociology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; vorobyova.irina@list.ru

УДК 7.07(470)

DOI: 10.28995/2073-6401-2024-3-24-34

Художественная интеллигенция
как субъект общественного договора
в период культурной революции в СССР
(1930-е гг.)

Галина В. Тартыгашева

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, tarty@yandex.ru*

Аннотация. В статье автор рассматривает особенности общественного договора между художественной интеллигенцией и советской политической элитой во времена культурной революции в СССР. В данный период общественный договор носит патерналистский характер, но строится не только на насилии, но и на согласии, на общей идее реализации социальной и культурной революции, на предпочтениях разного рода, которые могли получить творцы от новой власти. С конца 20-х гг. управление сферой культуры и искусства начинает носить централизованный характер, государство становится главным субъектом культурной политики, осуществляется жесткий идеологический контроль за культурным процессом, преследование эстетического инакомыслия, и в то же время осуществляется поощрение лояльных деятелей культуры путем государственных заказов, высокого социального статуса, высокой зарплаты, предоставления прав на публикации, персональных выставок и заграничных командировок, наград и премий, решения бытовых и семейных проблем и т. д. Принцип «социалистического реализма» провозглашается доминирующим творческим методом. Советское партийное и государственное руководство получает исключительные возможности влиять на формирование и изменение общественного сознания советских людей посредством культурного производства.

Ключевые слова: общественный договор, контрактарианизм, художественная интеллигенция, творческие союзы, социалистический реализм

Для цитирования: Тартыгашева Г.В. Художественная интеллигенция как субъект общественного договора в период культурной революции в СССР (1930-е гг.) // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2024. № 3. С. 24–34. DOI: 10.28995/2073-6401-2024-3-24-34

© Тартыгашева Г.В., 2024

The artistic intelligentsia
as a subject of the social contract
during the cultural revolution in the USSR (1930s)

Galina V. Tartygasheva

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
tarty@yandex.ru*

Abstract. The article considers features of the social contract between the artistic intelligentsia and the Soviet political elite during the cultural revolution in the USSR. In that period the social contract was still paternalistic in nature, but being based not only on violence, but also on consent, on the general idea of implementing the social and cultural revolution and on benefits of various kinds that the creators could get from the new government. Since the late 20s, the management by the sphere of culture and art began to be centralized and the state became the main subject of cultural policy. Strict ideological control over the cultural process was carried out as well as the persecution of aesthetic dissent.

At the same time, loyal cultural figures are rewarded through government orders and by being given high social status, high salaries, granting rights to publications, personal exhibitions and business trips abroad, awards and prizes, solutions for household and family concerns, etc. The principle of “socialist realism” was declared as the dominant creative principle. The Soviet party and state leadership enjoyed exceptional opportunities to influence the formation and change of the public consciousness of the Soviet people through cultural production.

Keywords: social contract, contractarianism, artistic intelligentsia, artistic unions, socialist realism

For citation: Tartygasheva, G.V. (2024), “The artistic intelligentsia as a subject of the social contract during the cultural revolution in the USSR (1930s)”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 3, pp. 24–34, DOI: 10.28995/2073-6401-2024-3-24-34

Введение

В период культурной революции (1930-е гг.) большевикам удалось удержать власть и успешно реализовать многие, казавшиеся на тот момент фантастическими проекты «большого скачка», связанные с ускоренной модернизацией, индустриализацией и радикальными культурными преобразованиями в отдельно взятой стране. Под культурной революцией подразумевались коренные

изменения в духовной жизни общества, посредством ликвидации неграмотности, создания социалистической системы народного образования и просвещения, развития науки, литературы, искусства, перестройки быта и приобщения широких народных масс к достижениям культуры. Культурная революция предусматривала и создание кадров социалистической интеллигенции, а также утверждение социалистической идеологии в качестве единой мировоззренческой основы.

Ставя амбициозные задачи, связанные с культурной революцией и созданием новой личности социалистического общества, партийно-государственное руководство прекрасно осознавало роль культурного производства и художественной интеллигенции в управлении обществом и то, что образы, ценности и идеология нового государства, выраженные в художественной форме, легче усваиваются обыденным, по большей части, аграрным сознанием, чем выраженные языком официальных изданий.

Управленческая модель, сформированная к началу 30-х гг., в основе которой лежало значительное ограничение автономии общества в духовно-культурной сфере, дала возможность централизованно контролировать и управлять культурными процессами в стране, превращая общество, несмотря на его социокультурное многообразие, в единый объект политико-культурного влияния. Так, например, И.В. Сталин написал в письме от 15 августа 1934 г. Л.М. Кагановичу:

Надо разъяснить всем литераторам-коммунистам, что хозяином в литературе, как и в других областях, является только ЦК и что они обязаны подчиняться последнему беспрекословно¹.

О теории общественного договора

Актуальность идеи общественного договора связана с поиском «социального клея», фундамента общественно-государственных отношений, а концепции общественного договора представляют собой различные модели социального согласия между государством и народом. Необходимо отметить, что общественный договор – это теория, в которой согласие управляемых является основанием легитимности политического режима и власть предрежащих. Что же

¹ Цит. по: *Цыганов Д.* Сталинская премия по литературе: Культурная политика и эстетический канон сталинизма. М.: Новое литературное обозрение, 2023. С. 7.

может быть основой общественного порядка и социальной сплоченности?

В современной трактовке общественного договора Ж.Т. Тощенко выделяет следующие основные характеристики общественного договора:

...взаимоприемлемая общность идей развития, существование механизма взаимодействия между народом и государством; как и каким образом согласуются основные устремления, ценностные ориентации и интересы людей (народа) с политикой государственной власти, на чем базируется их согласие; обеспечивается ли баланс сил и баланс интересов, существует ли обратная связь, которая свидетельствует, насколько власть не только слушает, но и слышит народ [Тощенко 2023, с. 98].

Классические теории общественного договора Томаса Гоббса, Джона Локка и Жан-Жака Руссо демонстрируют определенную преемственность античных идей контрактивизма и различаются между собой в степени либерализма, основаниях согласия и предпочитаемых формах государственного управления. И если Т. Гоббс – сторонник абсолютной власти государства в лице суверена, а цель общественного договора у него – безопасность:

Гоббс обосновывает идею полного повиновения подданных верховной власти условиями договора и «естественной рациональности» подданных. Быть лояльным государству, которое ты сам создал, это рационально [Тартыгашева 2023, с. 95],

то Ж.-Ж. Руссо кажется более радикальным демократом, ратует за свободу, вменяет обществу обязательства по охране прав личности и имущества и считает, что у граждан есть право расторгнуть договор в одностороннем порядке, если государство злоупотребляет властью:

В результате заключения общественного договора народ становится сувереном, единственным правомерным носителем верховной власти в государстве. Народный суверенитет реализуется путем осуществления общей воли, которая отражает то общее, что есть в различных индивидуальных интересах, и ориентируется на общее благо [Кученкова 2023, с. 83].

Современные концепты общественного договора представлены в работах Дж. Бьюкенена, Р. Нозика, Дж. Ролза, Ю. Хабермаса

и т. д. и связаны с поисками оснований для создания универсальной теории справедливости, с моделированием ситуаций рационального выбора и анализом возможностей достижения консенсуса при учете различных культурных идентичностей. В актуальных контрактарианских теориях индивидуалистичный, рациональный индивид по-прежнему рассматривается как основной субъект политического процесса, действующий в сообществе свободных и равных разумных личностей на основе универсальных моральных принципов. И подобные основания политической культуры, как свобода, равенство и рациональность, уже имплицитно присущи западным демократическим обществам. Однако, как отмечает ряд исследователей, в самой идее общественного договора изначально заложены авторитарные черты, нарушается «принцип равной свободы», а тот же Ж.-Ж. Руссо пессимистичен в отношении перспектив демократии, поскольку философ, указывая свободу в качестве цели, готов ею пожертвовать ради равенства.

И современный общественный договор, в том числе в западных, декларирующих себя демократическими, обществах, это скорее пакт, награждающий управляющих почти неограниченными полномочиями в обмен на безопасность и изобилие (см. [Кампфнер 2012]).

Исторически в России общественный договор между властью и народом по-прежнему носит патерналистский характер и скорее соответствует «гоббсово́й модели» существования социального контракта между государством и населением, основанного на идеях достижения безопасности и поддержания социального порядка путем фактически абсолютной власти государства. Главные задачи революционных преобразований начала XX в. виделись российской интеллигенции в ограничении монархии, в модернизации Российской империи, и большевикам эти вековые чаяния русской художественной интеллигенции в короткие сроки удалось реализовать без плюрализма и либеральных свобод.

Можно утверждать, что Октябрьская революция 1917 г. была реакцией на попытки заключения нового общественного договора в России на основаниях западной политической культуры. В стремлении удержать власть большевики, по сути, воспроизвели патерналистский общественный договор, несмотря на коренную перестройку социальной структуры и общественных институтов, смену идеологии и т. д. Им удалось перезаключить общественный договор с народом фактически на прежних основаниях, используя строго патерналистскую модель взаимодействия государства и населения (см.: [Явлинский 2006]).

Таким образом, исторические и современные примеры реализации общественного договора скорее демонстрируют декларатив-

ность и несбыточность либертарианской версии общественного договора, заключенного на основаниях свободы и ответственности за себя, за свое благосостояние каждого гражданина государства. Это своего рода идеальный конструкт, воспеваемый художественной интеллигенцией, но невозможный к реализации в реальности.

Творцы и власть.

Основания для общественного договора

Принцип партийности, сформулированный В.И. Лениным по отношению к культурному производству, а также недоверие к непоследовательности, склонности к компромиссам и материальной заинтересованности интеллигенции определяли ожидания Советского государства по отношению к деятельности художественной интеллигенции.

Исследователь М.Л. Гаспаров писал об особенности положения российской интеллигенции, смысл которого заключался в извечной оппозиционности власти в силу принципиального непривлечения интеллигенции во власть, непринятия всерьез чаяний русской художественной интеллигенции на роль культурной элиты, создателей смыслов в культуре, на участие во власти, невостребованностью государством интеллектуального, культурного потенциала самой интеллигенции. «Русская интеллигенция была западным интеллектуальством, пересаженным на русскую казарменную почву», – замечает М.Л. Гаспаров [Гаспаров 2000, с. 6]. Более того, российская интеллигенция претендовала на участие во власти, на доступ к формированию смыслов, однако монархия не делилась властью, соответственно, революцию 1917 года некоторые исследователи называют результатом перепроизводства элит, а именно контрэлит, настроенных оппозиционно к существующему режиму (см.: [Турчин 2024]).

Советской власти срочно нужна была собственная советская интеллигенция, которая могла бы создавать новую советскую культуру, внедрять коммунистические идеи и идеалы, формировать новые социальные нормы и модели поведения. И формирование советской художественной интеллигенции успешно осуществлялось, впрочем, как и формирование советской литературы и искусства.

С момента своего прихода к власти советское правительство поставило себе задачу – совершить коренной переворот в общественном сознании и мировоззрении, всей духовной жизни народных масс, согласно принципам социализма. Кроме того, уже

недостаточно простого приспособления искусства к нуждам народа, искусство должно обслуживать интересы и культурные нужды народа.

Согласно Постановлению ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» от 23 апреля 1932 г., многочисленные писательские, художественные, музыкальные, кинематографические организации объединялись в творческие союзы (Союз советских писателей, Союз советских художников, Союз советских композиторов и т. д.) и состояли из творцов, полностью «поддерживающих платформу советской власти».

На Первом съезде советских писателей в 1934 г. метод «социалистического реализма» был объявлен основным для всех творческих работников. Впервые государство ставит в столь жесткие рамки искусство и откровенно приспособляет искусство к политическим целям советской власти.

Четких методологических рамок доминирующего художественного метода не существовало, но во главу угла при оценке произведения ставились принципы «партийности», «классовости», «идейности», «правдивости изображения», «близости и понятности сюжета широким народным массам». От творцов ожидалось сюжеты, воспевающие революции, новый быт, новые города, нового человека и т. д. Художественная интеллигенция должна была быть «инженерами человеческих душ», идеологическими помощниками партии, неуклонно проводить политику партии в своих произведениях.

Анализ социально-профессионального состава творческих союзов показывает безусловные успехи советской власти по формированию советской лояльной интеллигенции, но классовый состав, например, писателей, в тот период в большей мере состоит из выходцев из служащих. По оценкам исследователя В.А. Антипиной, например, в середине 1934 г. в Союз советских писателей входило 2500 членов и около 1000 кандидатов в члены ССП. Партийный, социальный и профессиональный состав ССП был представлен следующим образом: в 1934 г. члены партии составляли около трети Союза. В РСФСР из числа 1535 писателей было 438 членов и кандидатов в члены партии и 103 комсомольца. Например, в Москве на август 1934 г. насчитывалось 504 члена ССП. Из них рабочих – 60 человек (11,9%), крестьян – 41 (8,1%), служащих – 260 человек (51,6%). Жанровая специализация московских писателей была распределена следующим образом: 220 (43,7%) прозаиков, 74 (14,7%) поэта, 51 (10,1%) драматург, 60 (11,9%) критиков, 22 (4,5%) переводчика, 13 (2,6%) детских писателей [Антипина 2005].

На чем базируется консенсус партийного руководства и художественной интеллигенции в тот период?

Различные творческие союзы институционально были созданы не только для тотального контроля, цензурирования художественных произведений, но и для социальной защиты прекарных творческих работников, а также для повышения их экономического, политического и социального статусов в обществе. Впервые в мире художественная интеллигенция, по факту, люди свободных профессий, заняла престижное, общественно значимое положение в социальной иерархии Советского государства, и подобный статус не сравним со статусом творческой интеллигенции за рубежом в первой половине XX в. Впервые власть делегировала возможность художественной интеллигенции принимать участие в управлении государством не только посредством формирования смыслов и культурного влияния на мысли и чувства широких народных масс, но и через непосредственное участие в виде депутатской деятельности всех уровней, участия в деятельности значимых общественных организаций и т. д. Пребывание в творческом союзе сделало возможной стабильность социального положения: иметь постоянную и гарантированную заработную плату, иметь жилье и творческие мастерские, возможность периодически публиковать свои произведения и участвовать в выставках.

Анализируя общественный договор между Советским государством и населением, А.А. Аузан, в частности, пишет:

В тоталитарном сталинском обществе был очень мощный механизм общественного договора: люди отдают практически все свои личные права, включая личную свободу, в обмен на возможность роста – личного роста и роста страны. При этом сам человек в результате может быть уничтожен или, скажем, увезен из столицы на Колыму, но таковы условия договора [Аузан 2014, с. 76].

Безусловно, состав творческих союзов был неоднородным, более того, сформировалось значительное неравенство в доходах, возможностях и власти внутри творческих сообществ. Наиболее лояльные советской власти, признанные властью представители руководящего состава творческих союзов, занимающие административные должности, и творческая элита, создающая идеологически правильные культурные продукты, получали значительно большие доходы и привилегии, нежели основная часть творческой интеллигенции. Например, в 1936 г., по статистике ССП, 2660 писателей жили на 2 тысячи рублей в месяц. Размеры должностных окладов работников Литфонда в 1935 г.:

директор получал 750 рублей, его заместитель – 500 руб., секретарь Правления – 300 руб. В этот период средняя заработная плата в крупной промышленности составляла 194 рубля в месяц, в государственных административных учреждениях – 212 руб., в управленческом аппарате народного хозяйства – 293 руб., в общественных организациях – 255 руб. [Антипина 2005].

Творческая элита и руководящие кадры творческих союзов получали разные преференции от советской власти в виде высоких гонораров, творческих поездок за рубеж, по СССР, встреч с народными массами, переиздания произведений, оплаты авторских прав, решения жилищного вопроса, государственных дач, бесплатных путевок в дома отдыха и на курорты и т. д. Они получали творческие отпуска для написания произведений, доступ к представителям высшей власти, участие в административной деятельности союза или советов депутатов и т. д. Конечно, все эти блага были связаны принципом «социалистического реализма» и тотальной цензуры, но они реально реализовывались советской художественной интеллигенцией в случае успешного соблюдения данного принципа.

Заключение

В начале 30-х гг. патерналистская идея централизованного руководства, политического регулирования всех культурных процессов, контроль за творческим процессом «в тисках такой цензуры, которой никогда на Руси не бывало», все-таки одержали победу над плюрализмом и либеральными свободами.

Общественный договор с государством строился на идейных основаниях утилитарного подхода советской власти к искусству, использования творчества, прежде всего в пропагандистских целях. Интеллигенция должна была верой и правдой служить рабочему классу, не подвергая сомнению его гегемонию в историческом процессе. Важной идейной подоплекой общественного договора с художественной интеллигенцией стали успехи Советского государства в окультуривании широких народных масс, ликвидации неграмотности, создании институтов науки, образования и т. д.

Привилегии, высокое социальное положение, возможность участия во власти, значимые материальные стимулы, которые получили представители художественной интеллигенции за лояльность и даже за искреннюю реализацию «соцреализма» в своем творчестве, сыграли значительную роль в общественном договоре. Используя теоретическую и методологическую неопределенность понятия «соцреализм», а также неограниченную власть, советская

власть пыталась добиться единообразия и единомыслия в стане художественной интеллигенции. Немногочисленные «несогласившиеся» с методом «соцреализма» были вынуждены владеть жалкое существование, без доступа к большим заработкам и, собственно, к профессии.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках выполнения проекта РНФ № 23-18-00093.

Acknowledgements

The article was prepared in the framework of the Russian Science Foundation Project No. 23-18-00093.

Литература

- Аузан 2014 – *Аузан А.А.* Экономика всего. Как институты меняют нашу жизнь. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014. 160 с.
- Антипина 2005 – *Антипина В.А.* Повседневная жизнь советских писателей 30-е – 50-е годы. М.: Молодая гвардия, 2005. 408 с.
- Гаспаров 2000 – *Гаспаров М.Л.* Интеллектуалы, интеллигенты, интеллигентность // Русская интеллигенция. История и судьба. М.: Наука, 2000. С. 5–13.
- Кампфнер 2012 – *Кампфнер Дж.* Свобода на продажу: как мы разбогатели – и лишились независимости. М.: Corpus, 2012. 416 с.
- Кученкова 2023 – *Кученкова А.В.* Народный суверенитет и право на восстание в концепции общественного договора Ж.-Ж. Руссо // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2023. № 4. С. 79–88. DOI: 10.28995/2073-6401-2023-4-79-88
- Тартыгашева 2023 – *Тартыгашева Г.В.* Идея общественного договора в трудах Томаса Гоббса // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2023. № 4. С. 89–99. DOI: 10.28995/2073-6401-2023-4-89-99
- Тощенко 2023 – *Тощенко Ж.Т.* Общественный договор: эволюция идей // Россия реформирующаяся. 2023. № 21. С. 98–121.
- Турчин 2024 – *Турчин П.В.* Конец времен / [Пер. с англ. В. Желнинова]. М.: АСТ, 2024. 432 с.
- Явлинский 2006 – *Явлинский Г.А.* Перспективы России. Экономический и политический взгляд. М.: ГАЛЛЕЯ-ПРИНТ, 2006. URL: <http://www.yavlinsky.ru/news/index.phtml?id=2790> (дата обращения 7 февраля 2024).

References

- Antipina, V.A. (2005), *Povsednevnyaya zhizn' sovetskikh pisatelei 30-e – 50-e gody* [The daily life of Soviet writers in the 30s–50s], Molodaya gvardiya, Moscow, Russia.
- Auzan, A.A. (2014), *Ekonomika vsego. Kak instituty menyayut nashu zhizn'* [Economics of everything. How institutions change our lives], Mann, Ivanov i Ferber, Moscow, Russia.
- Gasparov, M.L. (2000), “Intellectuals, intelligent people, intellectuality”, *Russkaya intelligentsiya. Istoriya i sud'ba* [Russian intelligentsia. History and fate], Nauka, Moscow, Russia, pp. 5–13.
- Kampfner, J. (2012), *Svoboda na prodazhu: kak my razbogateli – i lishilis' nezavisimosti*. [Freedom for sale: How we made money and lost our liberty], Corpus, Moscow, Russia.
- Kuchenkova, A.V. (2023), “Popular sovereignty and the right to revolt in the conception of the social contract by J.J. Rousseau”, *RSUH/RGGU BULLETIN. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 4, pp. 79–88.
- Tartygashева, G.V. (2023), “The idea of a social contract in the writings of Thomas Hobbes”, *RSUH/RGGU BULLETIN. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 4, pp. 89–99.
- Toshchenko, J.T. (2023), “The social contract: the evolution of ideas”, *Rossiya reformiruyushchayasya* [Russia is reforming], no. 21, pp. 98–121.
- Turchin, P.V. (2024), [End Times], Zhelninov, V. (transl.), AST, Moscow, Russia.
- Yavlinskii, G.A. (2006), *Perspektivy Rossii. Ekonomicheskii i politicheskii vzglyad* [Prospects of Russia. An economic and political view], GALLEYA-PRINT, Moscow, Russia, available at: <http://www.yavlinsky.ru/news/index.phtml?id=2790> (Accessed 7 February 2024).

Информация об авторе

Галина В. Тартыгашева, кандидат социологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; tarty@yandex.ru

Information about the author

Galina V. Tartygashева, Cand. of Sci. (Sociology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; tarty@yandex.ru

УДК 378.1(470)

DOI: 10.28995/2073-6401-2024-3-35-46

Советская студенческая интеллигенция
и общественный договор:
проблемы принятия и участия
(1917–1929 гг.)

Марина С. Короткова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, marina.s.korotkova@gmail.com*

Аннотация. В статье обосновывается необходимость общественного договора между государством и студенческой молодежью в изменившихся условиях (с 1917 г. до конца 20-х гг.), цели и условия каждой из сторон, примеры вынужденного принятия и последствия отказа. Приведена классификация советской учащейся молодежи, дана характеристика полярных студенческих миров, проявляющаяся как в мотивации получения высшего образования, так и во взаимоотношениях внутри дифференцированных групп.

Продемонстрированы экстремальные условия обучения в вузах первых лет советской власти и возможности погружения в процесс духовного производства. Рассмотрен факт принадлежности социальной группы студенчества к интеллигенции: показаны изменения, происшедшие вследствие трансформации системы высшего образования, итогом которой стало появление новой группы рабочей социалистической интеллигенции.

Ключевые слова. Студенчество, молодежь, интеллигенция, общественный договор, высшее образование, советская власть

Для цитирования: Короткова М.С. Советская студенческая интеллигенция и общественный договор: проблемы принятия и участия (1917–1929 гг.) // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2024. № 3. С. 35–46. DOI: 10.28995/2073-6401-2024-3-35-46

The soviet student intelligentsia
and the social contract.
Issues of acceptance and participation
(1917–1929)

Marina S. Korotkova

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
marina.s.korotkova@gmail.com*

Abstract. The article substantiates the need for a social contract between the state and the student youth in the changed conditions (from 1917 to the end of the 20s), the goals and conditions of each of the parties, examples of forced acceptance and the consequences of refusal. It gives the classification of Soviet students as well as the characteristic of polar student worlds, which manifests itself both in motivation for higher education and in relationships within differentiated groups.

The author demonstrates extreme conditions of study in universities of the first years of Soviet power and the possibility of immersion in the process of spiritual production. The fact that the social group of students belongs to the intelligentsia is considered and the changes that occurred after the transformation of the higher education system, which resulted in the emergence of a new group of working socialist intelligentsia are characterized.

Keywords: students, youth, intellectuals, social contract, higher education, Soviet power

For citation: Korotkova, M.S. (2024), “The soviet student intelligentsia and the social contract. Issues of acceptance and participation (1917–1929)”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 3, pp. 35–46, DOI: 10.28995/2073-6401-2024-3-35-46

Введение

Студенчество обычно называют предынтеллигенцией: выпускники университетов и других высших учебных заведений по их окончании пополняют ряды социальной группы, которую принято называть интеллигенцией [Платова 2001]. Занимая временный статус студента, они, сами того не сознавая, участвуют в духовном производстве: включенность в образовательный процесс предполагает активную когнитивную работу по познанию, пониманию новых дисциплин, овладению профессиональными навыками. Погруженность в интеллектуальную деятельность является основанием отнесения студентов к социальной группе интеллигенции.

Объективно специфика рассматриваемого феномена продиктована историческим периодом, в процессе которого формировались условия принадлежности к узкой прослойке интеллигенции. Одним из наиболее интересных периодов являются первые 10–12 лет советской власти, когда вузы страны оказались в сложном положении на переломном рубеже между двумя эпохами. Это был период экспериментов в образовательном процессе, и его участники принимали условия общественного договора со стороны государства, только участвовали они в нем по-разному.

В условиях радикальных перемен двум субъектам (государству и студенчеству) был необходим общественный договор, некий компромисс, посредством которого становилось возможным плодотворное сотрудничество и реализация основной деятельности каждого: идеологической и учебной. От согласия/несогласия принимать условия общественного договора для учащейся молодежи зависела возможность получения высшего образования, обретение статуса студента, а в дальнейшем – профессионала.

Участники общественного договора

Молодежь формировала массовое сознание всего общества, именно на молодое поколение делалась весомая ставка государства в деле созидания нового общества, с новыми правилами и новыми условиями жизни [Панков 2019, с. 42]. К 1917 г. в России насчитывалось более 100 университетов и других высших учебных заведений, в которых обучалось более 100 тыс. студентов. Число обладателей дипломов о высшем или среднем специальном образовании достигло 240 тыс. человек, а общую численность интеллигенции большинство специалистов определяет в 1 млн человек из 160 млн населения страны¹. К середине 1920-х гг. молодежь 20–29 лет составляла почти половину населения. К 1929 г. молодых людей в возрасте от 10 до 24 лет было 48 млн человек [Сахаров 2008, с. 43].

Именно молодежь, ее душевные силы, уверенность в лучшем завтрашнем дне были как нельзя кстати для новой советской власти. Они были молоды и ведомы, это предопределило их отзывчивость. Студенчество поддержало Февральскую революцию 1917 г. из-за возможности учиться, получить образование. Ведь раньше они были лишены этого вследствие войны и массового призыва. Их сплачивало недовольство существующим строем, озлобление

¹ *Синецкий А.Я.* Профессорско-преподавательские кадры высшей школы СССР: Статистическое исследование. М., 1950. С. 35.

мобилизацией. Политические партии использовали этот момент, вырабатывая тактику для привлечения студенчества, пообещав демократизацию общественных порядков, улучшение материального положения, академические свободы, условия для творческого труда. Студенчество принимало участие во всех политических событиях накануне и во время Февральской революции, однако революционным идеям была подвержена лишь радикальная часть учащейся молодежи. Основная масса оставалась пассивной, пропустив обучение.

Классификация советского студенчества

Социальное расслоение в вузах в те годы было гигантским. Интерес представляет самое крупное деление студентов на «мужиков» (пролетариев) и «жоржиков» (иных). Идентифицировать себя с одним из этих полярных миров означало обладать определенным набором статусных характеристик, определяющих образ жизни молодых людей рассматриваемого периода.

Общественный договор прежде всего поддержало рабоче-крестьянское студенчество, новая трудовая интеллигенция, «мужики» – выходцы из деревенских и городских «низов». Они выделялись окраинным, пригородным, деревенским выговором, нескладными лаконичными фразами, брутальными манерами. Их внешность была подчеркнута серой, невыразительной. Простая одежда нередко была рваной; в этой среде ценились мозолистые, загрубелые руки. И.М. Ильинский писал о них: «Классовое происхождение наложило резкий отпечаток на их наружность, манеру держаться, способ мышления» [Ильинский 1929, с. 227]. В общении они допускали матерщину, между собой они сразу переходили на «ты», говорили друг другу «товарищ». Чего не чурались студенты-пролетарии, так это доносов, их писали на «жоржиков», которых считали классовыми врагами.

Комсомольская часть студенчества составляла примерно 10–15% слушателей. Именно через комсомол большевистское руководство старалось воспитать нового советского человека, стойкого борца и преданного революционера [Панков 2019, с. 42]. Изначально комсомол должен был стать кузницей кадров только для партии, но с течением времени он стал школой для будущих строителей государства, армии, науки. Комсомольская часть студенчества также была дифференцирована: в ней отчетливо просматривались две категории – так называемые активисты и академики. Первые делали ставку на комсомольскую карьеру, а в дальнейшем – политическую

карьеру. Главным делом в вузе для них была общественная работа и выслеживание классовых врагов. «Академики», напротив, избегали комсомольских поручений, углублялись в учебу, полагались только на свои способности, и на деле были включены в процесс духовного производства. Взаимоотношения между этими абсолютно разными по духу группами комсомольцев были не просто холодными, но иногда и враждебными. Условное разделение на «мужиков» и «жоржиков» происходило и между ними.

Меньшинством из тех, кто не принял идеологию новой власти или принял вынужденно (в ходе «чисток»), являлось непролетарское студенчество – выходцы из интеллигентных семей. Они рассматривались советской властью как «чуждый элемент», от которого нужно было постепенно избавиться. В вузы присылали «черные списки» неблагонадежных: их отчисляли с последнего курса, за 2–3 экзамена до получения диплома, а сопротивления жестоко пресекались.

В противовес «мужикам» «жоржики» обращались друг к другу вежливо – на «Вы» или «коллега», но не «товарищ». Речь была безукоризненная, выдающая начитанность и широкий кругозор, многие знали несколько иностранных языков. У этой группы за плечами была либо гимназия, либо гувернеры с репетиторами, литературные кружки и диспуты. Интеллигенция в чистом смысле, только по идеологическим причинам не всем из них удалось развить и реализовать свой научный, творческий потенциал. У них нередко отсутствовала четкая жизненная цель, что неудивительно в быстро меняющейся действительности того времени, отсутствовала стратегия достижения, чего нельзя было сказать об их коллегах из крестьянско-пролетарской среды. Одежда аккуратная – не обязательно богатая, но чистая и глаженная. Юноши демонстрировали свою принадлежность к этой группе студенчества – мундирами, фуражками, кокардами. Они резко контрастировали с серенькой провинцией, особенно с крестьянством, из которых многие ходили в самотканых пиджаках и грубых «танках»². В стенах вуза студенты этого типа обычно все силы отдавали учебе, дистанцируясь, сколько было возможно, от общественно-политической деятельности. Условия общественного договора принимали вынужденно. Советский вуз, как и советскую власть, они воспринимали как безысходную, безальтернативную данность, поэтому стремились любыми путями попасть в высшую школу и удержаться там во время «чисток».

² *Закурдаева А.* Дневник с вопросами // Красное студенчество. 1928. № 8. С. 12.

Как правило, студенты этой категории пользовались уважением и находили понимание у старой профессуры, но были презираемы и не пользовались доверием у партийных и комсомольских деятелей вузов. У них была частная жизнь, которая происходила отдельно от коллектива. Принципиальной чертой «жоржиков» было отношение к доносительству как к тяжкому греху – позорным считалось донести начальству не только на товарища, но и на классового врага. Для многих из них социальная реальность была амбивалентной и определялась ключевой оппозицией «русское»–«советское». Прекрасно передал эту психологию один из представителей «золотой молодежи» 1920-х гг.:

Советское меня интересовало лишь постольку поскольку. Приходилось в нем жить, приспосабливаться к его нравам и поневоле их перенимать, но я не забывал, что это не мое общество, что я в нем чужак, пришелец извне, обманом перенявший личину «своего». Многое мне в нем не нравилось... многое отталкивало, но в целом оно казалось мне здоровым. А рядом с ним, изгнанное на задворки и затаившееся, чуть ли не подпольно продолжало существовать другое общество – русское, к которому принадлежал я сам... собственно, это было уже не общество как таковое, а какие-то его обломки: но жизнь теплилась в них, что позволяло надеяться на возможность регенерации из этих ошмётков некоего обновлённого организма³.

Самая радикально настроенная часть студентов непролетарского происхождения, пока могла это делать, не скрывала своего неприятия идеологии большевиков. С каждым новым набором, особенно после 1926 г., «жоржиков» объективно становилось все меньше [Федотов 1930, с. 209]. Однако студенты с советской идентичностью вскоре стали отождествлять с ними некоторую часть пролетарского и даже партийно-комсомольского студенчества, которая не вписывалась в «идеальную» модель советского студента с коммунистическим мировоззрением, революционным аскетизмом, классовой ненавистью к врагам.

Мотивация получения высшего образования

Рабоче-крестьянская молодежь видела, что сама возможность получения высшего образования открывала новые перспективы, ранее не предполагаемые. Переезд в город, обучение в вузе, полу-

³ Слепухин Ю. Не подводя итогов // Звезда. 2001. № 9. С. 55.

чение профессии и рабочего места – все это стало возможным с приходом к власти большевиков, и за эту возможность цеплялись, старались не упустить. Новая трудовая интеллигенция смела интеллектуалов. Эта группа студентов безоговорочно приняла идеологию партии, а с нею и все условия общественного договора.

Пролетарская молодежь, более идеологизированная и политизированная по сравнению с крестьянской, видела в вузе плацдарм для взятия новых, внезапно открывшихся перед ними жизненных высот. Деревенской молодежи приходилось тяжелее других, однако крестьянский практицизм конституировал главную жизненную цель: через получение образования «выйти в люди», осесть в городе, сменить профессию, повысить социальный статус. Образно говоря, это была полная «смена кожи».

Активная общественно-политическая деятельность студентов-пролетариев гарантировала беспрепятственное поступление в вуз, довольно успешную учебу, а еще и выгодное распределение после выпуска (так называемые выдвигенцы). Студенты из непролетарских слоев, господствовавших в дореволюционных вузах, поступали в вузы с одной целью – получить разностороннее высшее образование, развить свой интеллектуальный ресурс, продолжить семейную традицию. Можно сказать, это был уникальный опыт совместного существования представителей двух разных студенческих миров: старой дореволюционной и новой советской высшей школы.

Учебная подготовка

Интеллектуальная составляющая, освоение которой дает право считать студенчество интеллигенцией, сильно пострадала. Это объяснялось многими причинами: низким уровнем подготовки абитуриентов, перегрузкой студентов общественной работой, снижением квалификации профессорско-преподавательского состава, слабой учебно-материальной базой вузов, острым недостатком средств.

Процесс обучения был изменен до неузнаваемости. В 1920-е гг. в большинстве вузов существовало свободное посещение лекций, действовало право студентов на выбор лектора. Физически не было никаких учебников – дореволюционные сожгли как вредоносные, а новые еще не написали и, тем более, не издали.

Полноценного включения или даже погружения в процесс духовного производства не было. Рассмотрим причины этого. Начнем с объективных: в 1918/19, 1919/20 и 1920/21 уч. гг. занятия, как правило, проходили в условиях, близких к экстремальным. Лекции

и практические занятия проводились в две и три смены, занимались там, где было потеплее, посветлее, почище, иногда на квартирах профессоров и преподавателей. Одной из главных субъективных причин слабой успеваемости являлся формальный подход к учебе, традиционно присущий большинству российских студентов и во многом производный от бюрократизма самой системы образования.

По статистическим данным на 1923/24 уч. г., в 44 вузах страны в среднем не успевало 28% студентов. Хуже всего учились коммунисты и комсомольцы, ставившие общественную работу выше академической. Успеваемость заметно возрастала во время вузовских «чисток». Никто не хотел терять статус студента, с таким трудом приобретенный и обещающий гораздо более важные карьерные перспективы на производстве и в партии. Для подавляющей части студенчества 1920-х гг. была характерна ситуация, когда отметка в зачетной книжке была важнее знаний. Только с окончанием гражданской войны возникли более благоприятные условия для организации учебного процесса, занятия стали приобретать более систематический, отлаженный характер.

Не приходится удивляться, почему атмосфера конца 1920-х – начала 1930-х гг. способствовала выдвижению в число трудовой интеллигенции не самых достойных представителей рабоче-крестьянского студенчества. Происходя в большинстве своем из социальных «низов», многие выдвиженцы репрезентировали лишь внешние атрибуты своего рабоче-крестьянского происхождения: намеренно подчеркнутую культурную неотесанность, брутальный стиль поведения и соответствующий лексикон, спекуляцию своим «трудовым» происхождением. Самым преуспевающим типом выдвиженца оказался полуграмотный люмпен, человек с деклассированным сознанием, человек без корней, без нравственных регуляторов. Нормы, ранее регулировавшие его поведение, утратили силу, а новые еще не были усвоены. На волне аномии происходили процессы подмены понятия «интеллигенция»: трудовая, партийная – да, но не интеллектуальная.

Однако для руководства партии в 1920-е гг. идейная преданность выпускников вузов советской власти была важнее их профессионального уровня. Впервые студентам была предоставлена возможность реализовать себя в качестве полноправных субъектов общественного договора: они были допущены к проработке важных академических вопросов. Студенты-партийцы, комсомольцы, рабфаковцы активно участвовали в обсуждении содержания учебного процесса, качества обучения, позиции тех или иных профессоров. Нередко студенты ставили вопрос об отстранении тех или иных преподавателей, о пересмотре тех или иных разделов дисциплин, актив-

но участвовали в работе предметных комиссий. Это стало большим отличием организации учебного процесса в вузах в 1920-е гг. от всех предыдущих периодов.

Какую цель общественного договора преследовало государство?

Из студенческой молодежи, а именно комсомольской ее части, необходимо было подготовить свободных сознательных граждан, достойных участников великой борьбы, которую им предстояло вести в рядах пролетариата за освобождение всех угнетенных и эксплуатируемых от гнета капитала. Это был тот резерв из крестьян и рабочих, откуда партией черпалось пополнение своих рядов. Пролетаризация высшей школы в первые 10–15 лет была для партийно-советского руководства идеей фикс: в «старой интеллигенции» формирующаяся номенклатура видела своих конкурентов и стремилась заменить «буржуазных спецов» управляемыми «красными командирами производства».

С течением времени часть старой интеллигенции влилась в номенклатуру (путь вынужденного принятия общественного договора), а другая часть старой интеллигенции сошла с арены или была сведены с нее (отсутствие общественного договора). Большая часть адаптировалась к новым условиям и увидела в них карьерные преимущества. С конца 1920-х – начала 1930-х гг. «новая интеллигенция» стала вытеснять «старую интеллигенцию». Задача пролетаризации потеряла свою остроту, и во второй половине 1930-х гг. большинство абитуриентов стали приниматься на общих началах.

Задача создания «социалистической» интеллигенции решалась форсированными способами: детей рабочих, крестьян принимали на первых порах в вузы без проверки их знаний на вступительных экзаменах, обучение шло ускоренными темпами, командным методом. Вчерашние рабочие, крестьяне, солдаты, матросы и их дети становились «пролетарской интеллигенцией» в невиданных масштабах [Квакин, Постников 2009].

Заключение

Итак, общественный договор был достигнут в первые годы советской власти: за свержение монархии студенчество голосовало без разбора на сословия, а оно и было по сути буржуазным. Далее произошел раскол, связанный с внутренней дифференциацией

студенчества: новое рабоче-крестьянское, пролетарское, комсомольское студенчество поддержало выгодные для него условия договора полностью и поспешило воспользоваться вновь появившимися возможностями; старое непролетарское студенчество поддержало саму возможность получения/продолжения образования, но не идеологию и технологию новой власти, за что постепенно поплатилось отчислением по идеологическим причинам как чуждый, неугодный элемент с неправильным классовым происхождением. Вынужденно принявшее идеологию большевистской власти ради получения высшего образования «белоподкладочное» студенчество в процессе нескольких волн «чисток» было лишено и этой возможности, несмотря на умственные способности, показатели успеваемости и даже последний курс обучения.

Руководство партии, заключив договор со студенчеством, решало вполне меркантильную задачу – скорую подготовку кадровой смены. Новой власти нужны были послушные исполнители, строители социалистического будущего, поэтому поспешно открывались вузы, несмотря на финансовую невозможность их содержания и последующие объединения и сокращения. На производство должны были выйти люди, умеющие обслуживать станки и добросовестно работать на предприятии. Достаточно было дать им базовое образование и, что еще важнее, веру в собственную исключительность и правильность выбранного пути.

Новое время советской власти формирует новые, не существовавшие ранее нормы общественной жизни, нового человека, нового студента. На вершине студенческой социальной лестницы осталась интеллигенция, только теперь она стала трудовой, социалистической, наиболее полно включенной уже не в интеллектуальную, а общественно-политическую деятельность.

Благодарности

Статья выполнена в рамках гранта «Судьбы общественного договора в России: эволюция идей и уроки реализации» Российского научного фонда, грант № 23-18-00093.

Acknowledgments

The article was carried out within the framework of the grant “Fates of the social contract in Russia. Evolution of ideas and lessons of realization” by the Russian Science Foundation, no. 23-18-00093.

Литература

- Закурдаева 1928 – *Закурдаева А.* Дневник с вопросами // Красное студенчество. 1928. № 8.
- Ильинский 1929 – *Ильинский И.М.* Заметки о высшей школе // Новый мир. 1929. № 3. С. 225–231.
- Квакин, Постников 2009 – *Квакин А.В., Постников Е.С.* Завоевание высшей школы»: профессорско-преподавательский состав и студенчество России в пореволюционное время (1917 – конец 1930-х годов). М., 2009. С. 5–48.
- Крачковский 1946 – *Крачковский И.Ю.* Над арабскими рукописями. М., 1946. С. 70.
- Панков 2019 – *Панков Н.П.* Советский человек: воспитание новой молодежи. 1920–30-е годы. М., 2019. С. 42.
- Платова 2001 – *Платова Е.Э.* Жизнь студенчества России в переходную эпоху 1917–1927 гг. СПб., 2001. С. 115–123.
- Сахаров 2008 – *Сахаров А.Н.* 1930: год «коренного перелома» и начала Большого террора // Вопросы истории. 2008. № 9. С. 40–69.
- Федотов 1930 – *Федотов Г.П.* Новое отечество // Судьба и грехи России. 1930. Т. 1.

References

- Fedotov, G.P. (1930), “The New Fatherland”, *Sud’ba i grekhi Rossii* [The fate and sins of Russia], vol. 1.
- Il’inskii, I.M. (1929), “Notes about the higher school”, *Novyi mir*, no. 3, pp. 225–231.
- Kvakin, A.V. and Postnikov, E.S. (2009), “*Zavoevanie vysshei shkoly*”: *professorsko-prepodavatel’skii sostav i studenchestvo Rossii v porevolutsionnoe vremya (1917 – konets 1930-kh godov)* [“The Conquest of Higher Education”. The teaching staff and students of Russia in the post-revolutionary period (1917 – late 1930s)], Moscow, Russia.
- Krachkovskii, I.Yu. (1946), *Nad arabskimi rukopisyami* [Among Arabic manuscripts], Moscow, Russia.
- Pankov, N.P. (2019), *Sovetskii chelovek: vospitanie novoi molodezhi. 1920-30-e gody* [The Soviet man. Education of new youth. The 1920s and 30s], Moscow, Russia.
- Platova, E.E. (2001), *Zhizn’ studenchestva Rossii v perekhodnuyu epokhu 1917–1927 gg.* [The life of Russian students in the transitional era of 1917–1927], Saint Petersburg, Russia.
- Sakharov, A.N. (2008), “1930. The year of the ‘radical turn’ and the beginning of the Great Terror”, *Voprosy istorii*, no. 9, pp. 40–69.

Информация об авторе

Марина С. Короткова, кандидат социологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; marina.s.korotkova@gmail.com

Information about the author

Marina S. Korotkova, Cand. of Sci. (Sociology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miuskaya Square, Moscow, Russia, 125047; marina.s.korotkova@gmail.com

Справедливость
как характеристика общественного договора
(концепция Дж. Ролза)

Георгий В. Ниорадзе

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, nioradzersuh@gmail.com*

Аннотация. Целью статьи является концептуализация понятия социальной справедливости на основе подхода Дж. Ролза (1921–2002) в контексте общественного договора. Отличительной чертой данной концепции является возведение справедливости в первичную добродетель социальной кооперации. В этом Дж. Ролз оппонирует утилитаристской модели, возводящей эффективность в качестве ключевой ценности. Справедливость общества, по Ролзу, характеризуется такими основными чертами, как мера согласия (каждый агент в исходном состоянии обладает неким представлением о справедливом устройстве, поэтому представления об устройстве общества могут быть разными, но запрос на справедливость есть у всех); координация (согласование планов индивидов с социальными целями); эффективность (достижение поставленных социальных целей при сохранении принципов справедливости); устойчивость (поддержание стабильности схем социальной кооперации); максимин (наименее преуспевающие акторы получают максимально возможное количество благ). При этом социальная справедливость является лишь одним из компонентов общественного договора.

Ключевые слова: теория справедливости, Дж. Ролз, социальная справедливость, общественный договор, принципы справедливости, справедливость как честность

Для цитирования: Ниорадзе Г.В. Справедливость как характеристика общественного договора (концепция Дж. Ролза) // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2024. № 3. С. 47–55. DOI: 10.28995/2073-6401-2024-3-47-55

Justice as a characteristic of a social contract (the concept of J. Rawls)

Georgy V. Nioradze

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
nioradzersuh@gmail.com*

Abstract. The purpose of the article is to conceptualize the social justice notion based on the approach of J. Rawls (1921–2002) in the context of a social contract. A distinctive feature of such concept is the elevation of justice to the primary virtue in social cooperation. In that, J. Rawls opposes the utilitarian model, which elevates efficiency as a key value. The justice of society, according to Rawls, is characterized by such basic features as a measure of consent (each agent in the initial state has a certain idea of a fair structure, so ideas about the structure of society may be different, but everyone has a request for justice); co-ordination (harmonization of the individuals plans with social goals); efficiency (achieving set social goals while maintaining the principles of justice); sustainability (maintaining the stability of social cooperation schemes); maximin (the least successful actors receive the maximum possible amount of benefits). At the same time, social justice is only one of the components of the social contract.

Keywords: theory of justice, J. Rawls, social justice, social contract, principles of justice, justice as honesty

For citation: Nioradze, G.V. (2024), “Justice as a characteristic of a social contract (the concept of J. Rawls)”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 3, pp. 47–55, DOI: 10.28995/2073-6401-2024-3-47-55

Введение

Социальная справедливость – чувствительная характеристика общественного устройства, ввиду чего она регулярно становится предметом прикладных мониторинговых исследований. Так, по данным ВЦИОМ¹ (2023 г.), в общественном сознании наибольшим образом социальная справедливость отражается в равенстве всех перед законом (36%), а также когда положение в обществе определяется трудовым вкладом (20%), в одинаковом уровне жизни без существенного социального неравенства (19%), в равных

¹ Общество в поисках справедливости // ВЦИОМ. 2023. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obshchestvo-v-poiskakh-spravedlivosti> (дата обращения 8 декабря 2023).

возможностях для развития способностей и достижений (8%), в гарантиях для социально незащищенных (6%). При этом и по итогам указанного исследования, и по данным фонда «Общественное мнение»² (2020 г.), основным фактором улучшения социальной справедливости называется усиление социальной политики. Эти данные свидетельствуют о чрезвычайно противоречивых трактовках социальной справедливости даже при использовании формализованного инструментария. Данное обстоятельство актуализирует концептуализацию понятия социальной справедливости именно в применении к общественному договору, раскрывающему открытые и латентные формы согласия между народом и государством [Тощенко 2023b]. В данной статье рассматривается исключительно теория справедливости Дж. Ролза, однако вместе с тем иные подходы к анализу социальной справедливости представлены и в работах других авторов (Р. Нозик, Р. Дворкин, Дж. Готье [Гаврилова 2009; Кудрявцева 2009], И.Ф. Девятко [Девятко 2011], Ю.Г. Волков [Волков 2022] и др.).

Формирование общественного договора с точки зрения справедливости

Дж. Ролз определяет справедливость как добродетель социальных институтов, проводя аналогию с истиной, являющейся добродетелью систем мысли. Именно справедливость, по мнению Ролза, реализует возможности для общественного взаимодействия. Безусловно, справедливость является популярной цивилизационной ценностью. Однако ценностные ориентации, являющиеся конкретными выражениями и представлениями о той или иной добродетели³, отличаются существенной гетерогенностью как среди различных социально-культурных общностей, так и внутри менее крупных социальных групп. В этой связи философ с самого начала использует доказательство «от противного», утверждая, что «несправедливость терпима только тогда, когда необходимо избежать еще большей несправедливости» [Ролз 2010, с. 13]. Однако обоснование теоретического подхода не может быть построено на отрицании, в связи с чем рассмотрим более глубоко трактовку Дж. Ролза.

² Справедливость и несправедливость // Фонд «Общественное мнение». 2020. URL: <https://fom.ru/TSennosti/14469> (дата обращения 8 декабря 2023).

³ Тезаурус социологии: Тематический словарь-справочник / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009. С. 105.

Дж. Ролз (1921–2002) вводит понятие «естественного состояния», используемого также в работах Т. Гоббса (1588–1679) и Дж. Локка (1632–1704) [Тощенко 2023а], чтобы описать исходное положение до социальной кооперации. При этом отличительной чертой такого состояния в концепции Дж. Ролза является отсутствие представлений у будущих участников социальной кооперации о своем социальном положении, доступе к благам и т. д. («принципы справедливости выбираются за занавесом неведения» [Ролз 2010, с. 26]). В этой ситуации исходного абсолютного равенства принципы справедливости становятся «...результатом честного соглашения или торга» [Ролз 2010, с. 26]. Из этого следует, что базовые основания будущего социального устройства являются безусловно справедливыми. *Именно этот смысл вкладывается в концепцию «справедливость как честность».* Следующим этапом является выработка социальных институтов (регламентированных конституцией, законами), которые позволят организовать социальную кооперацию на более глубоком уровне в строгом соответствии с изначальными принципами справедливости. Из этого следует вывод, что если система институтов сложилась, то изначальные принципы оказались справедливыми.

Справедливость как честность не тождественна общественному договору. Она его частная составляющая. Дж. Ролз предлагает использовать на следующих этапах теоретизации вместо «справедливости как честности», «правильность как честность», однако и такой расширенный подход не позволяет описать все моральные принципы, лежащие в основе генезиса социальной кооперации.

Более того, Ролз указывает на то, что общая совокупность добродетелей того или иного общественного устройства не тождественна социальной справедливости. *Принципы социальной справедливости выступают частью социального идеала.* «Социальный идеал, в свою очередь, связан с концепцией общества, видением пути, на котором могут быть поняты цели социальной кооперации» [Ролз 2010, с. 24].

Общество представляет собой самодостаточное объединение людей, которое в целях социальной кооперации и регуляции использует правила, обязательные для исполнения всеми членами общества. Это есть необходимое условие существования общества. Вместе с тем социальная кооперация есть процесс, требующий постоянного учета потребностей и интересов различных акторов. В этой связи задачи социальной системы, по Ролзу, состоят в поиске наиболее исчерпывающего консенсуса, что обеспечит членам общества взаимовыгодное сожитие. Таким образом, наибольший консенсус (выраженный в чувстве справедливости) позволяет

ощущать людям бóльшую выгоду по сравнению с жизнью за счет собственных усилий.

Подытоживая отметим, что существуют *два базовых компонента* для справедливого социального устройства: *1) члены общества консенсусно принимают правила социальной системы; 2) социальные институты ориентированы на предельно справедливые условия функционирования по отношению к обществу.* Из этого вытекают условия генезиса общества: «общественное чувство справедливости делает возможным их объединение во имя безопасности» [Ролз 2010, с. 21]. В этой связи автор использует термин «вполне упорядоченное (well-ordered) общество», которое описывает состояние общественного уклада, «который предназначен не только для обеспечения блага своим членам, но и для эффективного регулирования общественной концепции справедливости» [Ролз 2010, с. 20].

Характеристики и принципы социальной справедливости в контексте общественного договора

Отмечая плюрализм восприятия справедливости, автор обосновывает некое априорное и универсальное понятие справедливости, заложенное в каждого индивида. То есть представлений о справедливости у индивидов много, но их всех объединяет потребность в поиске справедливости. Итак, между различными концепциями справедливости есть некоторая *мера согласия*, позволяющая человечеству реализовывать общественные отношения.

При этом, помимо меры согласия, функционирование общества осуществляется благодаря следующим процессам (Дж. Ролз называет их «фундаментальными социальными проблемами»):

- 1) *координация*: совмещение планов индивидов таким образом, чтобы обеспечить цели развития справедливости;
- 2) *эффективность*: достижение целей построения общественного порядка, однако эти цели должны соответствовать утвержденным принципам справедливости;
- 3) *устойчивость*: данная характеристика призвана обеспечить устойчивость социальной кооперации, следуя установленным принципам справедливости и пресекая деструктивные процессы при возникновении конфликтов в планах индивидов [Ролз 2010, с. 21].

Другое существенное понятие – *«максимин»*. Под этим понятием скрывается еще одна уточняющая характеристика справедливого общества: члены общества, получающие наименьшую

долю выгоды от социальной кооперации, получают максимум от своего минимального набора возможностей. Другими словами, еще одним маркером справедливости общественного уклада является то, насколько наиболее обделенные группы обеспечиваются благами. Точнее, насколько общество перераспределяет ресурсы в отношении наименее преуспевающих групп. Подытоживая, данная характеристика общества справедливости аналогична принципу прочности цепи, которая определяется прочностью ее наиболее слабого звена. Аналогичным образом и здесь: справедливость системы определяется справедливостью по отношению к наименее преуспевающим группам.

Дж. Ролз является приверженцем договорной модели, однако указывает, что данная модель предполагает идеальную, гипотетическую ситуацию, происходящую в настоящем или будущем, а не реальную в прошлом (в отличие от классиков) [Орехов 2010]. Таким образом, общественный договор Дж. Ролза предстает в виде постоянной, динамически обновляющейся системы (что близко к идеям Ж.-Ж. Руссо). Еще одна отличительная особенность теории Дж. Ролза: если для классиков теории общественного договора естественное состояние характеризуется индивидуальной свободой (в негативном у Гоббса или позитивном у Локка смысле), то у Ролза «догосударственным» состоянием является «честность» [Борисова 2015, с. 55].

Дж. Ролз указывает на неприемлемость утилитаризма или интуитивизма, однако встраивает определенные их элементы в свою теорию. Так, *утилитаризм* полезен в контексте рационального повышения эффективности общественного устройства, однако эффективность должна быть прежде всего подчинена принципам справедливости [Ролз 2010, с. 29]. *Интуитивизму* отведена роль переходного периода, в ходе которого у людей возникают представления (планы, идеи) о справедливости, которые они затем уже воплощают в социальной кооперации в случае успеха, то есть при выработке общей концепции справедливости [Исмагилов, Сальников, с. 15].

Ограничения теории

Для корректного понимания Дж. Ролз выделяет следующие ограничения своей теории.

Во-первых, теория справедливости стремится к описанию первичной базовой структуры общества безотносительно более сложных надстроек (например, международное право), где справедли-

вость может достигаться иными путями. То есть Ролз говорит о некоторой идеальной ситуации – замкнутой социальной системе (первичной базовой структуре), под которую он и стремится написать наиболее логически обоснованную теорию справедливости. Философ полагает, что, разобравшись с базисом, будет легче разобратся с надстройками более высокого порядка.

Во-вторых, Ролз в своей теории фокусируется на априорном положении об общественном согласии. Таким образом, игнорируются проблемы неповиновения, принуждения, выливающиеся в формы гражданских войн, переворотов, репрессий и т. д. Такой подход обосновывается тем, что сперва необходимо разобраться с идеальным общественным устройством, позволяющим осуществить социальную кооперацию, после чего рассуждать о формах несогласия.

Заключение

Теория справедливости Дж. Ролза является одним из наиболее значимых теоретических трудов, описывающих вопросы заключения общественного договора. При этом концепции общественного договора и справедливости не являются тождественными, поскольку концепция справедливости выступает лишь одним из компонентов общественного договора. Исследование подхода Дж. Ролза позволило выявить новаторские (для своего времени) и дискуссионные идеи, концептуализирующие социальную справедливость. Основными характеристиками справедливого общественного устройства являются мера согласия, координация планов и действий индивидов, эффективность справедливого развития, устойчивость социальной кооперации, максимизация благ наименее преуспевающим индивидам. Вместе с тем теоретическая модель имеет существенное эвристическое ограничение, поскольку противоречивое отражение глубинных характеристик социальной справедливости в современном обществе требует дополнительных исследований и верификации теоретических положений.

Благодарности

Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ № 23-18-00093 «Судьбы общественного договора в России: эволюция идей и уроки реализации».

Acknowledgements

The article was prepared with the support of the RNF grant № 23-18-00093 “The Fates of the Social Contract in Russia. Evolution of Ideas and Lessons of Implementation”.

Литература

- Борисова 2015 – *Борисова П.А.* К концепции социальной справедливости Дж. Роулза // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2015. № 2. С. 53–56. EDN VURVZP.
- Волков 2022 – *Волков Ю.Г.* Социальная справедливость как ценность: в поисках новой теоретической оптики // Социологические исследования. 2022. № 10. С. 27–36. DOI: 10.31857/S013216250021512-6. EDN WGLQOM.
- Гаврилова 2009 – *Гаврилова И.Н.* Западные трактовки социальной справедливости (Обзор концепций) // Социологические исследования. 2009. № 3 (299). С. 36–44. EDN JWLNDL.
- Девятко 2011 – *Девятко И.Ф.* В сторону справедливости: экспериментальное исследование взаимосвязи между дескриптивным обыденным знанием и восприятием дистрибутивной справедливости // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т. 14. № 2. С. 139–164. EDN ODPUOX.
- Исмагилов, Сальников 2017 – *Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П.* Справедливость и право в концепции Джона Роулза // Мир политики и социологии. 2017. № 1. С. 11–17. EDN XQGBJZ.
- Кудрявцева 2009 – *Кудрявцева Н.В.* Рациональность справедливости: поиск рациональных оснований справедливого общественного устройства // Философско-литературный журнал «Логос». 2009. № 2 (70). С. 174–189.
- Орехов 2010 – *Орехов А.М.* Справедливость как базисный принцип устройства общества: путь к очевидности // Вопросы философии. 2010. № 9. С. 60–73. EDN MULXFN.
- Роулз 2010 – *Роулз Дж.* Теория справедливости: Пер. с англ. / Науч. ред. и предисл. В.В. Целищева. 2-е изд. М.: URSS, 2010. 536 с. ISBN 978-5-382-01051-9. EDN QOLBEN.
- Тезаурус 2009 – *Тезаурус социологии. Тематический словарь-справочник / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009. 489 с. ISBN 978-5-238-01638-2. EDN QBIQET.*
- Тощенко 2023а – *Тощенко Ж.Т.* Общественный договор как ноумен: опыт социологического осмысления // Социологические исследования. 2023. № 6. С. 3–15. DOI: 10.31857/S013216250026379-9, EDN YCTSAА.
- Тощенко 2023б – *Тощенко Ж.Т.* Общественный договор: исторические и современные реалии в советском/российском обществе // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2023. Т. 16. № 3. С. 39–53. DOI: 10.15838/esc.2023.3.87.2, EDN STHYTJ.

References

- Borisova, P.A. (2015), "John Rawls's Concept of Social Justice", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 2, pp. 53–56. EDN VURVZP.
- Gavrilova, I.N. (2009), "Western Interpretations of Social Justice (Overview of Concepts)", *Sociological Studies*, no. 3 (299), pp. 36–44, EDN JWLNDL.
- Devyatko, I.F. (2011), "Towards justice. An experimental study of the relations between mundane descriptive knowledge and perceptions of distributive justice", *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoi antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], vol. 14, no. 2, pp. 139–164. EDN ODPVOX.
- Ismagilov, I.R. and Saĭnikov, V.P. (2017), "Justice and right in the concept of John Rawls", *World of Politics and Sociology*, no. 1, pp. 11–17, EDN XQGBJZ.
- Kudryavtseva, N.V. (2009), "Rationality of Justice. The Search For Rational Foundations For A Fair Social Order", *Logos*, no. 2 (70), pp. 174–189.
- Orekhov, A.M. (2010), "Justice as Basic Principle of Making of Society. Way to Evidence", *Voprosy Filosofii* [Questions of Philosophy], no. 9, pp. 60–73, EDN MULXFN.
- Rawls, J. (2010), *Teoriya spravedlivosti* [A Theory of justice], Tselishev, V.V. (ed.), 2nd ed., URSS, Moscow, Russia, EDN QOLBEN.
- Toshchenko, Zh.T. (2023a), "Social Contract as a Noumenon. The Experience of Sociological Understanding", *Sociological Studies*, no. 6, pp. 3–15. DOI: 10.31857/S013216250026379-9.
- Toshchenko, Zh.T. (2023b), "Social contract: Historical and contemporary realities in Soviet/Russian society", *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 16 (3), pp. 39–53. DOI: 10.15838/esc.2023.3.87.2.
- Volkov, Yu. G. (2022), "Social Justice as A Value. In Search of a New Theoretical Optics", *Sociological Studies*, no. 10, pp. 27–36. DOI: 10.31857/S013216250021512-6, EDN WGLQOM.

Информация об авторе

Георгий В. Ниорадзе, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; nioradzersuh@gmail.com

Information about the author

Georgy V. Nioradze, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; nioradzersuh@gmail.com

Идейный потенциал
анархо-коммунизма П.А. Кропоткина
для теории общественного договора
и его значение для современности

Марина Ю. Милованова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, m_milovanova@mail.ru*

Аннотация. Идеи анархо-коммунизма П.А. Кропоткина представляют собой богатое отечественное интеллектуальное наследие, актуальное и значимое для нового осмысления теории общественного договора. Потенциал идей анархо-коммунизма раскрыт путем авторского подхода: применена комбинация анализа ряда теоретических позиций Кропоткина, признание уникальности и исключительности «нравственных и интеллектуальных качеств» его личности, взаимосвязи индивидуальной истории жизни и истории общества в условиях революционных изменений. С точки зрения значимости идей анархо-коммунизма для теории общественного договора даны ответы на поставленные задачи исследования – как Кропоткин соотносит общество и государство, определяет внутренние детерминанты для согласия в обществе, какие признаки (черты) для характеристики общественного договора важны для социальной диагностики его действительности. Идейное наследие Кропоткина – это пример интеллектуального ответа на конкретно-исторические вызовы рушившегося мира, что выразилось в создании идеологии анархо-коммунизма, сочетающего в себе как утопизм, так и мощную прогностическую модель жизнеустройства общества. Его идеи антиэтатизма, федерализма, правового государства созвучны состоявшейся современной эпохе расширения прав человека, имеют значение в силу широко действующих социальных практик гражданского общества. Некоторые идеи отечественных мыслителей необходимо принимать в расчет при выработке параметров и показателей общественного договора как необходимого и воспроизводимого конструкта.

Ключевые слова: общественный договор, государство, общество, анархо-коммунизм, идеология, взаимная помощь, эволюция, Кропоткин

Для цитирования: Милованова М.Ю. Идейный потенциал анархо-коммунизма П.А. Кропоткина для теории общественного договора и его значение для современности // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2024. № 3. С. 56–67. DOI: 10.28995/2073-6401-2024-3-56-67

© Милованова М.Ю., 2024

The ideological potential
of P.A. Kropotkin's anarcho-communism
for the theory of the social contract
and its significance for modernity

Marina Yu. Milovanova

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
m_milovanova@mail.ru*

Abstract. The ideas of anarcho-communism by P.A. Kropotkin represent a rich heritage of Russian intellectual thought, relevant and significant for a new understanding of the theory of the social contract.

A potential of the anarcho-communism ideas is revealed by the author's approach: she applies a combination of analysis of a number of Kropotkin's theoretical positions, the recognition of the uniqueness and exclusivity of the "moral and intellectual qualities" of his personality, the relationship of individual life history and the history of society in the conditions of revolutionary changes.

With regard to the significance of the anarcho-communism ideas for the theory of the social contract, answers are given to the tasks of the study – how Kropotkin correlates society and the state, defines the internal determinants for consent in society, which signs (traits) for the characteristics of the social contract are important for the social diagnosis of its effectiveness. Kropotkin's ideological legacy is an example of an intellectual response to the concrete historical challenges of a crumbling world, which was expressed in the creation of an ideology of anarcho-communism, combining both utopianism and a powerful predictive model of society's way of life. His ideas of anti-statism, federalism, and the rule of law are in tune with the established modern era of the expansion of human rights, and are important due to the widespread social practices of civil society. Some ideas of Russian thinkers should be taken into account when developing parameters and indicators for the social contract as a necessary and reproducible construct.

Keywords: social contract, state, society, anarcho-communism, ideology, mutual assistance, evolution, Kropotkin

For citation: Milovanova, M.Yu. (2024), "The ideological potential of P.A. Kropotkin's anarcho-communism for the theory of the social contract and its significance for modernity", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 3, pp. 56–67, DOI: 10.28995/2073-6401-2024-3-56-67

Введение

Времена социальных изменений порождают запрос на поиск актуальных ценностных ориентиров, на обращение к богатому отече-

твенному интеллектуальному наследию. Имя Петра Алексеевича Кропоткина (1842–1921 гг.) связано с общественно-политическим учением анархизма¹. Идейное наследие П.А. Кропоткина значимо для понимания феномена общественного договора как особого специфического состояния и установления, способствующего устойчивому существованию государства и общества, требующего воспроизводства и конструирования новых основ согласия в изменяющемся социуме. Под общественным договором стоит понимать не столько какие-либо реальные исторические документы или ряд документов, закрепляющих общественные отношения, сколько «постоянный процесс поиска и нахождения новых форм согласия между гражданами»². Хотя реальности конкретных исторических документов общественно-договорного характера вполне очевидны: от философского толкования Нового завета³ об установлении новых отношений между Богом и человеком до принятия Всеобщего договора 1948 г. об отношениях между странами на основе признания прав человека⁴. Свойства закрепляющего характера носят и такие правовые документы, как конституции современных государств, фиксирующие основные гарантии прав и свобод человека, отношения взаимной выгоды и ответственности гражданина и государства. Позиция государства становится определяющей, а наполнение его деятельности в современном мире принимает формы правового и социального государства. На таком уровне развития общественный договор (Social_contract) начинает действовать как соглашение между властью, которая берет на себя заботу о гражданах, и самими гражданами, осознающими пользу государства и выполняющими свои обязанности. Проблемой для воспроизводства общественного договора как процесса конструирования новых основ согласия становится то, что первостепенное значение имеет: знание о скрытых, неформальных правилах и понятиях, имеющих место в обществе; степень соответствия ценностных ориентаций населения страны официальным программам; реальный уровень доверия как намерениям официальной власти, так и тому, что власть реализует

¹ Анархизм – от греч. anarchia – безначалие, безвластие.

² Доманов В.Г. Политология: Словарь. М.: Изд-во РГУ, 2010. С. 173.

³ Завет – в богословско-религиозном словоупотреблении – торжественный обет или договор, обычно между Богом и человеком (человечеством).

⁴ Всеобщая декларация прав человека, принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения 20 июня 2023).

в текущий момент, а также то, в какой момент происходит разрыв договоренностей и общественный договор превращается в мнимый, работает неэффективно. Скрепки общественного договора теряют основания и проявляются, например, в моменты революционных процессов, фиксации известного «верхи не могут, а низы не хотят». Так было в 1917 г. Мы стали свидетелями кардинальных моментов поправки мнения большинства, как это случилось в 1991 г. при подписании Беловежского соглашения, когда низы хотели сохранения СССР, а верхи исходили из своих собственных интересов.

Анализ идейного наследия П.А. Кропоткина в рамках данной публикации предполагает такие исследовательские задачи: поиск ответа на вопросы, как он определяет общество и государство, внутренние детерминанты для согласия, какие возможные признаки (черты) выделяются им для характеристики общественного договора. Таким образом, становится более ясным, каков потенциал его идей для общественного договора. Анализ проведен с применением комбинации изучения ряда теоретических позиций⁵ Кропоткина и биографического метода с учетом понимания жизни его личности в целом, взаимосвязи индивидуальной истории жизни и истории революционной ломки общества. Безусловно, без претензии на полноту, так как подробные его жизнеописания присутствуют в ряде исследований (к примеру: [Маркин 2009]), его личность продолжает привлекать внимание современных зарубежных [Колин 2009] и российских историков, политологов и юристов [Сухов 2007; Ляшенко 2008; Назарова 2018; Дамье, Рублев 2022, Рябов 2023]. Однако те аспекты, которые помогают раскрыть позиции, близкие к пониманию сути общественного договора, являются важными и слабо акцентированными, поэтому актуальными для исследования.

Кропоткин об общественном договоре

Об общепринятом виде идей общественного договора Кропоткин пишет довольно иронично: «В руках энциклопедистов (Руссо) идея общественного договора была могучим орудием в борьбе с божественным правом королей»⁶. Однако эта теория, по его мнению,

⁵ Петр Кропоткин. Сайт о научном и идейном наследии П.А. Кропоткина. URL: <https://kropotkin.site/> (дата обращения 12 мая 2023).

⁶ *Кропоткин П.А.* Государство, его роль в истории. Женева: Группа «Хлеб и воля», 1904. С. 7, 8. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/54130-kropotkin-p-a-gosudarstvo-ego-rol-v-istorii-zheneva-1904#mode/inspect/page/10/zoom/4> (дата обращения 26 июня 2023).

должна быть признана ошибочной и отвергнутой. Такой радикальный подход совсем не удивителен для П.А. Кропоткина, который вошел в историю как автор теории анархо-коммунизма – учения, основанного на полном равенстве, взаимопомощи и солидарности всех людей. Ключевой идеологемой, предложенной Кропоткиным, на наш взгляд, выступает мысль о взаимной помощи как факторе эволюции⁷. Для Кропоткина это своего рода биосоциологический закон в противовес набирающему в то время силу учению Ч. Дарвина – о борьбе за выживание как главном факторе эволюции. Кропоткин не отрицает борьбу как суть жизни во всех ее проявлениях, но обозначает приоритетность в пользу взаимопомощи и солидарности.

Обозначим некоторые ключевые аспекты, важные для теории общественного договора. Во-первых, его понимание соотношения общества и государства в контексте того исторического времени, в котором данное соотношение исследуется. Это контур эпохи XIX в., когда происходило формирование мировоззрения молодого мыслителя. В 40–50-е гг. XIX в. анархические идеи прослеживаются у А.И. Герцена, петрашевцев и других представителей освободительной мысли России⁸. В Европе анархизм оформился к 30–40 гг. XIX в. в дискуссии и борьбе с двумя другими влиятельными течениями – буржуазным либерализмом и государственным социализмом. Государство того времени начинает приобретать черты социального (Social Staat). Авторство идеи социального государства приписывается Лоренцу фон Штайну, по мнению которого новая роль государства состоит в восстановлении равенства и свободы, в поднятии уровня жизни низших обездоленных классов до уровня богатых и сильных. Германия и целый ряд передовых европейских государств принимают социальное законодательство⁹. Исходя из этого, Кропоткин подверг критике «целую школу писателей Германии», смешивающих государство с обществом¹⁰. То есть в анархо-коммунизме Кропоткина государство и общество разграничены. «Люди жили обществами многие тысячи лет, прежде

⁷ *Кропоткин П.А.* Взаимопомощь среди животных и людей. СПб.: Тов-во М.Д. Орехова, [1904]. 211 с. URL: <https://kropotkin.site/ukazatel-pechatnyx-trudov-p-a-kropotkina-prizhiznennye-izdaniya#lifetime> (дата обращения 26 июня 2023).

⁸ История политических партий России: Учеб. / Под ред. А.И. Зеваева. М.: Высш. шк., 1994. С. 194.

⁹ *Милованова М.Ю.* Социальная политика: социологические аспекты изучения: Учеб. пособие М.: РГГУ, 2023. 198 с.

¹⁰ *Кропоткин П.А.* Государство, его роль в истории... . С. 4, 5.

чем создавались государства», но «...самыми блестящими эпохами в жизни человечества были именно те, когда местные вольности и местная жизнь не были задавлены государством, и когда массы людей жили в общинах и в вольных городах». И далее, «государство лишь одна из тех форм, которые общество принимало в течение своей истории»¹¹. Давая характеристику глубинным настроениям и ориентациям народа, Кропоткин пишет о том, что народные массы, склонные к взаимной помощи, творят «горизонтальные» связи и соответствующие учреждения, основанные на координации и согласовании интересов. К естественным «горизонтальным» связям он относит род, обычное право, средневековый город, гильдии, а

...государство, возникающее демоническим образом, душит, разрушает и уничтожает эти учреждения, приводит к их окостенению, централизации и иерархизации¹².

Во-вторых, он разграничивает не только общество и государство, но и государство и правительство. Пишет о бюрократии как сложившемся классе в условиях роста централизованных государств, обосновывает потребность изменения внутренней структуры самого аппарата, переход от иерархической к дифференцированной системе власти.

В-третьих, для теории общественного договора имеет значение состояние защиты прав и свобод личности. Основными из них являются – право на жизнь, безопасность жизни, семьи, здоровья, право на собственность, безопасность собственности, включая имущество, жилище, землю, деньги.

Одно из двух. Или государство раздавит личность и местную жизнь, завладеет всеми областями человеческой деятельности, принесет с собой войну и внутреннюю борьбу из-за обладания властью, поверхностные революции, лишь сменяющие тиранов, и как неизбежный конец – смерть! Или государство должно быть разрушено, и в таком случае новая жизнь возникнет в тысяче и тысяче центров, на почве энергической, личной и групповой инициативы, на почве вольного соглашения¹³.

В-четвертых, новое состояние общества, движение к коммунизму возможно при осуществлении управления «снизу», от

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ *Кропоткин П.А.* Государство, его роль в истории... С. 74.

свободных объединений, неформальных организаций, артелей и кооперативов до академий и общин. Кропоткин высказывает идею о самодержавии народа, а не власти. Он считал, что инициатива снизу будет носить эффект расширения до всенародного и международного. Его учение наполнено гуманизмом и верой в человека, раскрывающего в полную силу физические и умственные способности, инициативу, творчество.

Когда против избытка внешней сдержки и дисциплины выступает личность, полная внутреннего самоуправления и дисциплины, – общество только усовершенствуется¹⁴.

В-пятых, отношение к государству как таковому. Радикализм Кропоткина состоит в отрицании государства, однако он понимал невозможность его отмены полностью. Лишь социальная революция приведет к самодержавию народа и господству права. Последним трудом, над которым работал П.А. Кропоткин, стала «Этика» (1921 г.), написанная в условиях послереволюционной советской России, в которую он вернулся после 40 лет эмиграции. Его надежды на установление более совершенного общественного порядка были связаны с этикой как необходимым условием моральной готовности общества к социальному переустройству.

В трудах Кропоткина уделяется внимание роли органов местного самоуправления в создании федеративных отношений, правам на бесплатное образование, свободу совести, слова, печати, неприкосновенность личности, жилища, почтовой безопасности. В рассуждениях о судебной системе им высказываются мысли о правовом статусе заключенного и арестованного, суде присяжных. При переходе к федеративной форме устройства советской России идеолог анархо-коммунизма щедро поделился с большевиками идеей создания Лиги федералистов, коллективных ассоциаций по отраслям, так или иначе применяемой в СССР, в современном анархо-синдикалистском движении профсоюзов.

Государство нельзя отменить сразу, а значит, огромную роль приобретает легитимность власти, когда само общество обеспечивает уровень законности государства. Государство – это сила, по его мнению, враждебная сельской общине. На основе большого массива исторических источников он изучает основы средневековой общинности, описывает события XII в., когда в Европе вспыхивает восстание городских общин, выросшее на почве соединения ремесленных гильдий с сельскими общинами. Характеризует восстание

¹⁴ *Кропоткин П.А.* Анархия: Сборник / Сост. и предисл. Р.К. Баландина. М.: Айрис-пресс, 2002. URL: <https://kropotkin.site/bibliografiya> (дата обращения 2 июля 2023).

как «естественное явление роста человечества, подобное родовому строю и деревенской общине». Он дает интересное сравнение:

...в вольных городах борьба шла для завоевания и сохранения свободы личности, за принцип федерации, за право свободного союза и совместного действия; тогда как государства воевали из-за подавления личности, за уничтожение свободного соглашения, за объединение всех своих подданных в одном общем рабстве, перед королем, судьей и попом, т. е. перед государством¹⁵.

То есть он четко указывает на классовое происхождение государства, называет его

...обществом взаимного страхования, заключенного между землевладельцем, воином, судьей и священником, чтобы обеспечить каждому из них власть над народом и эксплуатировать бедноту. Так было и есть...¹⁶.

В-шестых, если государство нельзя одномоментно отменить, то значит, есть правовое подчинение государственной власти, так как общество передает право на правовое принуждение государству и берет на себя обязательство подчиняться решениям государства. Кропоткин пишет о том, что истинная автономия должна проводить личную оригинальность, воспитание в личности способности регулировать свою волю к подчинению, ее, а не власти, о внутреннем контроле, о самосознании как регуляторе поведения личности. Он отрицал порядок, основанный на насилии, писал об уместности дисциплины, которая хороша на военных парадах, а не там, где целесообразна солидарность и взаимопомощь. Он провозглашал безусловность свободы. Известна его критика Маркса по поводу достижения свободы через диктатуру пролетариата. Свобода растет из самой жизни – такова его позиция. Он пишет о вторичности римского права, ставшего «ничем иным, как надстройкою над правом обычным». Он показывает, что в России влияние римского права менее глубоко, а значение опыта вечевого периода в истории нельзя игнорировать при описании национальных традиций. Общество-договорная теория подразумевает равенство как равенство перед законом, равенство прав, равенство свобод, равенство перед судом и т. д. Кропоткин пишет о взаимном праве, которое не равно

¹⁵ *Кропоткин П.А.* Государство, его роль в истории... С. 35.

¹⁶ *Кропоткин П.А.* Современная наука и анархия. 1890 г. С. 99. URL: <https://kropotkin.site/> (дата обращения 26 июня 2023).

авторитарному праву. Авторитарное право действует при цементировании основ общественного договора со стороны государства, ставшего в XX в. реальным Левиафаном тоталитарного толка.

Заключение

Таким образом, Кропоткин оказался очень прозорлив в оценке тех тенденций, которые способствовали институциональному укреплению государства, усилению противостояния «системы, колонизирующей жизненный мир, действующей разрушительно», когда человек вынужденно реагирует, выстраивает новую сеть взаимоотношений, ищет баланс личных и общественных интересов, выстраивает равноправное взаимодействие лидеров со своими группами и с внешними структурами [Хабермас 1993, с. 123]. Описав лишь некоторые аспекты идейного наследия П.А. Кропоткина, можно предложить учитывать их для диагностирования и воспроизводства общественного договора через следующие параметры.

1. Ясное и интеллектуально обоснованное целеполагание для развития общества. «Дух» анархизма был весьма благодатен, ведь гимном СССР с 1922 по 1944 г. был «Интернационал», а его автором с ключевой мыслью «Весь мир насилья мы разрушим» был анархист и французский революционер Эжен Потье (1816–1887 гг.). Известно, насколько высоко оценивал В.И. Ленин влияние консолидирующей идеи «Интернационала» о свободной личности на общественное сознание молодой советской республики.

2. Наличие личностей – политиков, доверие к которым в обществе является беспрекословным, носителей целеполагающей идеи для общества. П.А. Кропоткин на своем примере следовал исключительности «нравственных и интеллектуальных качеств» [Рябов 2023], стал способным в двадцатилетнем возрасте на поступок выхода из элитарного окружения императора Александра II. Принадлежность к княжескому роду по линии Рюриковичей, обласканность судьбой и властью в детстве и юности не стали преградой отречения от блестящей государственной карьеры в пользу служения России в Амурском казачьем войске. Бернард Шоу назвал Кропоткина «одним из святых столетия», Оскар Уайльд считал его жизнь «совершенной жизнью» [Суворов 2004], его почитали и уважали все – от Ленина до Махно. Революционная Россия 1917 г. «встречала его стоя» и массово в 60 тыс. человек после возвращения из эмиграции, а провожала скорбью. Его похороны состоялись в Колонном зале Дома Союзов, проститься выпустили даже арестантов, среди которых в 1921 г. было немало идейных анархистов.

То есть для заключения и устойчивости общественно- договорных отношений необходимо само наличие критической доли людей, способных вести за собой, быть примером для народа. Сам Кропоткин считал истинным революционером того, кто сумеет разбудить в личностях и группах дух почина, кому удастся положить эти принципы в основу своих поступков и своих отношений с другими людьми, кто поймет, что в разном образе и даже в борьбе заключается жизнь и что «единообразие есть смерть».

3. Постоянная в режиме мониторинга и концептуализации объективная оценка как ситуационного исторического момента, так и эпохи в целом для выработки углубленных показателей, их индексирования для оценки горизонтальных, действующих в обществе связей, выявление их институциональных форм, социальных практик. Изменяющееся поведение в информационную эпоху остается запросом в современной социологии.

4. Выявление диспозиции социально-демографических групп, учет их потребностей, интересов и ценностей в силу конфликтного состояния общества и государства. Оценка жизненных шансов человека и общностей важна в их двойной функции – функции опции как связи прав и их обеспечения, формальных намерений и их реализации; функции опций и лигатур – глубинных культурных связей, позволяющих людям найти свой путь в мире, т. е. как они представлены в обществе [Дарендорф 2002, с. 35].

5. Диагностика и анализ источников силы (ресурсности) вертикали власти, совершенствование инструментов измерения реального уровня институционального доверия.

6. Имеющийся у различных социальных общностей образ будущего как интеграция комбинаций ценностных ориентиров, создание национальных концептуальных разработок, выходящих за рамки тех, что возникли на базе изучения других обществ, иных культур.

Говоря о состоятельности анархо-коммунистических идей, нельзя отрицать их влияния на становление идеологической советской доктрины. Однако для большевиков, взявших власть в свои руки, радикальные и вдохновляющие идеи анархизма с его лозунгами борьбы за свободу личности, против государственной власти, были уместны до того, как это не мешало их собственным планам удержания власти и становлению нового государства. Влияние анархо-коммунизма в современном обществе есть, но стоит отметить трудные времена для его эволюции во второй половине XX в. Тем не менее идейный потенциал «для реабилитации мечты и утопии» продолжает оставаться питательной средой для проектов будущего. Новый анархизм получил развитие в третьей

волне феминизма, либертарианстве, всплеснул события 1968 г., продолжает оставаться очень разнообразным. Можно видеть влияние анархо-коммунизма на целый ряд социальных практик гражданского общества, на примере «корней травы» или «групп близости», в лозунгах студенческих протестов, призывающих читать анархистов, а также в том, как современная эпоха расширения прав человека, признания их многообразия институционализируется в специальных установлениях защиты этих прав, реализации их возможностей.

Литература

- Дамье 2022 – *Дамье В., Рублёв Д.* Петр Кропоткин: Жизнь анархиста. М.: Альпина нон-фикшн, 2022. 664 с.
- Дарендорф 2002 – *Дарендорф Р.* Современный социальный конфликт: Очерк политики свободы. М.: Российская политическая энциклопедия, 2002. 288 с.
- Колин 2009 – *Колин В.* Анархизм: очень краткое введение: [Пер. с фр.]. М.: АСТ: Астрель, 2009. 125 с.
- Ляшенко 2008 – *Ляшенко В.В.* Идеи П.А. Кропоткина о государстве и праве: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008.
- Маркин 2009 – *Маркин В.А.* Кропоткин. М.: Молодая гвардия, 2009. 333 с.
- Назарова 2018 – *Назарова Н.А.* Концепция общественного договора в системах государства и права XXI века // *Власть Закона*. 2018. № 3 (35). С. 247–253.
- Рябов 2023 – *Рябов П.В.* Анархизм: От Прудона до новейшего российского анархизма М.: URSS, 2023. 504 с.
- Суворов 2004 – *Суворов В.П.* Анархизм в Тверской губернии: вторая половина XIX в. – 1918 г.: Дис. ... канд. ист. наук. URL: <https://www.dissercat.com/content/anarkhizm-v-tverskoi-gubernii-vtoraya-pоловина-xix-v-1918-g> (дата обращения 12 мая 2023).
- Сухов 2007 – *Сухов А.Д.* П.А. Кропоткин как философ. М.: ИФ РАН, 2007. 144 с.
- Хабермас 1993 – *Хабермас Ю.* Отношения между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма // *THESIS*. Весна 1993. Т. 1. Вып. 2. С. 123–136.

References

- Colin, W. (2009), *Anarkhizm: ochen' kratkoe vvedenie*: [Anarchism: A Very Brief Introduction], AST, Astrel, Moscow, Russia.
- Damier, V. and Rublev, D. (2022), *Petr Kropotkin: Zhizn' anarkhista* [Peter Kropotkin. The Life of an anarchist], Al'pina non-fikshn, Moscow, Russia.

- Darendorf, R. (2002), *Sovremennyi sotsial'nyi konflikt: Oчерk politiki svobody* [Modern social conflict. An essay on the politics of freedom], Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), Moscow, Russia.
- Habermas, J. (1993), "Relations between the system and the life world in the conditions of late capitalism", *THESIS*, Spring, vol. 1, iss. 2, pp. 123–136, available at: <http://uchebnikfree.com/page/sotciolog/ist/ist-5--idz-ax253--nf-11.html> (Accessed 12 May 2023).
- Lyashenko, V.V. (2008), *Kropotkin's ideas about the state and law*, PhD dissertation, Moscow, Russia.
- Markin, V.A. (2009), *Kropotkin*, Molodaya gvardiya, Moscow, Russia, available at: <https://kropotkin.site/markin-zhzh-kropotkin#CO2> (Accessed 2 July 2023).
- Nazarova, N.A. (2018), "The concept of a social contract in the systems of state and law of the 21st century", *The Power of Law*, no. 3 (35), pp. 247–253, EDN PNPDLR.
- Ryabov, P.V. (2023), *Anarkhizm: Ot Prudona do noveishego rossiiskogo anarkhizma* [Anarchism. From Proudhon to the latest Russian anarchism], URSS, Moscow, Russia.
- Sukhov, A.D. (2007), *P.A. Kropotkin kak filosof* [Kropotkin as a philosopher, monograph], IF RAN, Moscow, Russia, available at: <https://znanium.com/catalog/product/357104> <http://uchebnikfree.com/page/sotciolog/ist/ist-5--idz-ax253--nf-11.html> (Accessed 7 May 2023).
- Suvorov, V.P. (2004), *Anarchism in Tver province. The second half of the 19th century – 1918*, PhD dissertation, available at: <https://www.dissercat.com/content/anarkhizm-v-tverskoi-gubernii-vtoraya-pоловина-xix-v-1918-g> (Accessed 12 May 2023).

Информация об авторе

Марина Ю. Милованова, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; m_milovanova@mail.ru

Information about the author

Marina Yu. Milovanova, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; m_milovanova@mail.ru

Социокультурные проблемы в зеркале социологии

УДК 37:339.726(470)

DOI: 10.28995/2073-6401-2024-3-68-76

Образовательные проекты женщин-благотворителей в России конца XIX – начала XX в.

Марина Б. Буланова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, marina_bulanova@inbox.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются проекты в области образования, предложенные и реализованные тремя женщинами-благотворителями в конце XIX – начале XX в. Графиня В.Н. Бобринская (1864–1940) в своем имении Бутырки Тульской губернии организовала для местных крестьянских детей воскресную школу, а для их родителей – школу обучения чтению. Кроме того, она возглавила Комиссию заграничных и русских экскурсий, устроив поездки, благодаря которым сельские учителя получили возможность поработать над повышением своего образовательного и культурного уровня. Княгиня М.К. Тенишева (1858–1928) открыла в Бежице Смоленской губернии Школу ремесленных учеников, осваивающих профессии столяра, кузнеца, чертежника. Также ей удалось открыть на хуторе Флёново 6-летнюю сельскохозяйственную школу для местных крестьянских детей. Наконец, Лидия Алексеевна Шанявская (1842–1921) приложила немало сил для открытия в 1908 г. Московского народного университета. Тем самым эти образованные, достойные женщины внесли посильный вклад в развитие российского народного образования.

Ключевые слова: благотворительность, образование, В.Н. Бобринская, М.К. Тенишева, Л.А. Шанявская

Для цитирования: Буланова М.Б. Женщины-благотворители в России конца XIX – начала XX в. // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2024. № 3. С. 68–76. DOI: 10.28995/2073-6401-2024-3-68-76

© Буланова М.Б., 2024

Educational projects of women philanthropists in Russia at the end of the 19th and beginning of the 20th century

Marina B. Bulanova

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
marina_bulanova@inbox.ru*

Abstract. The article considers projects in the field of education proposed and implemented by three women philanthropists at the end of the 19th – beginning of the 20th century. Countess V.N. Bobrinskaya (1864–1940) on her Butyrki estate in the Tula province organized a Sunday school for local peasant children and a reading school for their parents. In addition, she headed the Commission for Foreign and Russian Excursions, organizing trips that gave rural teachers the opportunity to work on improving their educational and cultural level. Princess M.K. Tenisheva (1858–1928) opened Tradesmen’s School in Bezhitsa, Smolensk province, for mastering the professions of carpenter, blacksmith and draftsman. She also managed to open a 6-year agricultural school for local peasant children on the Flenovo farmstead. Finally, Lidia Alekseevna Shanyavskaya (1842–1921) put a lot of effort into opening the Moscow People’s University in 1908. Thus, three remarkable women contributed to Russian enlightenment.

Keywords: charity, education, V.N. Bobrinskaya, M.K. Tenisheva, L.A. Shanyavskaya

For citation: Bulanova, M.B. (2024), “Educational projects of women philanthropists in Russia at the end of the 19th and beginning of the 20th century”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 3, pp. 68–76, DOI: 10.28995/2073-6401-2024-3-68-76

Введение

Интеллигенция второй половины XIX – начала XX в. ясно осознавала и глубоко переживала контраст между образованными кругами российского общества и невежественными народными (преимущественно крестьянскими) массами. Доступ к образованию (особенно высшему) в государственных учреждениях России того времени был ограничен всевозможными цензами: сословным, религиозным, половозрастным. Несколько облегчить ситуацию с народным просвещением могла только частная инициатива со стороны состоятельных людей. В данной статье рассмотрен опыт реализации образовательных проектов женщинами-благотворите-

лями, которые, вопреки стереотипам своего времени, не ограничились ролью матери и хранительницы семейного очага, а применили свои таланты и способности, вложив соответствующие материальные средства, для общественного блага.

Графиня В.Н. Бобринская в заботах о народном образовании

Варвара Николаевна Бобринская родилась в московской дворянской семье Львовых в 1864 г. Будучи людьми известными и обеспеченными, родители Варвары сумели дать ей единственно возможное в то время для девочек домашнее образование. Однако программа и содержание обучения резко отличались от принятого «девичьего стандарта» – обучать только тому, что может пригодиться женщине в ее последующей семейной жизни. Варвара Николаевна получила необходимые знания в объеме мужской гимназии, что в дальнейшем помогло ей реализовать самые смелые социальные проекты. Возможность жить не только семейной жизнью, но и приносить пользу своему Отечеству дочери показали сами родители. Собрав более сорока картин мастеров отечественной и зарубежной живописи, отец, Николай Александрович Львов, завещал после его смерти передать их в дар московскому Румянцевскому музею, что и было исполнено женой Марией Михайловной в 1899 г. Продолжив эту традицию, Варвара Николаевна в 1903 г. подарила тому же музею собранную отцом и матерью библиотеку, включавшую 401 том русской и иностранной литературы.

Варвара Николаевна вышла замуж сравнительно поздно по тем временам – в 25 лет. Муж, граф А.А. Бобринский¹, передал своей избраннице не только статус, но и достаточные средства, чтобы обеспечить ей безбедную жизнь. Однако сам он с детства впитал семейные традиции помощи нуждающимся и благотворительности. Так, мать Алексея Алексеевича² в своем имении открыла ткацкие мастерские. Два года прожив в Богородицкой усадьбе Тульской губернии, супруги переезжают в свое имение – Бутырки. Варвара Николаевна родила своему супругу пятерых детей, однако это не помешало ее благотворительной деятельности.

¹ Бобринский Алексей Алексеевич (1864–1909), граф, сын государственного деятеля А.П. Бобринского, владельца сахарного завода и родовой усадьбы в Богородицке Тульской губернии.

² Бобринская Александра Алексеевна, в девичестве Писарева (1843–1905), правнучка генерал-поручика М.В. Муромцева.

Первым образовательным проектом графини была организация в своем имении для крестьянских детей воскресной школы, а для взрослых крестьян – школы обучения чтению. Позднее в школы стали обращаться крестьяне из ближайших сел и деревень. Если воскресная школа требовала по принятым канонам, то обучение грамоте взрослых требовало иных методов. Варвара Николаевна вспоминала, что педагогической находкой стал показ картинок с помощью «волшебного фонаря» (проектора), а также работа передвижной библиотеки³. Однако вскоре обнаружилась проблема – взрослые крестьянки не могли оставить дома маленьких детей. Графиня нашла способ: она организовала аналог детского сада – группы, где с детьми занимались приглашенные педагоги-воспитатели. Оплачивала работу и воспитателей, и учителей сама нанимательница, а в день выплаты зарплаты устраивала так называемые просветительские беседы для всех желающих. В дальнейшем передвижная библиотека стала постоянной, а снабжение книгами и пособиями долгие годы обеспечивалось ее заботами.

Еще один образовательный проект – организация Комиссии заграничных и русских экскурсий. В начале проекта, в 1909 г., была организована поездка в Италию. Состав группы был смешанным – в основном городская и сельская молодежь. Однако уже со следующей поездки Бобринская ставит цель – по ее мнению, важно предоставить возможность «учителям из народа» повысить свой образовательный и культурный уровень. С этой целью графиня набирает штат экскурсоводов, один из которых, писатель Михаил Александрович Осоргин, написал ряд статей и оставил свои воспоминания об организации этих поездок [Осоргин 2009]. Проект пользовался большим спросом и интересом – в первые два года на экскурсиях побывали 2000 чел.

Княгиня М.К. Тенишева: практики народного обучения

Мария Клавдиевна Пятковская (Тенишева) родилась в петербургской дворянской семье в 1858 г. Подросткую девушку родители отдали в частную гимназию М.П. Спешневой, в которой, наряду с традиционными для девочек рукоделием, пением и танцами, изучались такие предметы, как математика, физика, химия, биология. В 1892 г. она вступила в брак с предпринимателем, кн. В.Н. Те-

³ Бобринская В.Н. Хроника моей жизни. Воспоминания: 1864–1930 гг.: Рукопись // ГА РФ. Ф. 5819. Оп. 1. Д. 5. С. 3–122.

нишевым⁴, полностью разделяя его деятельность как мецената. Однако полученного княгиней образования оказалось достаточно, чтобы вести и собственную благотворительную деятельность.

К благотворительным делам в области образования можно отнести проект открытия в 1893 г. «Школы ремесленных учеников княгини М.К. Тенишевой» в Бежице. Для училища было выстроено специальное здание, рассчитанное на 200 учащихся. Князь поддержал Марию Клавдиевну, выделив на постройку 200 тыс. руб. В училище не только готовились к необходимым на селе профессиям кузнеца и столяра, но и востребованным в городе профессиям слесаря и чертежника. Подводя итоги проделанной работы, графиня вспоминала:

Из прежней грубой скорлупы вышли деловые, способные юноши, настоящие люди. Впоследствии все они вышли на дорогу, получили хорошие места, знания их сейчас же находили себе применение и хорошо оплачивались [Тенишева 2018, с. 80].

За проделанную работу Мария Клавдиевна получила личную благодарность от государя Николая II.

В 1894 г. супруги приобрели в собственность хутор Флёново Смоленской губернии, где княгине удалось реализовать еще один образовательный проект – открыть для детей крестьян сельскохозяйственную школу. В первый год было принято 150 учащихся, из них – 12 сирот. Поначалу в школу принимались только мальчики, но со временем стали допускать к обучению девочек, что потребовало от графини новых расходов для строительства специального для них помещения. В классах же мальчики и девочки обучались совместно. Школа предлагала расширенную программу 6-летнего образования. В младших классах ученики приобретали навыки счета, чтения, учились писать и изучали Закон Божий, в старших классах появлялись такие предметы, как математика, зоология и ботаника, география и физика, а также история, черчение, право. Вводились специальные дисциплины (земледелие, садоводство, огородничество, скотоводство) [Журавлева 1993].

В 1895 г. Мария Клавдиевна подписывает дарственную, передав земли и постройки школе, благодаря чему школа перешла под управление Министерства народного просвещения и в 1896 г. получила статус двухклассной школы с введением курса по сельскому

⁴ Тенишев Вячеслав Николаевич (1843–1903), предприниматель, этнограф, социолог, меценат, благотворитель. Основал Тенишевское реальное училище в Санкт-Петербурге.

хозяйству, а в 1900 г. – статус сельскохозяйственной школы первого разряда. Последний статус открывал возможность учащимся после окончания обучения не только работать в своем хозяйстве, но и трудиться по найму в других частных имениях. Княгиня с удовлетворением признавала, что выпускники школы могли применять полученные знания для работы в сельской местности [Тенишева 2018].

*Л.А. Шанявская:
организация народного университета*

Лидия Алексеевна Шанявская (Родственная), по уточненным недавно архивным сведениям, родилась в Сибири в 1842 г. [Михин 2024, с. 248]. Родители Лидии были обеспеченными людьми⁵, смогли пригласить хороших учителей и дать дочери достойное образование, позволившее ей стать «высокообразованным прогрессивным человеком, ни в чем не уступающим своему супругу» [Шноль, 2010, с. 68–69]. Мужем Лидии Алексеевны в 1872 г. стал дворянин польского происхождения генерал-майор Альфонс Леонович Шанявский⁶. Выйдя в 38 лет в отставку, он проявил талант предпринимателя, став по примеру жены, занимающейся золотодобычей, директором-распорядителем нескольких новых компаний на реке Зeya (приток Амура). Будучи богатыми людьми, супруги могли не задумываться о будущем, но предпочли большую часть средств вложить в дело народного образования.

Среди множества благотворительных проектов супругов Шанявских можно выделить дело «на благо и возрождение России», а именно: открытие народного университета, в котором каждый желающий смог бы удовлетворить свою тягу к знаниям и культуре [Начинание 2004]. А.Л. Шанявский добился в 1905 г. положительного решения Московской городской думы принять частное пожертвование и заняться делом организации вольного университета, однако из-за тяжелой болезни времени на подготовку к его открытию у него не осталось. За несколько дней до смерти он дал

⁵ Отец – Родственный Алексей Федорович, полковник в отставке, директор Нерчинских сереброплавильных заводов. Мать – Родственная Апполинария Ивановна, золотопромышленница.

⁶ Шанявский Альфонс Леонович (1837–1905) – русский офицер польского происхождения, генерал-майор, предприниматель, золотопромышленник, меценат. Выделил средства на открытие Московского городского народного университета.

поручение Лидии Алексеевне завершить начатое дело, ясно представляя все трудности, которые могут встретиться на ее пути. Для того, чтобы выполнить это духовное завещание мужа, Шанявской потребовалось три года упорной борьбы с чиновниками Министерства народного просвещения самого высшего ранга. 1 октября 1908 г. состоялось торжественное открытие народного университета, получившего имя Альфонса Леоновича Шанявского. В его составе открылись два отделения: научно-популяризаторское, дающее слушателям общее среднее образование, и академическое, предназначенное для получения высшего образования. Оплата за обучение была минимальной, а по окончании учебного заведения выдавались специальные удостоверения, по которым можно было устроиться на работу [Кизеветтер 1996, с. 176–177].

После открытия университета Лидия Алексеевна продолжала участвовать в организации его деятельности: работала в Попечительском совете, вносила пожертвования на закупку литературы для библиотеки и оборудования для лабораторий. Благодаря трудам и заботам этой неутомимой женщины Московский городской университет им. А.Л. Шанявского набирал все большее число слушателей. Сегодня в стенах Российского государственного гуманитарного университета продолжается дело Шанявских, а в 2023 г. в память о Лидии Алексеевне одной из аудиторий в историческом здании было присвоено ее имя.

Заключение

С именами графини В.Н. Бобринской, княгини М.К. Тимашевой и Л.А. Шанявской связаны яркие страницы истории российского образования. Идеи просвещения, помощи народу в обретении знаний и повышении культурного уровня вдохновляли этих замечательных женщин на благотворительную деятельность по реализации важных образовательных проектов. Помнить имена и дела этих скромных представителей российской интеллигенции – долг наших современников.

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта РГГУ «Национальная модель гендерного равноправия: междисциплинарный и экспертный подход» (конкурс «Проектные научные коллективы РГГУ», 2023).

Acknowledgments

The article was prepared as part of the RSUH project “National Model of Gender Equality. Interdisciplinary and Expert Approach” (competition “Project Research Teams of the Russian State University for the Humanities”, 2023).

Literatura

- Журавлева 1993 – *Журавлева Л.С.* Княгиня Мария Тенишева. Смоленск: Смол. пед. ин-т, 1993. 235 с.
- Кизеветтер 1996 – *Кизеветтер А.А.* На рубеже двух столетий. Воспоминания: 1881–1914. М.: Искусство, 1996. 396 с.
- Михин 2024 – *Михин О.В.* Л.А. и А.Л. Шанявские (опыт историко-социологического анализа) // *Общественный договор: формы участия интеллигенции в его реализации в России.* М.: РГГУ, 2024. С. 246–252.
- Начинание 2004 – *Начинание на благо и возрождение России: создание университета имени А.Л. Шанявского: Сб. документов / Под ред. Н.И. Басовской и А.В. Крушельницкого* М.: РГГУ, 2004. 351 с.
- Осоргин 2009 – *Осоргин М.М.* Воспоминания: 1861–1920. М.: Рос. фонд культуры, 2009. 1383 с.
- Тенишева 2018 – *Тенишева М.К.* Впечатления моей жизни. Смоленск: Свиток, 2018. 304 с.
- Шноль 2010 – *Шноль С.Э.* Герои, злодеи, конформисты отечественной науки. М.: ЛИБРОКОМ, 2010. 720 с.

References

- Basovskaya, N.I. and Krushelnitsky, A.V. (eds.) (2004), *Nachinanie na blago i vozrozhdenie Rossii: sozdanie Universiteta imeni A.L. Shanyavskogo: sbornik dokumentov* [Undertaking for the benefit and revival of Russia. The creation of the A.L. Shanyavsky University. A collection of documents], RGGU, Moscow, Russia.
- Kizevetter, A.A. (1996), *Na rubezhe dvukh stoletii. Vospominaniya, 1881–1914* [At the turn of two centuries. Memories, 1881–1914], Iskusstvo, Moscow, Russia.
- Mikhin, O.V. (2024), “L.A. and A.L. Shanyavsky (An experience of historical and sociological analysis)”, *Obshhestvennyi dogovor: formy' uchastiya intelligentsii v ego realizatsii v Rossii* [The social contract. Forms of participation of the intelligentsia in its implementation in Russia], RGGU, Moscow, Russia, pp. 246–252.
- Osorgin, M.M. (2009), *Vospominaniya. 1861–1920* [Memories. 1861–1920], Ros. fond kul'tury, Moscow, Russia.
- Shnoll, S.E. (2010), *Geroi, zlodei, konformisty' otechestvennoj nauki* [Heroes and Villains of Russian Science], LIBROKOM, Moscow, Russia.

Tenisheva, M.K. (2018), *Vpechatleniya moej zhizni* [Impressions of my life], Svitok, Smolensk, Russia.

Zhuravleva, L.S. (1993), *Knyaginya Mariya Tenisheva* [Princess Maria Tenisheva], Smolenskii ped. institut, Smolensk, Russia.

Информация об авторе

Марина Б. Буланова, доктор социологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; marina_bulanova@inbox.ru

Information about the author

Marina B. Bulanova, Dr. of Sci. (Sociology), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; marina_bulanova@inbox.ru

Социальный статус экскурсовода как культурного посредника в трансляции символических смыслов

Татьяна В. Белецкая

*Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта,
Калининград, Россия, beletskaya.t@gmail.com*

Аннотация. В статье анализируется влияние актуальных социальных изменений на социальный статус экскурсовода. Обосновывается, что, несмотря на многообразие функций экскурсоводческой деятельности, ключевое значение для современного общества сохраняет роль экскурсовода как культурного посредника. Приводятся доводы в поддержку того, что экскурсоводы принадлежат к среде интеллигенции и способствуют на формирование и трансляцию символических смыслов, способствуя межгрупповому диалогу и достижению общественного консенсуса. На материале интервью с калининградскими гидами рассматриваются основные социальные проблемы, с которыми сталкиваются экскурсоводы в условиях растущей коммерциализации и технологизации туристических услуг. Делается вывод, что основные статусные вызовы для гидов сегодня представляют размытость границ профессиональной принадлежности, недостаток социального признания профессиональных компетенций, а также сложность адаптации экскурсионной деятельности к условиям цифровой экономики. Доказывается, что, тем не менее, в своей основе экскурсоводы подтверждают статус интеллектуального сообщества и имеют характерные для него запросы.

Ключевые слова: экскурсовод, символический капитал, интеллигенция, социальный статус, Калининградская область

Для цитирования: Белецкая Т.В. Социальный статус экскурсовода как культурного посредника в трансляции символических смыслов // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2024. № 3. С. 77–90. DOI: 10.28995/2073-6401-2024-3-77-90

Social status of the tour guide as a cultural broker in the transmission of symbolic meanings

Tatiana V. Beletskaya

*Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia,
beletskaya.t@gmail.com*

Abstract. The article analyzes the impact of current social changes on the social status of the tour guide. It is substantiated that, despite the variety of functions of tour guiding, the role of a tour guide as a cultural mediator remains of key importance for modern society. It is argued that guides belong to the community of intellectuals and influence the formation and transmission of symbolic meanings, promoting intergroup dialogue and public consensus. The main social issues faced by tour guides in the context of growing commercialization and technologization of tourism services were identified based on interviews with tour guides in the Kaliningrad region. It is concluded that the main challenges to the status of guides today are the blurred boundaries of occupation, lack of social recognition of professional competencies and the difficulty of adapting excursion activities to the conditions of the digital economy. It is proved however that at their core, tour guides confirm their status of the intellectual community and have requests characteristic of it.

Keywords: tour guide, symbolic capital, intelligentsia, social status, Kaliningrad region

For citation: Beletskaya, T.V. (2024), "Social status of the tour guide as a cultural broker in the transmission of symbolic meanings", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 3, pp. 77–90, DOI: 10.28995/2073-6401-2024-3-77-90

Введение

В современном обществе экскурсионная деятельность приобретает все большие масштабы, ее внутренняя структура усложняется и дифференцируется. Растущая конкуренция за туристический интерес, развитие цифровых технологий стимулируют появление новых экскурсионных форматов. Как отмечает К.А. Кожанов, хотя экскурсия в настоящий момент «остаётся инструментом формирования образа города, источником и проводником в потоке знаний о нем», в то же время она «приобретает черты многофункционального явления массовой культуры, что отражается в трансформации ее содержания» [Кожанов 2021, с. 54]. При этом все большее влияние на экскурсионную деятельность оказывают экономические и политические факторы.

Под воздействием обозначенных процессов в настоящий момент активно трансформируется и профессиональная структура экскурсоводческого сообщества. Проблема расплывчатости границ статуса экскурсовода уже достаточно давно является предметом социологической рефлексии [Cohen 1985, с. 24; Holloway 1981, с. 398]. Тем не менее развитие Интернета и социальных сетей еще более расширило доступ к занятию экскурсоводством представителям самых различных сфер деятельности [Жигунов, Шарова 2021, с. 34]. Но одним из главных катализаторов ролевого конфликта для экскурсоводов, на наш взгляд, является масштабная коммерциализация туристической сферы. Формирующееся под ее влиянием отношение к гидам как к обслуживающему персоналу вызывает у них, как у представителей интеллектуальных слоев, сильное ролевое напряжение, ведет к дезориентации в определении моделей профессионального поведения, кризису идентичности, что сказывается и на реализуемых ими социально значимых функциях. Для экскурсоводов сегодня особенно актуализируется проблема накопления символического капитала своего социального статуса, заключающаяся в необходимости повышения общественного доверия к профессиональным навыкам, поддержании репутации, соблюдения этических кодексов со стороны различных акторов, вовлеченных в экскурсионный процесс, признания компетенций и т. п. [Бурдые 2001, с. 102].

Ввиду этого цель данной статьи заключается в анализе влияния современных процессов на социальный статус экскурсовода и связанных с этим проблем реализации им функций культурного посредника.

Принадлежность экскурсоводов к среде интеллигенции

Несмотря на всю широту сфер экскурсионной занятости, в своем ядре экскурсоводческое сообщество отвечает критериям, предъявляемым к интеллигенции. А именно – представляет собой творческую группу людей умственного труда, вырабатывает собственную гражданскую и нравственную позицию и в ходе реализации своей деятельности приобщает широкие социальные слои к культурным достижениям (см. определение интеллигенции: [Тощенко 2019, с. 14]).

В России экскурсоводство было связано с интеллигентной средой с момента своего становления. Еще в начале XX в. историк И.М. Гревс внедрил экскурсионный метод в процесс университет-

ского преподавания. В дальнейшем методику экскурсионного дела активно исследовал и развивал его ученик Н.П. Анциферов. При этом их разработки во многом носили не только исторический и культурологический, но также, пусть и не явно выраженный, социологический характер, особенно в области городских исследований [Кожанов 2019, с. 205]. В «Душе Петербурга» Н.П. Анциферов отмечает глубокое содержание экскурсоводческой деятельности и критикует практику «невежественных фантазеров-гидов» представлять город лишь как «музей достопримечательностей» [Анциферов 1922, с. 18]. Настоящая задача экскурсовода, по его мнению, состоит в том, чтобы раскрыть экскурсантам саму душу города, «освободить ее из материальной оболочки... в недрах которой она сокрыта» [Анциферов 1922, с. 19]. Таким образом, Анциферов задает высокую интеллектуальную и моральную планку экскурсоводческой деятельности: чтобы раскрыть «душу» города другим, сперва ее необходимо не только познать, но и понять, полюбить и принять самому. Видный представитель советского экскурсоводства Емельянов Б.П. был убежден, что профессиональное мастерство экскурсовода относится к педагогическому, а сам экскурсовод может быть определен как

...педагог, деятельность которого ставит своей главной задачей обучение и воспитание людей, формирование личности, ее знаний и убеждений [Емельянов 2007, с. 69].

Проведение экскурсий и сегодня требует весьма серьезной интеллектуальной подготовки. Экскурсовод в своей практике кумулирует достижения различных областей научного знания, развивает энциклопедическое мышление, углубляет познания в культуре. Для успешной профессиональной реализации он должен разбираться в истории как своего края, так и всей страны, ориентироваться в самых разнообразных видах искусства – от живописи и скульптуры до архитектуры. И это даже не специфика музейных гидов, это знание востребуется уже для самых простых ознакомительных экскурсий, например по центру города. Помимо этого от экскурсовода требуется знание и в области естественных наук. Экскурсовод предоставляет информацию о географическом положении, о природных объектах, биологическом разнообразии, особенностях климата и т. п. Также он должен быть осведомлен о социально-демографических показателях, экономических особенностях. Экскурсоводческая деятельность тесно связана и с лингвистикой. И это не только знание иностранных языков, это также и понимание этимологии, топонимики, значения слов.

*Социальное значение экскурсоводческой деятельности:
культурные посредники и трансляторы смыслов*

Экскурсовод не только накапливает собственный багаж знания, но и транслирует его в ходе экскурсий. Публичность экскурсоводского сообщества, наличие у него каналов коммуникации с другими социальными общностями и группами, обеспечивающих возможность оказывать влияние на их представления друг о друге, делает его важным актором в формировании общественного договора.

Под общественным договором в данном случае понимается своеобразный консенсус между различными социальными общностями по поводу существующих ценностей, норм, целей и путей социального развития [Тощенко 2023, с. 42]. В классических теориях общественный договор изначально рассматривался как политический проект. В трудах Т. Гоббса, Дж. Локка, Ж.-Ж. Руссо концепция общественного договора выводится на основе сопоставления естественного и общественного состояний. Общественный договор у них – это рациональная основа делегирования властных полномочий государственному институту, это своеобразный взаимовыгодный контракт между народом и правителями. Но не только государство, а вообще, в принципе, любые достаточно крупные социальные общности представляют сегодня сложные дифференцированные системы, между структурными элементами которых возникают столкновения и противоречия, требующие согласования. То есть общественный договор в широком смысле допустимо рассматривать не только на уровне взаимодействия народа и политических институтов, но и как основу достижения сплоченности и солидарности внутри различных социальных сообществ, в том числе и территориальных [Тощенко 2023, с. 50]. Общественный договор – это своеобразная констелляция различных частных интересов и целей, достижение относительного равновесия которых способствует социальному развитию в целом. Подобное прочтение раскрывает значение наличия каналов коммуникации между различными социальными группами, а также и социальных акторов, способствующих обмену мнениями между нами, формированию взаимопредставлений и достижению взаимопонимания.

Эти функции, в том числе, выполняют и экскурсоводы. Развивая собственную критическую позицию, они дают оценку социальным явлениям и процессам, тем самым оказывая влияние на состояние общественного мнения по актуальным социальным проблемам. Значение роли экскурсовода как культурного посредника (*“cultural broker”*) [Salazar 2014, с. 1–2] носит масштабный и комплексный характер и раскрывается на нескольких уровнях социальных взаимодействий.

1. Экскурсовод выступает посредником межкультурного диалога между местными жителями и иностранными туристами, тем самым оказывая определенное влияние и на отношения между государствами на международной арене. От качества работы экскурсовода во многом зависит то впечатление, которое сложится у туристов о стране и населяющем ее народе. При посещениях других стран путешественники зачастую ярко ощущают контраст традиций, социальных практик, повседневных ритуалов. Столкновение с иным, неизвестным и непонятым, может рождать не только положительные эмоции, но и такие негативные, как чувство неприятия, отвращения, страха и даже ненависти. В силах экскурсовода донести до внешней общественности логику жизненного уклада местных жителей, разъяснить их обычаи, пролить свет на историю, обосновать систему ценностей, тем самым обеспечивая толерантность к другой культуре. Ввиду этого экскурсоводческая деятельность способствует сближению различных народов, их взаимопониманию, добрососедству и т. п.

Можно сказать, что экскурсоводческая деятельность в современных условиях имеет стратегическое значение, поскольку от ее успешной реализации зависит дальнейшее развитие туристической дестинации, привлечение инвесторов, проведение культурных и спортивных мероприятий и т. д. То есть экскурсовод оказывает воздействие на формирование положительного имиджа государства, что также влечет за собой и получение политических выгод.

2. Экскурсовод выполняет роль посредника в достижении взаимопонимания и между различными группами населения внутри одной страны. Это особенно актуально в случае Российской Федерации, территориальные субъекты которой весьма отличны друг от друга. Экскурсовод способствует знакомству приезжих и туристов с историей, традициями края, помогает ощутить культурную близость с местным населением, достичь взаимопонимания и чувства единения, то есть, по сути, способствует формированию национальной идентичности.

3. Экскурсоводы способствуют консолидации и местного населения, участвуют в обсуждении и выработке целей, стратегий и программ территориального развития. Экскурсоводческое сообщество тесно взаимодействует с образовательной средой, с историками и краеведами, музейным персоналом, представителями культурного сообщества, литераторами, общественными деятелями. Культурный и умственный багаж, которым владеет экскурсовод, способствует выработке у него критического взгляда на происходящие в обществе процессы, ввиду чего для многих экскурсоводов характерна активная гражданская позиция.

Современные вызовы и социальные проблемы деятельности экскурсовода

В настоящий момент экскурсоводы в профессиональной сфере сталкиваются с новыми вызовами и трудностями, которые препятствуют реализации ими в своей деятельности социально значимых функций. На основе анализа проведенных интервью с калининградскими экскурсоводами (n = 12) были выделены следующие актуальные проблемы, с которыми они сталкиваются в ходе реализации своей деятельности.

1. Растущая конкуренция внутри профессионального сообщества экскурсоводов, размытие критериев профессиональной принадлежности. Долгое время Калининградская область не привлекала значительного притока туристов, скорее выполняя функцию военного форпоста страны. Ситуация стала меняться в 2000-е гг., большую роль в туристической популяризации области сыграло празднование в 2005 г. 750-летия Кенигсберга-Калининграда, к которому были воссозданы и отреставрированы значимые исторические достопримечательности. Как ни парадоксально, но дальнейшими толчками к развитию туризма послужили такие события, как валютный кризис в России 2014–2015 гг., пандемия COVID-19 и специальная военная операция ВС РФ на Украине. Подорожание и закрытие популярных у россиян зарубежных туристических направлений стимулировало развитие внутреннего туризма и, в частности, позволило раскрыться рекреационному потенциалу Калининградского региона. По заявлению министра культуры и туризма Андрея Ермака, в 2023 г. область посетили свыше 2 млн туристов¹, а численность туристов, размещавшихся в отелях и гостиницах, по данным Росстата, составила 898 772 человека (на 17% больше по сравнению с 2022 г. и на 37% больше по сравнению с 2019 г.)². Если еще десять лет назад перспективы развития туризма в области были весьма неоднозначны ввиду ее военной специфики, анклавного положения, состояния исторической архитектуры и т. п., то сейчас она уверенно занимает ведущие места в различных туристических рейтингах и опросах. В 2023 г.

¹ В Калининградской области сообщили, что в 2024 г. турпоток в регион вырастет на 10% // Тасс. 12.12.2023. URL: <https://tass.ru/obschestvo/19520299> (дата обращения 5 февраля 2024).

² Численность размещенных граждан в коллективных средствах размещения // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Калининградской области. 29.04.2023. URL: https://39.rosstat.gov.ru/tourism_1 (дата обращения 5 февраля 2024).

Калининградская область на 17-м месте вошла в «золотую» тридцатку Национального туристического рейтинга, а парк «Куршская коса» занял третье место по посещаемости среди национальных парков России³.

Туристический бум последних лет стимулировал приход в профессию экскурсовода представителей самых различных отраслей деятельности, зачастую не только без профильного образования, но и вообще каких-либо подготовительных курсов [Жигунова, Шарова 2021, с. 34]. Калининградские гиды также отмечают, что регулярно сталкиваются с непрофессионалами в процессе проведения экскурсий:

Иногда люди какие-то сторонние на Куршской косе куда-то кого-то ведут, что-то рассказывают (*ж.*, 39);

Проводят по типу: я – таксист, но, в принципе, я могу выйти, рассказать экскурсию (*ж.*, 56); Сталкиваемся с этим зачастую: а нам, вот, таксист сказал, что это так-то и так-то (*ж.*, 38);

Многие не то, чтобы недобросовестны, но неквалифицированы. Я просто живу возле Музея Мирового океана, там гид рассказывает про нижнюю часть моста, говорит, а этот мост принадлежит ЖД, а он уже давно не принадлежит, это часть Музея Мирового океана (*ж.*, 42).

Подобные замечания свидетельствуют о нарастании напряженности внутри экскурсоводческого сообщества между «профессионалами» и «любителями». Опытные гиды и гиды, вкладывающие ресурсы в свое образование в настоящий момент, критически настроены по отношению к неофитам.

2. Изменение федерального законодательства в части правового регулирования деятельности экскурсоводов (гидов) и введение обязательной аттестации. Согласно Федеральному закону от 20.04.2021 № 93-ФЗ, с 1 июля 2023 г. на территории РФ запрещено проводить экскурсии неаттестованным экскурсоводам. В целом в ходе обсуждения гиды выразили согласие в том, что аттестация нужна, но выделили и ряд связанных с ней проблем. Среди положительных эффектов аттестации некоторые указали на то, что аттестация стимулировала их к получению дополнительного образования, поиску информации, повышению квалификации. Ряд респондентов считает, что аттестация как раз сможет помочь бороться с непрофессионализмом:

³ Национальный туристический рейтинг – 2023 // Национальный рейтинг. 22.01.2024. URL: <https://russia-rating.ru/info/22275.html>

Не нужно, чтобы у каждого требовали сертификат и проверяли с фонариком в лицо. Но нам самим аттестация нужна хотя бы для какой-то внутренней регуляции, чтобы был какой-то внутренний инструмент, чтобы мы сами могли подойти и спросить: «А кто вы такой? Почему вы это рассказываете?» (ж., 42).

Тем не менее было отмечено, что не совсем ясным остается формат проведения аттестации, способы подготовки к ней. Спорным для некоторых респондентов является и содержание аттестационных вопросов. Среди серьезных недостатков аттестационного процесса в Калининградской области было отмечено отсутствие каналов обратной связи с правительственными структурами.

«Хорошо, вы сделали вот закон. Министерство туризма и культуры выставило свои приказы по аттестационной комиссии в соответствии с постановлением правительства Российской Федерации. Но не было ни одного телефона, по которому можно было бы задать вопрос» (ж., 39);

«Если власть хочет аттестации, то дайте возможность нам подготовиться» (ж., 38).

Сходное отношение, заключающееся в признании необходимости аттестации, но с наличием опасений в ее объективности, выражают и гиды других российских регионов [Лукина 2019, с. 8].

3. Проблемы получения и продолжения образования, недостатков учебных пособий и материалов в свободном доступе. Все интервьюируемые в той или иной степени выразили заинтересованность в получении экскурсоводческого образования, прохождении курсов повышения квалификации, участии в образовательных мероприятиях, проводимых культурными центрами, музеями, национальным парком «Куршская коса» и т. п. Недостаток материалов особенно ощущается гидами в условиях необходимой аттестации:

«...чтобы проводить аттестацию, нужно предоставлять информацию, нужны учебные пособия» (ж., 22);

«Почему мы не можем получить информацию? Задавали на курсах женщине вопрос, она сказала, что это мой уникальный контент, который я вам или преподаю, или ищите сами» (ж., 42);

«Если вы заинтересованы в том, чтобы туристы получали хороший и правильный контент, вы должны быть заинтересованы в том, чтобы дать материалы, по которым бы экскурсоводы готовились» (ж., 39).

Тем не менее как одну из реализуемых в области мер поддержки гиды отметили возможность бесплатного получения дополнитель-

ного профессионального образования (на базе БФУ им. И. Канта), но только по результатам собеседования и в порядке очереди.

4. Трудности в поиске материалов для подготовки экскурсий, сложности в ориентации в массиве краеведческой литературы, оценки качества и достоверности изложенных данных, проблема доступа к историческим документам:

Мне сейчас было очень комфортно, если бы книги по краеведению были отсканированы и лежали на сайте, например, областной библиотеки. И мы могли бы их в свободном доступе читать (*ж.*, 42);

Нам говорят, информация есть на сайте (прим. национального парка «Куршская коса»), но на нем там крупица по объекту, там крупица по объекту (*ж.*, 39);

Теперь многие курсы платные, и пособия платные (*ж.*, 39).

5. Вызовы цифровизации, заключающиеся в необходимости активно использовать интернет-ресурсы и различные цифровые достижения в экскурсоводческой деятельности. Если раньше основным входом в профессию для гидов являлось трудоустройство в туристические агентства, а также различные культурные или образовательные учреждения, то сегодня на первый план в конкурентной борьбе за потребителя выходит репрезентация своей деятельности в интернет-пространстве. Конечно, в первую очередь, это касается новых лиц в профессии, для которых различные социальные сети и сервисы предоставляют хорошую возможность заявить о себе. Тем не менее и опытные гиды, уже имеющие наработанный социальный капитал в виде связей с заказчиками экскурсий, турагентствами, школами и т. д., вынуждены также задействовать интернет-ресурсы, чтобы идти в ногу со временем.

Мощное влияние на экскурсоводческую деятельность оказывает активное развитие платформенной экономики. В оценке сервисов для размещения туристических предложений экскурсоводы отметили снижение популярности и доступности ряда социальных сетей ввиду либо их запрета (Instagram и Facebook) или ограничения работы в России (Airbnb). Среди доступных платформ экскурсоводы выделили «Спутник», «Яндекс.Услуги», «Трипстер», «Авито». Среди них «Трипстер» является одной из самых привлекательных, но и самой сложной для размещения. При этом некоторые гиды заинтересованы в том, чтобы туристические сервисы осуществляли контроль аттестации:

Допустим, человек если аттестован, только тогда он может регистрироваться на «Спутнике». Тогда много отсеется того, чего не должно быть (*ж.*, 42).

Большинство опрошенных гидов отметили, что заинтересованы в представлении и продвижении своих услуг в интернет-среде. Тем не менее цифровизация меняет сложившиеся условия конкуренции и требует овладения новыми навыками, например знания интернет-маркетинга, рекламных механизмов, блоггинга и т. д. Это создает затруднения не только для старшего поколения гидов, которому сложно приспособиться к цифровым практикам коммуникации, но даже и для молодых экскурсоводов, не владеющих глубоким знанием в сфере интернет-рекламы или IT. Подобная ситуация создает опасность продвижения опять же неквалифицированных экскурсоводов за счет притягательной картинки, описания, вложенных в раскрутку ресурсов.

6. Затруднения в овладении новыми экскурсионными форматами, появление которых стимулируется технологическими достижениями и конкуренцией за уникальность предложения. В интервью гиды, с одной стороны, отметили необходимость развития творческих, креативных подходов к проведению экскурсии:

Обычная экскурсия стала неинтересной, сложно ее предоставлять (*ж.*, 38).

С другой стороны, гонка за необычностью и креативностью для многих весьма утомительна: «Это то же самое, что и банан, приклеенный скотчем. Да, по-моему, это из этой серии» (*ж.*, 56).

Поиск баланса между формой и содержанием экскурсий остается важной и сложной задачей для экскурсовода.

Заключение

Таким образом, следует заключить, что в современном обществе остается востребована роль экскурсовода как культурного посредника, интерпретатора, ментора, способствующего сближению разнородных противоречивых и даже полярных точек зрения, а также снижению конфликтности как между различными группами, так и внутри самих территориальных сообществ. Реализация этой функции требует не только получения профессионального образования, но и постоянного развития и поддержки экскурсоводческих навыков, саморазвития, самообразования. Классические приемы ведения экскурсий трансформируются под влиянием технологического развития и платформенной экономики. Отвечая на вызовы времени, экскурсоводческое сообщество все активнее репрезентирует себя и свою деятельность в виртуальной среде.

Туристические сервисы, в свою очередь, стимулируют борьбу за уникальность экскурсионного предложения, что в крайнем случае приводит к приоритету самой формы, «обертки» экскурсии (названия, необычного формата, ярких фотографий и т. п.) над ее содержанием. Доступность размещения экскурсионных предложений на интернет-ресурсах предоставляет широкие возможности для продвижения не только квалифицированным гидам, но и гидам-новичкам, и экскурсоводам «по случаю». При этом условия цифровой коммерции оказываются зачастую более выгодными для гидов-блогеров, аниматоров, шоуменов, игротехников и т. п. Ввиду этого критерии профессионализма в экскурсоводческой среде продолжают размываться. Изменения в законодательстве, вводящие обязательную аттестацию экскурсоводов, пока лишь частично решают эту проблему. Сами гиды остро чувствуют происходящие изменения и то, что конкурентная борьба за клиентов экскурсионных услуг ведется на страницах сайтов и социальных сетей. Ввиду этого они проявляют высокую степень заинтересованности в доступности современной учебной и краеведческой информации, в том числе в электронном формате, а также в качественных образовательных курсах, отвечающих запросам времени.

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 22-18-00591 «Прагмасемантика как интерфейс и операциональная система смыслообразования» в Балтийском федеральном университете им. И. Канта.

Acknowledgments

The research was supported by the Russian Science Foundation, project № 22-18-00591 “Pragmasemantics as an interface and operational system of meaning production” implemented at the Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.

Литература

- Анциферов 1922 – *Анциферов Н.П.* Душа Петербурга. Петербург: Брокгауз–Ефрон, 1922. 228 с.
- Бурдые 2001 – *Бурдые П.* Практический смысл. СПб.; М.: Алетейя: Ин-т экспериментальной социологии, 2001. 246 с.

- Емельянов 2007 – *Емельянов Б.В.* Экскурсоведение. М.: Советский спорт, 2007. 216 с.
- Жигунова, Шарова 2021 – *Жигунова Г.В., Шарова Е.Н.* Потребность в кадрах туристической отрасли (на материалах экспертного опроса) // Общество: социология, психология, педагогика. 2021. № 12 (92). С. 33–39.
- Кожанов 2019 – *Кожанов К.А.* Современные функции городской экскурсии: культурологический аспект // Ярославский педагогический вестник. 2019. № 3. С. 204–209. DOI: 10.24411/1813-145X-2019-10436.
- Кожанов 2021 – *Кожанов К.А.* Содержательные аспекты современной петербургской городской экскурсии // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2021. № 1 (46). С. 54–59. DOI: 10.30725/2619-0303-2021-1-54-59.
- Лукина 2019 – *Лукина О.В.* О национальных и профессиональных стандартах в экскурсионной деятельности // Современное состояние и потенциал развития туризма в России: Материалы XVI Междунар. научно-практич. конф. Омск: Омск. гос. технич. ун-т, 2019. С. 3–9.
- Тощенко 2019 – *Тощенко Ж.Т.* Эволюция смыслов жизни русской/российской интеллигенции (ретроспективный анализ) // Судьбы российской интеллигенции: прошлое, настоящее, будущее. М.: РГГУ, 2019. С. 14–23.
- Тощенко 2023 – *Тощенко Ж.Т.* Общественный договор: исторические и современные реалии в советском/российском обществе // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2023. Т. 16. № 3. С. 39–53. DOI: 10.15838/esc.2023.3.87.2.
- Cohen 1985 – *Cohen E.* The tourist guide: The origins, structure and dynamics of a role // Annals of tourism research. 1985. Т. 12. № 1. P. 5–29. DOI: 10.1016/0160-7383(85)90037-4.
- Holloway 1981 – *Holloway J.C.* The guided tour a sociological approach // Annals of tourism research. 1981. Т. 8. № 3. P. 377–402. DOI: 10.1016/0160-7383(81)90005-0.
- Salazar 2014 – *Salazar N.B.* Culture broker, tourism // Encyclopedia of Tourism. Springer International Publishing, Switzerland, 2015. P. 1–2. DOI: 10.1007/978-3-319-01384-8_499.

References

- Antsiferov, N.P. (1922), *Dusha Peterburga* [The Soul of Petersburg], Brokgauz-Efron, Petrograd, Russia.
- Bourdieu, P. (2001), *Practical meaning*, Aleteiya, Institut experimental'noi sotsiologii, St. Petersburg, Moscow, Russia.
- Cohen, E. (1985), “The tourist guide: The origins, structure and dynamics of a role”, *Annals of tourism research*, vol. 12, no. 1, pp. 5–29, DOI: 10.1016/0160-7383(85)90037-4.

- Emelyanov, B.V. (2007), *Ekskursovedenie* [Guided tours], Soviet sport, Moscow, Russia.
- Holloway, J.C. (1981), "The guided tour a sociological approach", *Annals of tourism research*, vol. 8, no. 3, pp. 377–402, DOI: 10.1016/0160-7383(81)90005-0.
- Kozhanov, K.A. (2019), "Modern functions of urban excursion: a culturological aspect", *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, no. 3. pp. 204–209, DOI: 10.24411/1813-145X-2019-10436.
- Kozhanov, K.A. (2021), "Content aspects of a modern St. Petersburg city tour", *Vestnik of Saint-Petersburg State University of Culture*, no. 1 (46). pp. 54–59, DOI: 10.30725/2619-0303-2021-1-54-59.
- Lukina, O.V. (2019), "On national and professional standards in excursion activities", *Current state and potential of tourism development in Russia. Proceedings of the XVI International Scientific and Practical Conference*, Omsk. gos. tekhnicheskii universitet, Omsk, Russia, pp. 3–9.
- Salazar, N.B. (2014), "Culture broker, tourism", *Encyclopedia of Tourism*, Springer International Publishing, Switzerland, pp. 1–2, DOI: 10.1007/978-3-319-01384-8_499.
- Toshchenko, Zh.T. (2019), "Evolution of the meanings of life of the Russian intelligentsia (retrospective analysis)", *The fate of the Russian intelligentsia. Past, present, future*, RSUH, Moscow, Russia, pp. 14–23.
- Toshchenko, Zh.T. (2023), "Social contract. Historical and contemporary realities in Soviet/Russian society", *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, vol. 16, no. 3, pp. 39–53, DOI: 10.15838/esc.2023.3.87.2.
- Zhigunova, G.V. and Sharova, E.N. (2021), "The need for personnel in the tourism industry (based on the materials of an expert survey)", *Society: Sociology, Psychology, Pedagogics*, no. 12 (92), pp. 33–39. DOI: 10.24158/spp.2021.12.4.

Информация об авторе

Татьяна В. Белецкая, старший преподаватель, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия; 236016, Россия, Калининград, ул. Александра Невского, д. 14; beletskaya.t@gmail.com

Information about the author

Tatiana V. Beletskaya, senior lecturer, Immanuel Kant Baltic Federal University; bld. 14, Aleksandra Nevskogo St., Kaliningrad, 236016, Russia; beletskaya.t@gmail.com

УДК 37.018.1

DOI: 10.28995/2073-6401-2024-3-91-102

Семейное трудовое воспитание: гендерный аспект изучения событийности детства

Елена А. Колосова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, the_shmiga@mail.ru*

Аннотация. Автор статьи обращает внимание на изменение подходов к труду, произошедшее в обществе за последнее столетие. Показано, что трудовое воспитание включает несколько уровней (семейный, производственный (внесемейный), общественный), каждый из которых имеет свои особенности и сопровождается отдельной системой подготовки и освоения навыков такой деятельности. Рассмотрены современные подходы к трудовому воспитанию. Дано авторское определение семейного трудового воспитания, призванного приучать детей к различным видам труда (рутинному, инициативному, конструктивному) с учетом половозрастных особенностей, склонностей, особенностей здоровья с помощью психологических и социально-педагогических механизмов при участии взрослых (родителей и законных представителей своих детей). Показаны эмпирические данные, связанные с особенностью семейного трудового воспитания детей разного пола.

Ключевые слова: трудовое воспитание, труд, семья, семейное трудовое воспитание

Для цитирования: Колосова Е.А. Семейное трудовое воспитание: гендерный аспект изучения событийности детства // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2024. № 3. С. 91–102. DOI: 10.28995/2073-6401-2024-3-91-102

Family labor education. The gender aspect of studying the eventfulness of childhood

Elena A. Kolosova

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
the_shmiga@mail.ru*

Abstract. The author of the article draws attention to the changes in work that have occurred in society over the last century. She shows that labor educa-

© Колосова Е.А., 2024

tion includes several levels (family, industrial (non-family), social), either of which has its own characteristics and is accompanied by a separate system of training and mastering the skills of such activities and considers current approaches to labor education. The author's definition of family labor education is given, designed to teach children to various types of work (routine, proactive, constructive), taking into account gender and age characteristics, inclinations, health conditions with the help of psychological and socio-pedagogical mechanisms, involving adults (parents and legal representatives of their children). Empirical data related to the particularity in family labor education for children of different sexes is shown.

Keywords: labor education, labor, family, family labor education

For citation: Kolosova, E.A. (2024), "Family labor education. The gender aspect of studying the eventfulness of childhood", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 3, pp. 91–102, DOI: 10.28995/2073-6401-2024-3-91-102

Введение

Педагогика советского периода была основана на идеях патриотичности, гражданственности, гуманистических и социалистических принципах. К трудовому воспитанию, как к основе образовательного процесса, обращался А.С. Макаренко, объясняя трудовой подготовкой формирование будущего гражданина общества, у которого сформирован определенный уровень жизни и благосостояния.

В отличие от педагогов эпохи Возрождения, А.С. Макаренко считал, что трудовые качества не даются человеку от природы, они воспитываются в нем в течение его жизни. Особенно эффективно трудовое воспитание в молодом возрасте.

Физическое развитие в труде, конечно, тоже имеет большое значение, являясь важным и совершенно необходимым элементом физической культуры. Но главная польза труда сказывается в психическом, духовном развитии человека. Это духовное развитие и должно составить главную особенность человека [Макаренко 1947].

Особое значение А.С. Макаренко придавал трудовому воспитанию детей в семье, напутствуя родителей приучать детей к выполнению поручений по дому и обязательно на регулярной основе, следя за качеством выполняемой работы.

Современные подходы к трудовому воспитанию

На современном этапе развития общества как никогда актуален вопрос воспитания целостной личности с учетом изменений, которые произошли в стране за последние 30 лет, когда те практики, которые успешно применялись в советском обществе, перестали быть актуальными, а новые все еще до конца не сформированы.

Характерными тенденциями в трансформации традиций семейного воспитания являются следующие:

1. Нуклеаризация (с одной стороны, автономизация, увеличивающая самостоятельность, социальную и индивидуальную субъектность семьи; с другой – обособление, увеличивающее разрыв в традиционных способах воспитания, которые передавались между поколениями в семье).

2. Относительная закрытость семьи и латентность изменений в воспитательных традициях. С одной стороны, нормативные и социальные регуляторы определяют некоторые траектории развития семейных ценностей, уклада, традиций, обрядов. С другой – непрямое действие указанных регуляторов, скрытый, обладающий малой динамикой и часто неявный характер изменений не позволяет актуализировать частотные сдвиги в традициях семейного воспитания.

3. Расширение агентов влияния, обуславливающих возникновение и наследование семейных традиций, с одной стороны, и сужение традиционных каналов генерации и передачи традиций, обусловленное автономизацией семьи как в социокультурном, так и социально-бытовом аспектах [Семейное воспитание 2022].

Изменение в традициях семейного воспитания несомненно отражается на том, как в современной семье относятся к труду и кто должен отвечать за то, какое трудовое воспитание ребенок получит в семье. Меняется роль старшего поколения в воспитании внуков и правнуков. Современная форма взаимодействия между ними сводится не к базовым воспитательным функциям, связанным с передачей традиций и опыта, обучением бытовым навыкам и умениям, а скорее к функциям развлечения и экономической поддержки [Колосова 2023, с. 89].

В начале 2000-х фиксировался рост влияния детских общественных организаций на воспитание подрастающего поколения, поскольку семья решала другие задачи, и значение труда в жизни детей менялось в русле социально-культурных и социально-экономических изменений, происходящих в обществе. Отчасти задачи трудового воспитания решали общероссийские, военно-патриотические, культурологические, трудовые и другие объединения для детей и молодежи. Дети, которые были социально адаптированы

посредством ДОО, приобрели ряд определенных навыков и компетенций, которые позволили им быть более адаптированными к взрослой жизни в целом, получить знания о качестве выполненной социальной работы-поручения (не учебной, не обычного домашнего труда), опыт ответственности и т. д. [Жирикова 2013, с. 197]. Однако стоит отметить, что большая часть детских объединений была сосредоточена в крупных городах и экономических центрах, в столицах республик. Дети, проживавшие на других территориях, были лишены такого важного механизма социальной адаптации и приобщения ребенка к активной гражданской позиции, как общественные движения.

Созданное в 2022 г. российское движение детей и молодежи «Движение первых» определяет в качестве основной ценности «Созидательный труд» – каждый участник «Движения первых» своим трудом приносит пользу: создает новое качество своих знаний, умений и навыков, применяет их во благо своей семьи, «Движения первых» и всей страны. Одним из принципов работы движения является отношение к труду как ведущему ориентиру в воспитательной работе.

Воспитание трудовых качеств человека – это воспитание уровня его жизни, его благосостояния. Труд создает общественное богатство и культуру страны и общества. Труд наполняет жизнь человека смыслом, является основной формой проявления его личности и таланта¹.

При этом процесс трудового воспитания предполагает применение принципа дифференцированного подхода. Кроме того, в современных условиях освоение той или иной трудовой деятельности не может осуществляться без учета состояния здоровья ребенка, половозрастных особенностей, способностей и т. д.

Семейное трудовое воспитание: определение, классификация, механизмы

В современном обществе трудовое воспитание реализуется на трех уровнях: семейное, производственное и общественное.

¹ Участник-наставник движения первых: нормативное обеспечение, статус, функции, ограничения: Справ. для региональных, местных и первичных отделений (методические рекомендации). URL: https://rnc.crsk45.ru/wp-content/uploads/2023/08/5_Metodich_materialy_po_nastavnikom_na_1_09_2023.pdf (дата обращения 14 марта 2024).

Производственное трудовое воспитание призвано транслировать навыки и умения, необходимые для осуществления конкретной профессиональной деятельности. Дополнительно могут быть изучены метапредметные навыки, которые могут быть применимы в разных сферах трудовой деятельности в зависимости от поставленных задач.

Общественное трудовое воспитание состоит в использовании духовно-нравственных ценностей для воспитания гражданина, осознающего, что труд – это обязанность и долг перед страной и перед обществом. Через труд человек показывает свою «полезность» данному сообществу и благодаря труду вообще может рассматривать себя как полноценного члена данной социальной системы.

Семейное трудовое воспитание включает родительские практики по приобщению детей к различным видам труда (рутинному, инициативному, конструктивному) с учетом половозрастных особенностей, склонностей, особенностей здоровья с помощью психологических и социально-педагогических механизмов при участии взрослых (родителей и законных представителей своих детей).

На всех уровнях трудового воспитания используются различные психологические и социально-педагогические механизмы трудового воспитания в семье [Колосова 2011].

К психологическим отнесем:

Импринтинг (запечатление – впечатывание) – фиксирование человеком на рецепторном и подсознательном уровнях особенностей, воздействующих на него жизненно важных объектов.

Экзистенциальный нажим – неосознаваемое усвоение норм социального поведения, непреложных в его социуме и необходимых для выживания в нем.

Подражание – произвольное и непроизвольное следование каким-либо примерам и образцам поведения, с которыми человек сталкивается во взаимодействии с окружающими его людьми (в первую очередь со значимыми лицами).

Идентификация (отождествление) – эмоционально-когнитивный процесс усвоения человеком норм, установок, ценностей, моделей поведения как своих собственных во взаимодействии со значимыми лицами и референтными группами.

Рефлексия – внутренний диалог, в котором человек рассматривает, оценивает, принимает или отвергает те или иные нормы, ценности, поведенческие сценарии, свойственные семье, значимым лицам, обществу сверстников, различным социально-профессиональным и этноконфессиональным слоям и т. д.

Социально-педагогические механизмы включают: традиционный механизм (усвоение человеком норм, эталонов, стереотипов, которые характерны для его семьи); институциональный механизм

(взаимодействие человека с институтами общества и различными организациями); стилизованный механизм (в рамках определенного профессионального слоя, который в целом создает определенный стиль жизни и мышления); межличностный механизм (взаимодействие человека со значимыми лицами).

Особую роль в трудовом воспитании ребенка играет семья.

Виды семейного трудового воспитания:

- 1) рутинное (хозяйственно-бытовое и самообслуживающее) – формирование навыков готовки, уборки, личной гигиены;
- 2) инициативное (помощь по дому, в семье) – присмотр за младшими сиблингами, уход за домашними животными, самостоятельные походы в магазин за покупками;
- 3) конструктивное (профорентация, волонтерство, трудовая деятельность) – участие в добровольческой деятельности, первый заработок, реальный трудовой опыт.

Организация семейного трудового воспитания детей не только влияет на эффективность повышения трудовой активности участников процесса, но и оказывает положительное влияние на их подготовку к будущей трудовой жизни, повышает результативность процесса их социализации.

На основе анализа традиционных ценностей российской семьи С.В. Куликова и Ч. Чэнь выделили устойчивые основания семейных традиций, которые могут позиционироваться как базовые (универсальные):

...уважение старших и забота о младших; трудовое воспитание с малого возраста, основанное на разделении обязанностей мальчиков и девочек; нравственный характер воспитания, основанный на духовности; опора на фольклор (устное народное творчество, колыбельные песни, праздники и обряды) [Куликова, Чэнь 2017, с. 37].

Таким образом, семейное трудовое воспитание, основанное на разделении обязанностей детей разного пола, является базовым основанием семейных традиций в российских семьях и требует более подробного изучения.

Особенности семейного трудового воспитания детей разного пола

На основе данных исследования «Событийность детства 2.0», реализованного в 2023 г. ВНИК Исследовательского комитета социология детства, далее покажем, насколько различается семейное

трудовое воспитание у мальчиков и девочек с точки зрения возраста наступления тех или иных событий в их жизни. В качестве объекта изучения выступила молодежь 17–23 лет. В ходе исследования фиксировались ключевые особенности детского периода современной молодежи через группы отдельных событий. Для данной статьи мы отобрали события детства, связанные с тремя видами семейного трудового воспитания.

Согласно результатам исследования, рутинное воспитание происходит с детьми любого пола в одном и том же возрасте (табл. 1). Так, осуществлять гигиенические процедуры дети обоих полов начинают в возрасте 7 лет. По мере взросления добавляются такие события, как самостоятельная уборка комнаты и выполнение домашнего задания в возрасте 10 лет. В подростковом возрасте к рутинному домашнему труду отнесем самостоятельное лечение, приготовление пищи (12–14 лет).

Таблица 1

События, отнесенные к рутинному трудовому воспитанию в семье, средний возраст наступления

Событие	Муж.	Жен.	Общее
Я самостоятельно начал(а) принимать душ/ванну	7	7	7
Я начал(а) сам(а) убирать свою комнату, свою часть жилища	10	10	9,74
Я стал(а) делать домашние задания для школы без контроля родителей	10	10	10,12
Я начал(а) один/одна оставаться дома при болезни	12	12	12
Я начал(а) сам(а) готовить еду себе или для других	13	13	12,55
Я начал(а) сам(а) лечиться дома, принимать лекарства, делать лечебные процедуры по рекомендации врача, родителей	14	14	14

Что касается инициативного воспитания, которое происходит в более зрелом возрасте, то здесь наблюдаются первые гендерные различия. Так, девочки раньше начинают вести быт (в 9 лет в среднем). При этом уход за домашними животными и младшими братьями и сестрами начинается примерно в одно время 10–11 лет и у мальчиков, и у девочек (табл. 2).

Таблица 2

События, отнесенные к инициативному трудовому воспитанию в семье, средний возраст наступления

Событие	Муж.	Жен.	Общее
Я начал(а) сам(а) ходить в магазин за продуктами, хозяйственными товарами	10	9	9,56
Мне доверили ухаживать, убирать за домашним животным, гулять с собакой	10	10	9,71
Мне доверили помочь с младшими братьями/сестрами/другими родственниками и т. п.	11	11,16	12

Наиболее яркие различия в трудовом воспитании фиксируются в конструктивном воспитании, которое происходит в среднем в подростковом и юношеском возрасте. Помощь родителям в их работе начинается у мальчиков в среднем на два года раньше, чем у девочек. Раньше девочек мальчики осваивают различные транспортные средства, разрешенные им по возрасту, с 14 лет. При этом волонтерская деятельность как одна из форм труда, помощь в организации чего-либо раньше проявляется у девочек, в среднем в 14 лет, на год раньше, чем у мальчиков.

Таблица 3

События, отнесенные к конструктивному трудовому воспитанию в семье, средний возраст наступления

Событие	Муж.	Жен.	Общее
Я реально, по-настоящему помогал(а) родителям в их работе	12	14	12,64
Я стал(а) обустривать свою комнату, часть жилища по своему вкусу, по своим правилам, как мне удобно	14	14	14
Я участвовал(а) в волонтерском проекте (помогал(а), организовывал(а) что-то без денег, от души)	15	14	14,01
У меня появились заработанные деньги	14	14	14,01
Я самостоятельно водил(а) небольшое транспортное средство (мотоцикл, скутер, моторную лодку и т. п.)	14	15	14,27

Проведенное исследование также показало, что ряд событий, связанных с трудовым воспитанием, в жизни современной молодежи еще не произошли. Так, у большинства совершеннолетних преобладают рутинные и инициативные формы воспитания. Из приведенного списка событий,

Часть конструктивных событий, связанных с трудовым воспитанием, у многих представителей молодежи к совершеннолетию не произошли (вождение небольшого транспортного средства, участие в волонтерской деятельности, помощь родителям в их работе).

Таблица 4

События, которые не произошли, в % от ответивших

Я самостоятельно водил(а) небольшое транспортное средство (мотоцикл, скутер, моторную лодку и т. п.)	57
Я участвовал(а) в волонтерском проекте (помогал(а), организовывал(а) что-то без денег, от души)	40
Я реально, по-настоящему помогал(а) родителям в их работе	31
Мне доверили ухаживать, убирать за домашним животным, гулять с собакой	23
Мне доверили помочь с младшими братьями/сестрами/другими родственниками и т. п.	18
Я впервые получил(а) ответственное задание (например, стал(а) старостой класса, ведущим какого-то мероприятия и т. д.)	17
Я стал(а) обустривать свою комнату, часть жилища по своему вкусу, по своим правилам, как мне удобно	15
У меня появились заработанные деньги	11
Я начал(а) один/одна оставаться дома при болезни	9
Я начал(а) сам(а) лечиться дома, принимать лекарства, делать лечебные процедуры по рекомендации врача, родителей	6
Я начал(а) сам(а) готовить еду себе или для других	3
Я начал(а) сам(а) ходить в магазин за продуктами, хозяйственными товарами	1
Я начал(а) сам(а) убирать свою комнату, свою часть жилища	1
Я стал(а) делать домашние задания для школы без контроля родителей	1
Я самостоятельно начал(а) принимать душ/ванну	1

Таким образом, очевидно гендерное разнообразие освоения различных практик трудового поведения, особенно в подростковом и юношеском возрасте. Для более младшего возраста искусственное разделение по полу не значимо, поскольку освоение рутинных и инициативных практик происходит и у мальчиков, и у девочек примерно в одном темпе и в одни возрастные периоды.

Заключение

В обществе назрела необходимость пересмотра отношения к труду и участия в этом процессе семьи. Укрепилась необходимость выработки новых подходов к трудовому воспитанию и профессиональной ориентации детей и подростков, которые бы интегрировали разнообразные знания о трудовой подготовке. Особое внимание необходимо уделить включению семьи на всех этапах взросления ребенка к этому процессу. Безусловно, накопленный опыт трудового воспитания советской и российской педагогики будет полезен для решения поставленных в современном обществе задач, однако реалии изменились, и многое из того, что работало раньше, требует адаптации и учета технологических и концептуальных трансформаций в русле социологического подхода.

Изменения, которые запланированы государством на ближайшее будущее, направлены на то, чтобы научить детей с юных лет понимать значимость и ценность труда, его роль во всех сферах жизни, развить у детей «чувства причастности к единому делу, выработки активной жизненной позиции, умения ориентироваться в социуме», поскольку «ребенок, который умеет и любит трудиться, сможет во взрослой жизни состояться в профессии, в семье, в социуме».

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта РГГУ «Национальная модель гендерного равноправия: междисциплинарный и экспертный подход (конкурс “Проектные научные коллективы РГГУ 2023”)», руководитель НИР – М.Ю. Милованова, канд. ист. наук, доцент РГГУ.

Acknowledgments

The work was carried out within the framework of the RSUH project “National model of gender equality. An interdisciplinary and expert approach (competition ‘Project research teams of RSUH 2023’)”, head of research – M.Yu. Milovanova, Ph.D., associate professor of RSUH.

Литература

- Жирикова 2013 – Жирикова, А.А. Детские общественные организации как элемент института гражданского общества современной России: социологический анализ // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2013. № 2 (103). С. 191–201.
- Колосова 2023 – Колосова Е.А. Воспитание детей: о необходимости нового социологического ракурса теоретизирования и исследований // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2023. № 1. С. 82–93. DOI: 10.28995/2073-6401-2023-1-82-93
- Колосова 2011 – Колосова Е.А. Практики детского чтения: результаты комплексного исследования. М.: Рос. гос. детская библиотека, 2011. 117 с.
- Коликова, Чэнь 2017 – Куликова С.В., Чэнь Ч. Гуманистические традиции семейного воспитания в России и Китае: Монография. Волгоград: ВГАПО, 2017. 140 с.
- Макаренко 1947 – Макаренко А.С. Лекции о воспитании детей / Под ред. Г.С. Макаренко и В.Н. Колбановского. М.: Учпедгиз, 1947. 104 с.
- Семейное воспитание 2022 – Семейное воспитание в условиях новой социальной реальности: отечественный и зарубежный опыт: [коллективная монография] / Под ред. И.А. Лыковой, А.А. Майера. М.: ФГБНУ «ИИДСВ РАО», 2022. 214 с.

References

- Kolosova, E.A. (2011), *Praktiki detskogo chteniya: rezul'taty' kompleksnogo issledovaniya* [Children's reading practices. The results of a comprehensive study], Ros. gos. det'skaya biblioteka, Moscow, Russia.
- Kolosova, E.A. (2023), "Education of children. On the need for a new sociological perspective of theorizing and research", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 1, pp. 82–93, DOI: 10.28995/2073-6401-2023-1-82-93.
- Kulikova, S.V. and Chen, C. (2017), *Gumanisticheskie traditsii semeinogo vospitaniya v Rossii i Kitae: Monografiya* [Humanistic traditions of family education in Russia and China. A monograph], VGAPU, Volgograd, Russia.
- Lykova, I.A. and Mayer, A.A. (eds.) (2022), *Semeinoe vospitanie v usloviyakh novoi sotsial'noi real'nosti: otechestvennyi i zarubezhnyi opyt: kollektivnaya monografiya* [Family education in a new social reality. Russian and foreign experience, collective monograph], FGBNU "IIDSU RAO", Moscow, Russia.
- Makarenko, A.S. (1947), *Lektsii o vospitanii detei* [Lectures on child rearing], G.S. Makarenko and V.N. Kolbanovsky (eds.), Uchpedgiz, Moscow, Russia.
- Zhirikova, A.A. and Sychev, A.V. (2013), "Children's public organizations as an element of the institute of civil society in modern Russia. Sociological analysis], *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 2 (103), pp. 191–201.

Информация об авторе

Елена А. Колосова, кандидат социологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; the_shmiga@mail.ru

Information about the author

Elena A. Kolosova, Cand. of Sci. (Sociology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; the_shmiga@mail.ru

Современные исследования материнства: о чем (не)говорят тренды?

Анастасия В. Швецова

*Уральский федеральный университет им. первого Президента России
Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия, shvetsovaav@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена анализу новейших англоязычных публикаций по исследованиям материнства (глубина поиска – три года, научная база – researchgate.net). В результате сформулированы основные исследовательские тренды: влияние материнства на карьеру и уровень доходов, влияние материнства на психосоциальное самочувствие женщины, материнство и цифровые технологии, одинокое материнство, материнство и возрастные особенности, материнство и вспомогательные репродуктивные технологии. Автор приходит к выводу, что исследования материнства имеют эволюционную направленность от биологического редукционизма к осмыслению социально-психологических факторов его становления и функционирования, обращены к субъектности матери. Ученые оперативно реагируют на общественные изменения и феномены, вносящие коррективы в привычные практики (пандемия, цифровизация, новые технологии, принимаемые законы и т. д.). Однако существенное влияние на формирование исследовательских полей и тональность дискурса имеет идеология и стремление соответствовать общественному и политическому запросу (что можно обнаружить в игнорировании одних проблем и избыточном анализе других, а также декларируемых принципах научных журналов).

Ключевые слова: материнство, исследования материнства, гендер, гендерные исследования, родительство, научные тренды, социология материнства

Для цитирования: Швецова А.В. Современные исследования материнства: о чем (не)говорят тренды? // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2024. № 3. С. 103–113. DOI: 10.28995/2073-6401-2024-3-103-113

Modern studies of motherhood. What do trends (not) say?

Anastasiya V. Shvetsova

*Ural Federal University named after the first President
of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia, shvetsovaav@mail.ru*

Abstract. The article deals with the analysis of the latest English-language publications on maternity research (search depth – three years, scientific base – Researchgate.net). As a result, the main research trends were formulated: the influence of motherhood on the career and level of income, the influence of motherhood on the psychosocial well-being of women, motherhood and digital technologies, single motherhood, motherhood and age characteristics, motherhood and assisted reproductive technologies. The author comes to the conclusion that studies of motherhood have an evolutionary orientation from biological reductionism to understanding the socio-psychological factors of its formation and functioning and are addressed to the mother's personality.

Scientists quickly respond to social changes and phenomena that make adjustments to usual practices (pandemic, digitalization, new technologies, adopted laws, etc.). However, ideology and the desire to meet social and political demands (which can be explained by ignoring some issues and repeating analysis of others, as well as the declared principles of scientific journals) have an important influence on research approaches and the tone of discourse.

Keywords: motherhood, motherhood studies, gender, gender studies, parenthood, scientific trends, sociology of motherhood

For citation: Shvetsova, A.V. (2024), "Modern studies of motherhood. What do trends (not) say?", *RSUH/RGGU Bulletin, "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 3, pp. 103–113, DOI: 10.28995/2073-6401-2024-3-103-113

Введение

Научные тренды являются маркерами социальной реальности, соединяя в себе как минимум три оси: положение исследуемой проблемы на ее эволюционном пути, возникающие актуальные феномены и соответствие общественному запросу (оценка того, насколько данное исследование может быть принято научным сообществом и обществом в широком значении). Поэтому есть основания полагать, что современные исследования материнства имеют не только прикладное значение (получение новых знаний, поиск закономерностей, декодирование смыслов), но и сами могут быть материалом для анализа, т. е. предметом «рефлексии над рефлекс-

сией». Цель данной статьи – выявить основные исследовательские тренды в области материнства (фокусируясь на англоязычных публикациях) и проанализировать контексты их появления.

Современные тренды в исследованиях материнства (англоязычный дискурс)

Чтобы понять специфику актуального дискурса, мы воспользовались сервисом researchgate и проанализировали статьи, содержащие в ключевых словах тег “motherhood”, опубликованные в 2020–2023 гг. Это позволило объединить различные работы в несколько групп, выделив наиболее значимые научные тренды: влияние материнства на карьеру и уровень доходов, влияние материнства на психосоциальное самочувствие женщины, материнство и цифровые технологии, одинокое материнство, материнство и возрастные особенности, материнство и вспомогательные репродуктивные технологии. Рассмотрим подробнее каждое из указанных направлений исследований.

Влияние материнства на карьеру и уровень доходов

Эта группа исследований сосредоточена на анализе факторов, влияющих на величину «штрафа за материнство». Характерен широкий межстрановой разброс, поскольку во многом эти факторы объясняются направленностью и эффективностью социальной политики. Так, южнокорейские экономисты приходят к выводу, что уменьшение показателей разрыва в заработной плате между матерями и женщинами, не имеющими детей, связано с: а) увеличением возраста рождения первого ребенка; б) увеличением рабочего времени матерей; в) наличием супруга [Kwak 2022]. Финские исследователи считают, что эгалитарный скандинавский контекст государства всеобщего благосостояния, вопреки ожиданиям, не избавляет женщин от противоречий между ожиданиями от них как работников «мужского» типа и как матерей. Эмпирические данные позволяют авторам говорить при этом о трех доминирующих формах дискурсивной речи, которые используют современные финны в рассуждениях о возможности совмещать карьеру и материнство: «Для танго нужны двое» (необходимость эгалитарных отношений в семье), «Все дело в тайм-менеджменте» (рациональное использование времени) и «Хорошее материнство 2.0» («аутсорсинг заботы») [Niemisto et al. 2021]. Бэди и коллеги изучают, как обязанности по уходу за детьми влияют на их положение на рынке труда в Индии,

а также то, в какой степени социальная поддержка может смягчить это неблагоприятное положение. Результаты их эксперимента показывают, что указание материнства в резюме приводит к снижению количества обратных звонков на собеседованиях на 57%, при этом доступ к пособиям по уходу за ребенком компенсирует штраф за материнство на 20% или 4 процентных пункта [Bedi et al. 2022].

Влияние материнства на психосоциальное самочувствие женщины

Значительное количество статей посвящено эмоциональному самочувствию женщин и опыту переживания материнства, наибольшую значимость среди них имеют следующие темы: чувство вины, интенсивное материнство, постнатальный дистресс.

Исследователи утверждают, что чувство вины является одной из наиболее распространенных трудностей, с которыми сталкиваются матери. Это состояние продиктовано разобщенностью в желании уделять время ребенку, качественно выполняя воспитательные и уходовые задачи, и истощением; спектру «неправильных» эмоций по отношению к ребенку; трудностями грудного вскармливания и т. д. Чувство вины усиливается нормативным дискурсом интенсивного материнства и давлением, присущим нереалистичным стандартам, установленным этим дискурсом. Новый виток дискуссии об этом феномене закономерно появился в связи с пандемией COVID-19, когда прагматичная адаптация матерей поставила под сомнение нормы интенсивного материнства и способствовала появлению идеи об интегративном материнстве [Cummins et al. 2022]. Управление домашним образованием детей, финансовые риски, эмоциональное напряжение и другие эффекты пандемии усугубили ситуацию двойной занятости, обнажив застарелые и системные социальные проблемы.

Важно, что изучение эмоционального самочувствия женщин в период материнства, в том числе проявления постнатального дистресса, переходит в социальную плоскость. Ученые стремятся осознать механизм возникновения послеродовой депрессии и близких к ней состояний не только как последствия индивидуального опыта и особенностей женщины, но и как реакцию на табуирование негативных эмоций и усталости от материнства. Ло и коллеги утверждают, что постродовой дистресс гораздо более распространенное явление, чем принято считать, причем состояние женщин усугубляется тем, что говорить о своих отрицательных ощущениях социально неприемлемо [Law et al. 2021].

Материнство и цифровые технологии

В последнее десятилетие наблюдается резкое увеличение исследовательского интереса к производству и восприятию цифровой информации, механизмам, способам и последствиям коммуникации матерей в онлайн-пространстве. Этот интерес привел к возникновению уникального направления междисциплинарных исследований – «онлайн-материнство», которое определяется в современных исследованиях как область, связанная с производством и применением цифровых медиа, которые создаются матерями и/или о материнстве, связаны с вопросами материнской идентичности, сообществ или практик [Mackenzie et al. 2021].

В статьях анализируются социально-психологические практики матерей (обмен знаниями, кормление младенцев, переживание послеродовой депрессии), рассматриваются возможности и проблемы, которые возникают, когда женщины активно включаются в различные онлайн-контексты, используя специализированные сайты, онлайн-форумы, приложения для обмена сообщениями и платформы для обмена видео. Популярным вопросом является изучение воздействий идеализированных изображений на молодых матерей, которые, просматривая контент топовых мам-блогеров, сравнивают себя и свой быт с их репрезентацией. В частности, Киркпатрик и коллеги, проведя эксперимент с участием 464 молодых матерей, пришли к выводу, что это повышает уровень зависти и беспокойства, пагубно сказывается на психическом здоровье женщин [Kirkpatrick et al. 2022].

Виртуальная среда является площадкой для обсуждения сложных тем, провоцирующих столкновение мнений. В частности, предметом научного анализа стала дискуссия под хэштегом #regrettingmotherhood (сожаление о материнстве), столкнув идеологию священного материнства и несоответствующую ей практику [Heffernan et al. 2021]. Обоснование дискурсивно-аналитической перспективы основывается на выявлении идеализирующих установок о материнстве, которые усиливают отчаяние женщин по поводу собственного материнского опыта и могут оказывать негативное влияние на репродуктивный выбор женщин, включая решение оставаться бездетными.

Одинокое материнство

Одной из специфичных проблем для матерей-одиночек после развода является поиск баланса между работой и личной жизнью

в системе семьи с одним родителем. В англоязычной литературе используется термин “single mothers”, позволяющий подчеркнуть «привычность» неравноценного распределения заботы между разведенными супругами. Ван Гейс выделяет несколько типов одинокого материнства, основываясь на противостоянии идеологий бережливого (гибкий набор норм и ценностей, которые женщина усваивает для выполнения своей материнской роли) и строгого материнства (жесткие ролевые шаблоны, которым женщины, по их мнению, должны соответствовать; при этом матери считают свою роль детерминированной и мало адаптируемой к изменяющейся среде). Вторая ось типологии касается установок на рабочем месте (адаптивность или ригидность как варианты приспособления к рабочей среде в условиях соло-материнства) [Van Gasse et al. 2020]. Соло-материнство в развитых странах артикулируется следующими способами: мечта о материнстве в нуклеарной семье – разбитая мечта; достижение социально-эмоционального принятия; подход к материнству с комплексным планом; ребенок без отца. Вернер приходит к выводу, что решение стать матерью-одиночкой характеризуется длительным процессом реорганизации представлений о семье, а также стремлением контролировать ситуацию и снизить уязвимость в условиях соло-материнства [Werner et al. 2021].

Материнство и возрастные особенности

Материнство в подростковом возрасте рассматривается современными учеными как проблема, подрывающая физическое здоровье, социальные отношения, доступ к образованию и будущую экономическую свободу. Эта социальная ситуация угрожает большинству стран мира (масштабы подростковой беременности оцениваются более чем в 20 млн ежегодно), однако в большей степени определяет жизнь женщин в бедных, маргинализированных сообществах. Помимо физической и моральной незрелости малолетних матерей, подростковое материнство связано с отсевом из школы из-за стигматизации, нехватки финансов и необходимости заботиться о ребенке. Среди факторов, предрасполагающих к подростковому материнству, первое место занимает именно бедность и низкий образовательный уровень среды [Morgan et al. 2022].

С другой стороны, существует тенденция увеличения возраста матерей. Задержка деторождения является одной из наиболее заметных трансформаций современной фертильности и репродуктивных моделей. Новейшие исследования свидетельствуют о том, что причина заключается не в отказе от традиционных гендерных

ролей и развитии идеологии чайлдфри, а в стремлении подготовиться к «хорошему» материнству в контексте, характеризующемся институциональной нестабильностью, нестабильностью в отношениях и растущими требованиями к материнству [Díaz 2021]. Иначе говоря, женщины откладывают рождение первого ребенка до тех пор, пока не достигнут профессиональных и финансовых результатов, защищающих их в период рождения детей.

Материнство и вспомогательные репродуктивные технологии

Накопление теоретических вопросов и эмпирических данных о суррогатном материнстве и применении искусственных репродуктивных технологий способствовало закономерному росту исследований в данной области в последние годы. Среди таких работ можно выделить как те, что фокусируются на этических аспектах [Corradi 2021], так и анализирующие опыт женщин, прошедших через репродуктивные процедуры [Kunie et al. 2022]. Обобщенные результаты свидетельствуют о неопределенности и амбивалентности чувств, которые женщины испытывают в отношении своей беременности, приводящих к задержке формирования материнской идентичности.

Существуют также исследования, посвященные общему биологическому материнству (технология, при которой женщина рождает генетического ребенка своей партнерши) [Golombok et al. 2023]. Стоит отметить, что материнство в лесбийских семьях – самостоятельный тренд в англоязычных текстах. Изучение родительства в однополых семьях – пример того, как идеология определяет тренды: если в европейском дискурсе это общественно одобряемая тематика (и научные журналы охотно публикуют соответствующие статьи), то в российском контексте подобное исследование может быть расценено как пропаганда нетрадиционных отношений. Верно и обратное: в российских публикациях «гендер» часто синонимичен «полу» (легитимация консервативного поворота), что неприемлемо для англоязычных публикаций и расценивается как нарушение общественных норм.

Заключение

Анализ исследовательских трендов является важной частью научной рефлексии, позволяя обнаруживать общие смыслы и тенденции за, казалось бы, разрозненными данными. Наиболее заметным,

и в некотором смысле привычным фактом в материнских исследованиях стал переход от биологического к социальному аспекту. Материнство осмысливается как контекстуальное состояние, и в этом плане очевидно влияние теории интерсекциональности: женщины разных возрастов, социальных статусов, национальностей, отличающиеся состоянием здоровья переживают свой материнский опыт по-разному. При этом есть универсальные аспекты: переход к материнству сопряжен с физическими, психологическими, социальными и реляционными (новые формы отношений между матерью и ребенком/межличностные отношения) изменениями.

С точки зрения методологии, значительное влияние на англоязычный дискурс о материнстве оказали и оказывают феминистские идеи. С появлением неолиберальных экономических, политических и культурных преобразований, таких как свободные рынки, дерегулирование и превращение социальных услуг в товар, требования к матерям изменились, как и их практики, что повлияло и на круг вопросов, которые ставят перед собой исследователи. Основные элементы в понимании материнства, отражающие неолиберальные проблемы, связаны с неоплачиваемым трудом матерей, женским телом и участием матерей на рынке труда. Другой особенностью является ощутимое смещение дискурса в сторону «модных» (= финансируемых) тем: вспомогательные репродуктивные технологии, материнство в однополых семьях, расовые и этнические аспекты материнства.

Литература

- Bedi et al. 2022 – Bedi A., Majilla T., Rieger M. Does Signaling Childcare Support on Job Applications Reduce the Motherhood Penalty? // *Review of Economics of the Household*. 2022. № 20. P. 373–387. DOI: 10.1007/s11150-021-09574-7.
- Corradi 2021 – Corradi C. Motherhood And the Contradictions of Feminism: Appraising Claims Towards Emancipation in The Perspective of Surrogacy // *Current Sociology*. 2021. № 69 (2). P. 158–175. DOI: 10.1177/0011392120964910.
- Cummins et al. 2022 – Cummins M.W., Bramon G.E. Mothering in a Pandemic: Navigating Care Work, Intensive Motherhood, and COVID-19 // *Gender Issues*. 2022. № 39. P. 123–141. DOI: 10.1007/s12147-022-09295-w.
- Díaz 2021 – Yopo Díaz M. “It’s Hard to Become Mothers”: The Moral Economy of Postponing Motherhood in Neoliberal Chile // *The British Journal of Sociology*. 2021. № 72. P. 1214–1228. DOI: 10.1111/1468-4446.12901.
- Golombok et al. 2023 – Golombok S., Shaw K., McConnachie A., Jadva V., Foley S., Macklon N., Ahuja K., Relationships Between Mothers And Children In Families Formed By Shared Biological Motherhood // *Human Reproduction*. 2023. № 38 (5). P. 917–926. DOI: 10.1093/humrep/dead047.

- Heffernan et al. 2021 – *Heffernan V., Stone K.* #regrettingmotherhood in Germany: Feminism, Motherhood, and Culture // *Journal of Women in Culture and Society*. 2021. № 46 (2). P. 337–360.
- Kirkpatrick et al. 2022 – *Kirkpatrick C.E., Lee S.* Comparisons to picture-perfect motherhood: How Instagram’s idealized portrayals of motherhood affect new mothers’ well-being // *Computers in Human Behavior*. 2022. № 137. P. 107417.
- Kunie et al. 2022 – *Kunie M., Hiroko I., Kayoko K., Emi M.* Experiences of Transition to Motherhood Among Pregnant Women Following Assisted Reproductive Technology: A Qualitative Systematic Review // *JBI Evidence Synthesis*. 2022. № 20 (3). P. 725-760. DOI: 10.11124/JBIES-20-00545.
- Kwak 2022 – *Kwak E.* The Emergence of the Motherhood Premium: Recent Trends in the Motherhood Wage Gap Across the Wage Distribution // *Review of Economics of the Household*. 2022. № 20. P. 1323–1343. DOI: 10.1007/s11150-021-09594-3.
- Law et al. 2021 – *Law N.K., Hall P.L., Cheshire A.* Common Negative Thoughts in Early Motherhood and Their Relationship to Guilt, Shame and Depression // *Journal of Child and Family Studies*. 2021. № 30 (8). P. 1831–1845. DOI: 10.1007/s10826-021-01968-6.
- Mackenzie et al. 2021 – *Mackenzie J., Zhao S.* Motherhood Online: Issues and Opportunities for Discourse Analysis // *Discourse, Context & Media*. 2021. № 40. P. 100472. DOI: 10.1016/j.dcm.2021.100472.
- Morgan et al. 2022 – *Morgan A., Agyemang S., Dogbey E., Arimiyaw A., Foster A.* “We Were Girls but Suddenly Became Mothers”: Evaluating the Effects of Teenage Motherhood on Girl’s Educational Attainment in The Volta Region // *Cogent Social Sciences*. 2022. № 8:1. DOI: 10.1080/23311886.2022.2036312.
- Niemisto et al. 2021 – *Niemisto C., Hearn J., Kehn C., Tuori A.* Motherhood 2.0: Slow Progress for Career Women and Motherhood within the ‘Finnish Dream’ // *Work, Employment and Society*. 2021. № 35 (4). P. 696-715. DOI: 10.1177/0950017020987392.
- Van Gasse et al. 2020 – *Van Gasse D., Mortelmans D.* Single Mothers’ Perspectives on the Combination of Motherhood and Work // *Social Sciences*. 2020. № 9 (5). P. 85–96. DOI: 10.3390/socsci9050085.
- Werner et al. 2021 – *Werner A., Funderskov K., Nielsen M., Morkholm H., Danbjorg D., Rothmann M.* The Journey to Solo Motherhood – An Explorative Study // *Sexual and Reproductive Healthcare*. 2021. № 27. P. 100586. DOI: 10.1016/j.srhc.2020.100586.

References

- Bedi, A., Majilla, T. and Rieger, M. (2022), “Does Signaling Childcare Support on Job Applications Reduce the Motherhood Penalty?“, *Review of Economics of the Household*, vol. 20, pp. 373–387, DOI: 10.1007/s11150-021-09574-7.

- Corradi, C. (2021), Motherhood and the Contradictions of Feminism: Appraising Claims Towards Emancipation in The Perspective of Surrogacy, *Current Sociology*, vol. 69, no. 2, pp. 158–175, DOI: 10.1177/0011392120964910.
- Cummins, M.W. and Brannon, G.E. (2022), “Mothering in a Pandemic: Navigating Care Work, Intensive Motherhood, and COVID-19”, *Gender Issues*, vol. 39, pp. 123–141. DOI: 10.1007/s12147-022-09295-w.
- Díaz, M. (2021), “It’s Hard to Become Mothers’: The Moral Economy of Postponing Motherhood in Neoliberal Chile”, *The British Journal of Sociology*, vol. 72, pp. 1214–1228, DOI: 10.1111/1468-4446.12901.
- Golombok, S., Shaw, K., McConnachie, A., Jadva, V., Foley, S., Macklon, N. and Ahuja, K. (2023), “Relationships Between Mothers And Children In Families Formed By Shared Biological Motherhood”, *Human Reproduction*. vol. 38, no. 5, pp. 917–926, DOI: 10.1093/humrep/dead047.
- Heffernan, V. and Stone, K. (2021), “#regrettingmotherhood in Germany: Feminism, Motherhood, and Culture”, *Journal of Women in Culture and Society*. vol. 46, no. 2, pp. 337–360.
- Kirkpatrick, C.E. and Lee, S. (2022), “Comparisons to picture-perfect motherhood: How Instagram’s idealized portrayals of motherhood affect new mothers’ well-being”, *Computers in Human Behavior*, vol. 137, 107417.
- Kunie, M., Hiroko, I., Kayoko, K. and Emi, M. (2022), “Experiences of Transition to Motherhood Among Pregnant Women Following Assisted Reproductive Technology: A Qualitative Systematic Review”, *JBI Evidence Synthesis*, vol. 20, no. 3, pp. 725–760, DOI: 10.11124/JBIES-20-00545.
- Kwak, E. (2022), “The Emergence of the Motherhood Premium: Recent Trends in the Motherhood Wage Gap Across the Wage Distribution”, *Review of Economics of the Household*, vol. 20, pp. 1323–1343. DOI: 10.1007/s11150-021-09594-3.
- Law, N.K., Hall, P.L. and Cheshire, A. (2021), “Common Negative Thoughts in Early Motherhood and Their Relationship to Guilt, Shame and Depression”, *Journal of Child and Family Studies*, vol. 30, no. 8, pp. 1831–1845. DOI: 10.1007/s10826-021-01968-6.
- Mackenzie, J. and Zhao, S. (2021), “Motherhood Online: Issues and Opportunities for Discourse Analysis”, *Discourse, Context & Media*, vol. 40: 100472, DOI: 10.1016/j.dcm.2021.100472.
- Morgan, A., Agvemang, S., Dogbey, E., Arimiyaw, A. and Foster, A. (2022), “We Were Girls but Suddenly Became Mothers’: Evaluating the Effects of Teenage Motherhood on Girl’s Educational Attainment in The Volta Region Cogent”, *Cogent Social Sciences*, vol. 8:1, DOI: 10.1080/23311886.2022.2036312.
- Niemisto, C., Hearn, J., Kehn, C. and Tuori, A. (2021), Motherhood 2.0: Slow Progress for Career Women and Motherhood within the ‘Finnish Dream’, *Work, Employment and Society*, vol. 35, no. 4, pp. 696–715, DOI: 10.1177/0950017020987392.
- Van Gasse, D. and Mortelmans, D. (2020), Single Mothers’ Perspectives on the Combination of Motherhood and Work, *Social Sciences*, vol. 9, no. 5, pp. 85–96, DOI: 10.3390/socsci9050085.

Werner, A., Funderskov, K., Nielsen, M., Morkholm, H., Danbjorg, D. and Rothmann, M. (2021), "The Journey to Solo Motherhood – An Explorative Study", *Sexual and Reproductive Healthcare*, vol. 27, 100586, DOI: 10.1016/j.srhc.2020.100586.

Информация об авторе

Анастасия В. Швецова, кандидат социологических наук, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия; 620014, Россия, Екатеринбург, пр. Ленина, д. 51; shvetsovaav@mail.ru

Information about the author

Anastasiya V. Shvetsova, Cand. of Sci. (Sociology), Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Russia; bld. 51, Lenina Avenue, Yekaterinburg, Russia, 620014; shvetsovaav@mail.ru

УДК 331.53(549.1)

DOI: 10.28995/2073-6401-2024-3-114-122

Трудоустройство женщин в Пакистане

Марина В. Баканова

Главный врач и независимый исследователь ИСМС "Dua Hospital"

Исламабад, Пакистан, mari-ina@mail.ru

Аннотация. Женское трудоустройство в Пакистане имеет свои особенности, которые связаны как с уровнем развития страны, так и с местным менталитетом. Стандартные западные разработки остаются нечувствительными к большей части работающих женщин и потому выдают неверные результаты. Патриархальное устройство общества также способствует ограничению работы женщин на ряде специальностей, однако в настоящее время наметились тенденции к изменению данной ситуации. Равно как и в других странах мира, работающие женщины сталкиваются с явлениями дискриминации на работе, которые как аналогичны мировым проблемам, так и являются специфическими для Пакистана. Отдельно можно отметить ситуацию с нехваткой рабочих мест для образованной женской молодежи, которая частично смягчается условиями замужества, для которого диплом является дополнительной частью приданого. Тем не менее проблема пакистанского женского трудоустройства нуждается в тщательном изучении с созданием специфических методов исследования для избегания «слепых пятен» и социальных архетипов, чтобы впоследствии можно было как создавать рабочие места, так и нивелировать факторы, усложняющие трудоустройство женщин.

Ключевые слова: женское трудоустройство, работающие женщины, фаворитизм, харассмент, гендерная политика, пакистанский женский социум, ориенталистика.

Для цитирования: Баканова М.В. Трудоустройство женщин в Пакистане // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2024. № 3. С. 114–122. DOI: 10.28995/2073-6401-2024-3-114-122

© Баканова М.В., 2024

Employment of women in Pakistan

Marina V. Bakanova

*Chief physician and independent researcher of ICMC “Dua Hospital”
Islamabad, Pakistan, mari-ina@mail.ru*

Abstract. Women’s employment in Pakistan has its own characteristics, which are associated both with the level of development of the country and with the local mentality. Standard Western practices remain insensitive to the majority of working women and therefore produce incorrect results. The patriarchal structure of society also contributes to limiting the work of women in a number of professions, but currently there are trends towards changing that situation. As in other countries around the world, working women face phenomena of discrimination at work that are similar to the world’s concerns and specific to Pakistan. Separately, one can note the situation with the lack of jobs for educated female youth, which is partially mitigated by the conditions of marriage for which a diploma is an additional part of the dowry. However, the issue of Pakistani women’s employment needs to be carefully studied with the creation of specific research methods to avoid “blind spots” and social archetypes, so that it will subsequently be possible to both create jobs and level out factors that complicate women’s employment.

Key words: women’s employment, working women, favoritism, harassment, gender politics, Pakistani women’s society, oriental studies

For citation: Bakanova, M.V. (2024), “Employment of women in Pakistan”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 3, pp. 114–122, DOI: 10.28995/2073-6401-2024-3-114-122

Введение

Социальное положение и роль женщин в пакистанском обществе в целом соответствует географическому региону и коррелирует с соседними странами Центральной и Южной Азии. Стоит отметить, что трудоустройство пакистанок, как и в целом задействование их в трудовой жизни общества, значительно различается в зависимости от той социальной группы, к которой они принадлежат. Большинство современных исследований и попыток активного вовлечения пакистанок в экономическую жизнь страны основано на системе «копипаста», т. е. простого переноса условий западных обществ на пакистанское. Во многом это связано с тем, что сами пакистанские исследователи получают университетское (а часто и школьное) образование по западным учебникам и не могут изменить сложившиеся

ся стереотипы «правильного и неправильного подхода», игнорируя тот факт, что пакистанское общество, особенно женский социум, значительно отличается от западного как структурой, так и системой ценностей [Pervez 2015, pp. 997–1011]. Таким образом, данное исследование имеет своей целью выявление отличий социумов, изучение женского рынка труда в Пакистане, формулирование основных принципов трудоустройства женщин в Пакистане.

Женщина в пакистанском обществе и на рынке труда

Необходимо учитывать тот факт, что статус современной пакистанской женщины в целом выше, чем даже 20 лет назад, но при этом он все еще остается подчиненным гендерной роли. Несмотря на то что проблема гендерного равенства обсуждается на уровне ООН – «Гендерное равенство лежит в основе прав человека» (2017)¹ – решение этой проблемы до сих пор не найдено. Один из ключей к ее регулированию лежит в области многообразия социальных подходов к роли женщины в различных регионах мира. Не секрет, что далеко не все женщины даже на «условно равноправном» Западе стремятся работать и строить карьеру. В странах Востока роль женщины в обществе нередко коррелирует с ее ролью в семье и далеко не все женщины настроены работать или хотят совмещать работу и семейную жизнь, при том, что это не всегда давление мужской части социума или старших членов семьи, а внутреннее решение. Насколько возможно в таком случае наложить западную кальку на восточное общество и формально нарушить права женщины, заставляя ее работать? Конечно, существуют и обратные ситуации, когда женщин даже с высоким уровнем образования закрывают дома, что тоже в корне неверно.

Для анализа сложившейся в XXI в. ситуации стоит обратиться к социальной структуре пакистанского общества и сложившейся позиции относительно возможности трудоустройства. Как и любое другое, пакистанское общество разделяется на классы, при этом – параллельно и не всегда пересекаясь – сохраняется и традиционное деление на касты, которое осложнено приверженностью к определенному религиозному течению. Так что строгой линейности в различных социальных группах относительно женского трудоустройства

¹ Гендерное равенство и права женщин. 2017. URL: <https://web.dev.ohchr.un-icc.cloud/ru/topic/gender-equality-and-womens-rights> (дата обращения 22 февраля 2024).

не существует [Баканова 2018]. Исторически в Пакистане ситуация сложилась таким образом, что больший доступ к образованию и потенциальному трудоустройству имели представительницы высших социальных групп (с низким семейным уровнем патриархальности) и среди них более придерживающиеся шиитского или христианского религиозного направления, которые активнее прочих взаимодействовали с британцами и администрацией Британской Индии. Именно женщины из семей старой индо-британской аристократии составили костяк работающих женщин после провозглашения независимости Пакистана. Большинство из них представляли интеллигентные профессии: врачи, педагоги высшей школы, политики, писатели и др. С другой стороны, беднейшие слои населения вынуждены были использовать труд женщин, чтобы прокормить семьи. Данные категории пакистанок были задействованы в сельскохозяйственном неквалифицированном труде, на предприятиях в качестве неквалифицированной рабочей силы, семьи чуть более высокого кастового ранга пополняли ресурс женской домашней прислуги. Ввиду того, что данные категории труда не являлись престижными, обычно их не учитывала и внутриакистанская, и международная статистика. Таким образом, узнать число женщин, трудоустроенных подобным образом, не представляется возможным вплоть до настоящего времени. Исходя из реальной практики, так или иначе работают до 80% женщин из низших социальных слоев. Отдельную категорию составляют самозанятые женщины. Несмотря на то что в настоящее время с учетом развития системы интернета, знания о надомном мелком производстве (или Hand Made) и возможности его организации распространяются очень быстро, большинство задействованных в нем составляют женщины из семей нижнего уровня, среди средних категорий на пересечении с нижними. То есть когда даже полученные таким образом небольшие деньги составляют заметную часть семейного бюджета. Данная категория женщин из малого бизнеса также очень часто «невидима» для классической статистики. Некоторые изменения наметились только в 2019 г., когда часть активисток организовали Федерацию надомных работниц (NBWWF), ставшую членской организацией IndustriALL, которая сыграла ключевую роль в профсоюзном объединении этой разбросанной и изолированной группы трудящихся, громко заявив об их правах и добившись существенных побед для своих членов². Нередко часть женщин из

² Global Worker доклад (2019). URL: https://www.industriall-union.org/sites/default/files/uploads/documents/Global-Worker/2019-2/profile_fighting_forward_home-based_women_workers_organize_in_pakistan-ru.pdf (дата обращения 25 февраля 2024).

высших слоев общества также увлекается домашним бизнесом, но в данной среде он редко имеет статус «работы» и часто подается его участниками как хобби, а вырученные деньги включаются в личный бюджет «на шпильки». Кроме того, бонусом подобного развлечения является лишняя возможность выйти из дома, встретиться с клиентами или подругами, возможность участвовать в различных мероприятиях или ярмарках.

Исходя из вышеизложенного, нетрудно заметить, что средний класс, имеющий самый максимальный вес в структуре пакистанского общества, наименее из всех был задействован в формировании женских рабочих мест. Частично к нему примыкали и суннитские строго патриархальные семьи из высшего класса. Невозможность трудоустройства женщин определялась тем, что большая часть из них не имела образования и не могла претендовать на «чистые» должности, а то некоторое образованное количество, как правило, имело образование в гуманитарной или религиозной сфере, которое являлось показателем достойного уровня девушки и котирировалось как дополнительная часть приданого. Понятно, что семьи из среднего социального уровня имели достаточный доход, чтобы «позволить себе содержать женщин на мужские зарплаты и не позволять им заниматься физическим трудом на низких должностях».

Стоит добавить и следующий момент: Пакистан – это развивающаяся страна, которая до сих пор не обеспечена на 100% электрической энергией и газом, не имеющая доступа ко многим бытовым вещам или магазинам, особенно в сельской местности, а потому – дом все еще является стандартной производственной единицей, где женщина трудится не менее, а то и более чем на производстве. В настоящее время это уже менее распространено, но еще в середине 90-х гг. женщина в доме производила продукты питания (кефир, масло, сыр), обрабатывала овощи (а не просто готовила), пряла, ткала и шила одежду для всех членов семьи и др. Соответственно, и у современной деревенской пакистанки занятость в доме абсолютно не соответствует занятости городской пакистанки и уж тем более – женщины в западных странах. И ее положение также несопоставимо в плане труда вне дома, ибо для него попросту отсутствует свободное время. Используя категории западных стран, этих женщин нельзя назвать работающими, но они не подходят и под критерии «западных домохозяек», когда домашняя работа сводится к необременительному легкому труду. Данная категория женщин также не учитывается разнообразными социологическими опросами как работающая.

Необходимо упомянуть и еще один нетипичный для современного западного общества момент. Большая часть женщин

в Пакистане оставалась без образования (а следовательно – без возможности трудоустройства) по причине отсутствия учительниц. Не многие семьи решались отправить своих дочерей в школы к преподавателям-мужчинам как по религиозным мотивам (в этом варианте девочки часто учились только в начальных классах), так и по причине присутствия в системе физического наказания, что нередко угрожало жизни и здоровью. Только у высших слоев общества было достаточно денег, чтобы обучать дочерей в престижных школах, имеющих женские классы и женщин-преподавательниц (чаще всего иностранок) в штате. Сдвиг произошел только в середине 90-х гг., когда на государственном уровне был принят закон, разрешающий женщинам работать в школах в качестве учителей. Он одновременно решал как проблему женского трудоустройства, так и давал возможность девочкам посещать школу в комфортных условиях. Таким образом, была заложена база для тех девочек, которые, получив образование уже в 10-х гг. XXI в., стали претендовать на возможность постройки профессиональной карьеры.

В настоящее время ситуация с женским трудоустройством в Пакистане безусловно достигла определенных успехов, однако часть инерционного традиционного мышления и исключительно «западное продвижение» нередко тормозят его развитие. Факторы, оказывающие влияние, можно разделить на следующие уровни влияния: макро, мезо и микро [Sarwar, Imgran 2019]. К макрофакторам можно отнести: факторы религии, традиционного и патриархального общества, общественно-культурные факторы и фаворитизм. Мезофакторы включают в себя сегрегацию и дискриминацию по полу, домогательства или обвинения во флирте, незаинтересованность работодателя в обеспечении для женщины баланса между работой и домом. Препятствия микроуровня связаны с личными ценностями и потребностями, недостаточной осведомленностью и др.

Стоит отметить, что, несмотря на слабую достоверность данных, в Пакистане наблюдается процесс активизации женского трудоустройства. В 1990 г. насчитывалось 13,4% работающих пакистанок и 24,5% – в 2016 г. По другим данным: только 25% женщин с высшим образованием имеют работу. Также Пакистан назван одной из худших стран с точки зрения гендерного разрыва в оплате труда. Однако здесь следует отметить и такой факт: ни по каким законам Пакистана женщине не вменено в обязанность содержать ни свою семью, ни саму себя. Абсолютная и полная ответственность (как юридическая, так и поддерживаемая обществом) за содержание семьи лежит на плечах мужчины, и он за это отвечает (в последнее время в судебной системе страны возросло число исков от женщин к мужьям за ненадлежащее содержание или на выплату алиментов),

а потому женский труд большинством работодателей-мужчин рассматривается как личный доход женщины «на шпильки», который не будет вкладываться в семейный бюджет, в отличие от зарплаты мужчины. Этот факт в общем-то способствует значительным занижениям зарплат женщинам-специалистам, что нельзя назвать ни справедливым, ни несправедливым; поскольку женщина может как работать чисто на себя, так и негласно содержать на свою зарплату семью и детей.

Фаворитизм – это бич пакистанского общества вне зависимости от гендера. К сожалению, большинство выгодных и денежных должностей заполняются не путем подбора наиболее эффективного работника, а по знакомству. Для женского труда это еще более актуально: нередко отцы или мужа «пристраивают» дочерей и жен на выгодные, необременительные места, вплоть до мест в парламенте. Понятно, что эффективность работы подобных структур будет нарушена. Нередко с фаворитизмом тесно связана проблема харассмента. Как правило, ему подвергаются молодые, красивые девушки, не имеющие высоких связей в виде мужа или отца, но которые хотят продвигаться по карьерной лестнице вне зависимости от их квалификации, знаний или компетенций. Также тесно связанным явлением является реальное или фиктивное обвинение во флирте с целью физической реализации харассмента, смены фаворитки, мести за неуступчивость со стороны мужчины-начальника или сотрудников. В данном случае пакистанское общество «с удовольствием» осудит женщину-сотрудницу вне зависимости от ее реальной вины, и скорее всего ее профессиональная карьера будет испорчена безвозвратно.

Весьма оригинальным пакистанским прецедентом в трудовой карьере женщины является вопрос баланса между работой и домом. Как уже было сказано выше, «пакистанский дом» весьма патриархален и часто завязан на натуральное хозяйство. Таким образом, домашняя работа – это удел исключительно женский, участие мужчин не предусматривается, более того – даже среди женщин одной семьи существует негласная социальная семейная лестница, которая определяет, кто, где и сколько будет работать по дому, и даже если одна из женщин занята на работе, никто ее домашнюю работу выполнять не будет. При этом работодателям, как правило, неинтересна «домашняя занятость» женщины, и они требуют абсолютно полной самоотдачи на работе. Такие социальные гарантии, существующие в странах Запада, как декретный отпуск, отпуск по болезни ребенка и прочее, в Пакистане отсутствуют. Впрочем, ситуация постепенно меняется. Часть работодателей берет на себя обязательства декретного отпуска на 3 месяца: 45 дней до родов

и 45 дней после родов. При этом надо понимать, что учреждений, равных яслям, в стране нет, и полуторамесячного ребенка женщине приходится оставлять либо на родственников (при их согласии), либо на няню. Но и здесь есть изменения: часть предприятий и особенно учебных учреждений, чтобы сохранить когорту образованных женщин, постепенно стали строить на своей территории ведомственные ясли, куда работающие женщины могут отдать ребенка в возрасте до 3-х лет (с 3-х лет в стране стартуют дошкольные группы в частных школах).

Для женщин, не имеющих образования, особенно из нижних социальных слоев, главной проблемой трудоустройства и соблюдения своих прав становится невозможность получения достоверной информации и патриархальные нравы.

Стоит отметить и еще один небезынттересный факт. В настоящее время уровень развития Пакистана, а также случившийся в последние два года политический и экономический кризис не позволяют создавать новые рабочие места. То есть система образования частично выполнила заложенные в нее функции и дала необходимые знания, умения и документы достаточно большому числу молодежи: как юношам, так и девушкам. Однако экономическо-политическая система страны не создала под эту группу необходимое число рабочих мест. Получилось так, что на места для необразованного населения данная молодежь не стремится, считая их несоответствующими своему уровню, а необходимого количества мест по их специальностям не существует. Соответственно, уровень безработицы значительно возрос, равно как и радикальные настроения в молодежной среде. В настоящий момент эту активность частично сдерживают частные компании, которые создают буферную зону и активные миграционные течения, а также то, что часть девушек после обучения не стремится работать и считает диплом одним из видов приданого, но долго сдерживать лавину не получится. А ситуация в стране и не пытается меняться.

Заключение

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

1. Ситуация в Пакистане в рамках женского трудоустройства не соответствует западным стандартам, и оценивать ее с точки зрения западных критериев практически невозможно.

2. Большая часть женщин-пакистанок работает, но остается невидимой для стандартных статистических и социологических приемов, поскольку те не учитывают местные особенности.

3. Работающие пакистанки подвергаются дискриминации по различным направлениям, которые в настоящий момент изменить невозможно.

4. Пакистан не имеет достаточного количества рабочих мест, чтобы трудоустроить не только женскую, но и мужскую часть образованной молодежи.

5. Женское трудоустройство в Пакистане нуждается в подробном изучении специалистами с учетом местных особенностей и разработке методов искоренения дискриминации.

Литература

- Баканова 2018 – *Баканова М.В.* За пардой. Altaspera Publishing & Literary Agency Inc Canada, 2018. 372 с.
- Pervez 2015 – *Pervez S.* Working Women in Pakistan: Analysis of Issues and Problems // Pakistan Journal of Social Sciences (PJSS). 2015. Vol. 35. No. 2. P. 997–1011.
- Sarwar, Imran 2019 – *Sarwar A., Imran M.K.* Exploring Women’s Multi-Level Career Prospects in Pakistan: Barriers, Interventions, and Outcomes // Front. Psychology. 2019. № 10. P. 1376–1394.

References

- Bakanova, M.V. (2018), *Behind the parda*, Altaspera Publishing & Literary Agency Inc Canada.
- Pervez, S. (2015), “Working Women in Pakistan: Analysis of Issues and Problems” *Pakistan Journal of Social Sciences (PJSS)*, vol. 35, no. 2, pp. 997–1011.
- Sarwar, A. and Imran, M.K. (2019) “Exploring Women’s Multi-Level Career Prospects in Pakistan: Barriers, Interventions, and Outcomes”, *Front. Psychology*, no. 10, pp. 1376–1394.

Информация об авторе

Марина В. Баканова, независимый исследователь, Международный медицинский центр «Дуа Госпитал», Исламабад, Пакистан; Пакистан, Исламабад, сектор I 10/4, улица 31D, дом 1234 В; mari-ina@mail.ru

Information about the author

Marina V. Bakanova, independent researcher, International Care Medical Center “Dua Hospital”, Islamabad, Pakistan; bld. 1234B, Islamabad, 31D Street, I 10/4 Sector, Islamabad, Pakistan; mari-ina@mail.ru

УДК 323.2

DOI: 10.28995/2073-6401-2024-3-123-133

Идейно-ценностные маркеры содержания концепта «хорошего общества» как основы формирования интеграционного фундамента консолидации власти и общества

Елена А. Ирсетская

*Российский государственный гуманитарный университет,
Финансовый университет при Правительстве РФ,
Институт социально-политических исследований
Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук, Москва, Россия, e.irs@rggu.ru*

Аннотация. В статье представлен анализ и описание модели «хорошего общества» как востребованного социально-нормативного конструкта, на основе которого возможно достижение продуктивной интеграции государства и общества. Показано, что для общества постмодерна модель «хорошего общества» может быть взята за основу как наиболее эффективная и рабочая схема социального развития, однако необходимо типизировать определяющие его понятия. В научной теоретико-методологической дискуссии модель «хорошего общества» строится на основе ценностно-нормативных ориентиров повседневной жизни людей. Выделяется два основных направления – либеральное и коммунитаристское, описывающие основания функционирования данной модели. Показано, что, применяя ее к российским социально-политическим реалиям, наиболее эффективным является анализ с точки зрения интегрированного подхода, а также уточнения основных ценностно-нормативных структурных элементов, составляющих социально «хорошее».

Особое внимание уделено концепту социальной справедливости в общественном мнении россиян. Понимание справедливости как основы деятельности людей оказывает влияние на их стремление жить в хорошем обществе.

Ключевые слова: ценности, идеология, справедливость, «хорошее общество», консолидация общества

© Ирсетская Е.А., 2024

Для цитирования: Ирсетская Е.А. Идеино-ценностные маркеры содержания концепта «хорошего общества» как основы формирования интеграционного фундамента консолидации власти и общества // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2024. № 3. С. 123–133. DOI: 10.28995/2073-6401-2024-3-123-133

Ideological and value markers
for the content of the concept of a “good society”
as the basis for the formation of an integration foundation
for the consolidation of power and society

Elena A. Irsetskaya

*Russian State University for the Humanities,
Financial University under the Government of the Russian Federation,
Institute of Socio-Political Studies of the Federal Center of Theoretical
and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, e.irs@rggu.ru*

Abstract. The article presents an analysis and description of the “good society” model as an actual social and normative construct. On its base, it is possible to achieve productive integration of the state and society. It is shown, that for a postmodern society, the model of a “good society” can be taken as a basis for the most effective and working scheme of social development, but it is necessary to specify the concepts that define it. In the scientific theoretical and methodological discussion, the model of a “good society” is described on the basis of value-normative guidelines in people’s everyday life. There are two main directions, liberal and communitarian, which describe the basis for the functioning of such model. It is shown that, applying it to Russian socio-political realities, the most effective analysis can be conducted using an integrated approach, as well as clarification of the main value-normative structural elements that make up the socially “good”.

Particular attention is paid to the concept of social justice in the public opinion of Russians. Understanding justice as the basis for people’s activities influences their desire to live in a good society.

Keywords: values, ideology, justice, “good society”, consolidation of society

For citation: Irsetskaya, E.A. (2024), “Ideological and value markers for the content of the concept of a ‘good society’ as the basis for the formation of an integration foundation for the consolidation of power and society”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 3, pp. 123–133, DOI: 10.28995/2073-6401-2024-3-123-133

Современные социально-политические процессы представляют собой динамично развивающуюся сферу общественных отношений, в которой происходит большое количество изменений. В условиях неопределенности важной государственной задачей является достижение стабилизации системы, а также интеграции и сплочения индивидов как участников современного социально-политического процесса. В этой связи обратимся к модели «хорошего общества», которая стала весьма популярна в научной дискуссии в конце прошлого столетия в социально-философской, а также социологической научной мысли. Многие авторы опираются на данную модель, рассуждая об особенностях устройства и функционирования обществ постмодерна с точки зрения отношения людей к превалирующим в обществе ценностям [Чукин 2009]. Основными причинами отхода от натуралистических, системно-функциональных и структуралистских подходов и обращения к подходу, который опирается на ценностно-нормативные параметры повседневной жизни людей, послужили следующие обстоятельства. Во-первых, в 80-е гг. XX в. актуализируется дискуссия о роли справедливости как ключевого концепта, который должен определять направление развития политической и правовой сферы общества постмодерна. В рамках коммунитаристского течения была сформулирована обновленная концепция, которая в дальнейшем получила название «хорошей жизни». Общественные ценности анализируются как основание становления индивидуальной и групповой идентичности. В основе лежит тезис о том, что люди оценивают общество и жизнь как «хорошую» исходя из собственных субъективных представлений. Понимание социальной справедливости, а также справедливого общественного устройства отходит на второй план. Второе обстоятельство связано с изменившимся определением социальной идентичности, которая в эпоху модерна определялась положением субъектов в системе общественного разделения труда. В общественной структуре постмодерна значение фактора занятости в структуре образа жизни снижается, и все большее значение приобретает групповая идентичность, которая в свою очередь определяется через приверженность к определенным ценностям [Чукин 2009].

В научной социологической мысли обычно маркируют две основные модели, отражающие описание оснований «хорошего общества»: либеральную (У. Липшман, Дж. К. Гэлбрейт, Дж. Ролз и другие) и коммунитаристскую (А. Этциони, Р. Беллах, М. Сандел и другие). Эти концепции также получили развитие в ряде интеграционных скандинавских и российских подходов.

Либеральная модель «хорошего общества» в своей основе содержит идею об индивидуальной свободе граждан, возможности достижения материального благосостояния, снижении уровня безработицы, умеренной инфляции, а также наличии мер поддержки для социально уязвимых слоев граждан. В основе коммунитарной модели норма общественного развития определяется степенью эффективности функционирования правовых институтов. Большое внимание уделено ценностям, которые обеспечивают индивиду свободу деятельности, свободу удовлетворения своих потребностей и достижения желаемых целей независимо от других людей. В центре коммунитарной модели – достижимость такого общественного состояния, которое было бы пригодно для проживания, а не для выживания [Коваль, Ушкин 2018].

Наш анализ представляет собой попытку описания современной социально-политической среды на основе интегративных концепций, описывающих контуры «хорошего общества» и составляющих его элементов. В рамках данной модели возможна разработка эффективной государственной политики, направленной на решение экономических и социальных проблем российского общества. Кроме того, представляется эффективным проводить государственную политику, ориентируясь на социальные ценности и нормы, которые поддерживают и разделяют большинство граждан и на основе которых возможна социальная интеграция.

Под «хорошим обществом» мы будем понимать такую форму общественных отношений, которые содержат ценностно-нормативную структуру, а также институциональные признаки, которые позволяют большинству граждан воспринимать его как хорошее, подходящее для достойной жизни [Коваль 2017]. В основе такого общества может лежать интегративная модель, сочетающая положения либеральной и коммунитарной концепции «хорошего общества».

Обратимся к анализу современного российского общества и проанализируем, какое отражение находят обозначенные аспекты в общественном мнении россиян и в жизни страны.

Рассуждая о том, какие традиционные ценности сегодня могли бы стать основой устойчивого развития страны, респонденты отмечают следующее (см. табл. 1).

Таблица 1

Оценка значимости традиционных ценностей
для устойчивого развития государства и общества
Вопрос: «Какие традиционные ценности, по вашему мнению,
сегодня наиболее значимы для обеспечения суверенитета,
безопасности и устойчивого развития Российского государства
и общества?»
(РФ, апрель 2024, % от числа опрошенных)

Традиционные ценности	%
Жизнь, достоинство, права и свободы человека	58
Крепкая семья	51
Патриотизм, гражданственность	47
Справедливость	40
Защита и служение Отечеству, ответственность за его судьбу	37
Единство народов России	30
Историческая память и преемственность поколений	29
Взаимопомощь и взаимоуважение	27
Созидательный труд	26
Высокие нравственные идеалы	23
Охрана окружающей среды и природы	19
Милосердие	13
Приоритет духовного над материальным	10
Гуманизм	9
Коллективизм	5
Какие еще, напишите (<i>строгость законов, ответственность</i>)	0,2

Примечание: сумма ответов превышает 100%, так как респонденты могли отметить несколько позиций.

Источник: Как живешь, Россия? Экспресс-информация. 54-й этап социологического мониторинга, апрель 2024 года: [бюллетень] / В.К. Левашов, Н.М. Великая, И.С. Шушпанова [и др.]. М.: ФНИСЦ РАН, 2024. 89 с.

Из распределения ответов мы видим, что основную пятерку наиболее востребованных ценностей составляют ценности жизни, достоинства, прав и свободы человека; ценность крепкой семьи, патриотизм, гражданственность, справедливость, а также ценность защиты и служения отечеству, ответственность за его судьбу.

Можно отметить, что ценности, связанные с обеспечением свободы и прав граждан, являются наиболее востребованными и представлены наиболее популярным ответом (его выбрали 58% опрошенных), что в большей степени характерно для либеральной модели «хорошего общества».

В целом в современном обществе можно отметить два основных идейных направления, которые объединяют россиян. Первое – это сторонники приоритетности прав человека, и второе направление – сторонники приоритетности интересов государства. Основная линия разлома двух течений заключается в разном видении путей достижения желаемого будущего России. При этом число сторонников приоритетности прав человека увеличивается преимущественно за счет присоединения к группе большого числа россиян-жителей малых и средних городов, а также граждан старшей возрастной группы. Интересно отметить, что группа, разделяющая приоритет прав человека, не может выступить фундаментом для оппозиции (ни системной, ни внесистемной), хотя и демонстрирует высокую готовность к «уличной протестной активности» [Тихонова 2021].

Проблема справедливого общественного устройства сегодня остается актуальной, что находит отражение в общественном мнении россиян относительно оценки характера устройства Российского государства [Ирсетская 2023]. Из представленных в табл. 1 данных мы видим высокую оценку опрошенными значимости данной ценности. Об этом заявили 40% респондентов. Отметим, что в период протекания международных конфликтов понимание населением страны данного концепта способно стать значимой основой консолидации власти и общества [Троицкий 2022]. Международные конфликты приводят к социально-политической дестабилизации и напряженности общественного сознания, и в этом процессе крайне важно, на какие аргументы опираются оппоненты, что с их точки зрения отражает социально справедливое мироустройство. От этого в значительной степени зависит успех той или иной стороны конфликта, а также социальная поддержка и одобрение гражданами государственного политического курса.

Необходимость обращения к идеологии как системе ценностей, определяющей направленность и характер общественного развития, сегодня отмечается многими учеными [Бессонова 2022]. Начиная с XX в. произошла смена идеологием в социальной динамике с социалистической на капиталистическую. Однако, обращаясь к данным исследований, мы видим, что сегодня наиболее востребованным вектором общественного развития является запрос на общественную организацию с опорой на социалистическую идейную концепцию (см. табл. 2).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос:
«В каком обществе хотели бы жить респонденты?»
(РФ, % от числа опрошенных)

Варианты ответов	1998, XII	2000, V	2000, XII	2002, XII	2003, X	2004, VI	2006, I	2008, II	2009, VI	2011, VI	2012, IV	2014, VI	2016, VI	2018, V	2020, XII	2022, V	2023, VI	2024, IV
В социалистическом	38	31	31	29	31	34	32	33	34	36	39	33	32	29	26	48	48	43
В капиталистическом	22	21	21	19	23	22	19	18	20	19	18	16	15	24	21	12	5	15
В каком-то другом	10	12	18	14	11	8	10	10	10	8	7	7	6	6	4	6	10	7
Затрудились ответить	30	36	31	38	35	36	39	39	36	37	36	44	47	41	49	34	37	35

Источник: Как живешь, Россия? Экспресс-информация...

Тем не менее полностью возврат к социалистической модели невозможен, хотя привнесение элементов социализации в экономике и социальной сфере представляется отчасти достижимым. Новая идеология может выступить фундаментом перехода к обновленному институциональному циклу развития российского общества. Идеология «нового солидаризма» может стать мировоззренческой основой для укрепления консолидации общества и власти. Данная идеология интегрирует идеи либерализма и социализма, именно те ценности, которые востребованы среди российских граждан сегодня [Бессонова 2022].

Исследуются посткапиталистические отношения, а также, анализируя опыт КНР и ряда других стран, исследователи отмечают такие тенденции в развитии общественных отношений, которые способствуют формированию ценностей и мотивов коллективной солидарности, точнее коллективной деятельности на пользу общественного развития [Чэнь, Барашкова 2022]. Такие процессы характерны не только для Китая, но и для стран, сохраняющих капиталистическую систему. В этой связи исследование, позволяющее выявить отношение населения к идее социализма, представляется крайне актуальным для анализа. Изучая современное российское общество, в котором поддержка социалистической идеи является весьма заметной, правительственные структуры могут найти опору и общественную поддержку, опираясь на социальные группы, которые поддерживают обращение к социалистическим формам социальных практик и отношений для укрепления экономики России, а также снижения существующих социальных противоречий.

Еще одной значимой составляющей модели «хорошего общества» является уровень материальных возможностей и финансовой удовлетворенности жизнью современных российских граждан.

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос:
«Как вы оцениваете материальное положение вашей семьи
в настоящее время?»
(РФ, % от числа опрошенных)

Варианты ответов	2005, IX	2012, XII	2018, XII	2020, XII	2022, V	2023, VI	2024, IV
Очень хорошее	1	1	1	2	1	1	1
Хорошее	8	19	11	18	12	18	19
Среднее	48	55	58	63	61	61	58
Плохое	34	17	20	14	21	16	18
Очень плохое	6	3	6	1	4	2	1
Затруднились ответить	3	5	4	2	1	2	3

Источник: Как живешь, Россия? Экспресс-информация...

В целом большинство россиян позитивно оценивают свое материальное положение. Так, объединяя положительные ответы («очень хорошее», «хорошее» и «среднее»), можно сказать, что 79% удовлетворены своим достатком. О «плохом» и «очень плохом» положении высказались 19% россиян. При этом обращает на себя внимание тот факт, что более половины опрошенных отмечают, что при желании у людей есть все возможности обеспечить свое материальное благополучие (см. рис. 1).

Рис. 1. Суждения респондентов о жизни в стране
(РФ, % от числа опрошенных)

Источник: Как живешь, Россия? Экспресс-информация...

В ходе исследования выявлено: 51% респондентов отмечают, что сейчас каждый, кто может и хочет работать, способен обеспечить свое материальное благополучие. Обращаясь к рис. 1, мы видим, что в целом за последние 5 лет произошло увеличение доли респондентов, придерживающихся данного мнения, и в последние два года отмечается наибольшее ее значение. Только 39% полагают, что сколько ни работай, материального благополучия себе не обеспечишь.

Подводя итог, в целом можно отметить, что сегодня запрос на социальную интеграцию достаточно актуален. В этой связи интегративная модель «хорошего общества» является значимой стратегией, на которую может опереться современное российское государство. Учитывая сложность и постоянные изменения в социально-политических процессах, важной задачей должен стать поиск и устранение причин, ведущих к формированию любых форм рисков социальной фрагментации.

Исчезновение потребности в диалоге между общественным и приватным, а также стремление человека к самодостаточности... вызывает разрушение доминантной ориентации на общее будущее [Амбарова 2022, с. 42].

Обращение к стратегии формирования «хорошего общества» позволит сгладить процессы социальной дифференциации и разработать прикладные схемы и управленческие решения по преодолению усиливающихся признаков кризиса общественной солидарности, а также различных форм социальной фрагментации.

Литература

- Амбарова 2022 – Амбарова П. А. Социальная фрагментация сообществ в современной России: в поисках социологической теории // Социологические исследования. 2022. № 1. С. 41–51.
- Бессонова 2022 – Бессонова О.Э. Идеология в общественном развитии России: новый ракурс // Социологические исследования. 2022. № 1. С. 17–29.
- Ирсетская 2023 – Ирсетская Е.А. Идея социальной справедливости в современном российском пространстве символического политического дискурса // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2023. № 1. С. 59–70.
- Коваль 2017 – Коваль Е.А. Модель современного российского «хорошего общества»: проблемы конструирования // Философия и общество. 2017. № 2 (83).

- Коваль, Ушкин 2018 – Коваль Е.А., Ушкин С.Г. Пути России в будущее. Готово ли наше общество стать «хорошим»? // Социологические исследования. 2018. № 2. С. 136–145.
- Тихонова 2021 – Тихонова Н.Е. Динамика представлений россиян о соотношении интересов индивида и государства: эмпирический анализ // Полис. Политические исследования. 2021. № 6. С. 155–170.
- Троцкий 2022 – Троцкий М.А. Конкурирующие концепции справедливости в мировой политике // Полис. Политические исследования. 2022. № 2. С. 99–114.
- Чукин 2009 – Чукин С.Г. Поворот к ценностям в западной социальной философии: теоретические модели «хорошего общества» // Хронотоп. 2009. № 3/4. С. 133–144.
- Чэнь, Барашкова 2022 – Чэнь Х., Барашкова О.В. Посткапитализм или социализм? // Социологические исследования. 2022. № 9. С. 116–121.

References

- Ambarova, P.A. (2022), “Social fragmentation of communities in modern Russia: in search of sociological theory”, *Sociological Studies*, no. 1, pp. 41–51.
- Bessonova, O.E. (2022), “Ideology in social development of Russia: a new view”, *Sociological Studies*, no. 1, pp. 17–29.
- Chen, H. and Barashkova, O.V. (2022), “Post-capitalism or socialism?”, *Sociological Studies*, no. 9, pp. 116–121.
- Chukin, S.G. (2009), “Turn to values in Western social philosophy. Theoretical models of a ‘good society’”, *Chronotope*, no. 3/4.
- Irsetskaya, E.A. (2023), “The idea of social justice in the modern Russian space of symbolic political discourse”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Social Studies. Art Studies” Series*, no. 1, pp. 59–70.
- Koval, E.A. (2017), “Model of modern Russian “good society”. Issues of design”, *Philosophy and Society*, no. 2 (83), pp. 40–51.
- Koval, E.A. and Ushkin, S.G. (2018), “Russia’s paths to the future. Is our society ready to become ‘good’?”, *Sociological research*, no. 2, pp. 136–145.
- Tikhonova, N.E. (2021), “Dynamics of Russians’ perceptions on the relationship between the interests of the individual and the state. Empirical analysis”, *Polis. Political studies*, no. 6, pp. 155–170.
- Troitsky, M.A. (2022), “Competing concepts of justice in world politics”, *Polis. Political Studies*, no. 2, pp. 99–114.

Информация об авторе

Елена А. Ирсетская, кандидат социологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6;

Институт социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Москва, Россия; 121069, Россия, Москва, Борисоглебский пер., д. 13, стр. 3;

Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия; 125167, Россия, Москва, Ленинградский пр., д. 49/2; e.irs@rggu.ru

Information about the author

Elena A. Irsetskaya, Cand. of Sci. (Sociology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047;

Institute of Socio-Political Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Yekaterinburg, Russia; bldg. 3, bld. 13, Borisoglebsky Lane, Moscow, Russia, 121069;

Financial University Under the Government of RF, Moscow, Russia; bld. 49, Leningradskii Avenue, Moscow, Russia, 125167; e.irs@rggu.ru

УДК 329(470)

DOI: 10.28995/2073-6401-2024-3-134-144

Советский Союз
в нарративах политических партий современной России:
причины и социальные основания

Максим С. Козырев

*Академия управления МВД России, Москва, Россия,
max-han@yandex.ru*

Аннотация. Цель работы – определить причины и социальные основания использования образа Советского Союза в нарративах политических партий современной России. В качестве объекта анализа были взяты публикации четырех самых крупных и старых партий. По результатам исследования было установлено, что, несмотря на позиционирование идеологий партий как непримиримых и конфликтных, подобного не наблюдается в действительности. Имеют место различные варианты одного того же нарратива, основные элементы которого таковы: Советский Союз является продолжением тысячелетней традиции российской государственности; Октябрь 1917 года – важное событие отечественной истории, но статус «начала времен» ему не присваивают; присутствует явная или скрытая примиренческая позиция; отказ от революционных социальных преобразований в пользу реформистского решения общественных проблем; акцентирование внимания на субъективных факторах появления и исчезновения СССР. Причина схождения нарративов у правящей и оппозиционных политических партий видится в близости социальных позиций их лидеров (представителей).

Ключевые слова: идеологический нарратив, политика памяти, социальное положение, Советский Союз, политические партии России

Для цитирования: Козырев М.С. Советский Союз в нарративах политических партий современной России: причины и социальные основания // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2024. № 3. С. 134–144. DOI: 10.28995/2073-6401-2024-3-134-144

© Козырев М.С., 2024

The Soviet Union in the narratives of political parties in modern Russia. Reasons and social foundations

Maksim S. Kozyrev

*Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Russia, Moscow, max-han@yandex.ru*

Abstract. The purpose of the work is to determine the reasons and social foundations for using the image of the Soviet Union in the narratives of political parties in modern Russia. The publications of the four largest and oldest parties were taken as the object of analysis. Based on the results of the study, it was found that despite the positioning of party ideologies as irreconcilable and conflicting, nothing of the kind is in reality. There are different versions of the same narrative, the main elements of which are as follows: the Soviet Union is a continuation of the thousand-year tradition of Russian statehood; October 1917 is an important event in Russian history, but it is not given the status of “beginning of times”; there is an overt or covert conciliatory position; rejection of revolutionary social changes in favor of reformist solutions to societal issues; focusing on the subjective factors of the emergence and disappearance of the USSR. The reason for the convergence of narratives between the ruling and opposition political parties is seen in the similarity of the social positions of their leaders (representatives).

Keywords: ideological narrative, politics of memory, social status, Soviet Union, Russian political parties

For citation: Kozyrev, M.S. (2024), “The Soviet Union in the narratives of political parties in modern Russia. Reasons and social foundations”, *RSUH/RGGU Bulletin, “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 3, pp. 134–144, DOI: 10.28995/2073-6401-2024-3-134-144

Введение

Советский Союз – историческое событие мирового масштаба, вне зависимости от характера его оценок. Появление советского строя продемонстрировало невиданные ранее возможности светского социального конструирования. Более того, несмотря на скомпрометированность великой социальной идеи, СССР остается «значимым Другим» и сегодня.

Значимость советского прошлого в общественном сознании подтверждается результатами социологических исследований. Согласно различным опросам, более 60% населения сожалеет

о распаде СССР, а порядка половины опрошенных хотели бы его воссоздания¹.

Однако констатация факта признания значимости советской эпохи со стороны населения вряд ли будет достаточной для детерминации ее влияния на общественную повестку современной России. Одним из определяющих факторов здесь выступают представления о СССР со стороны элитарных и контрэлитарных (оппозиционных) групп, которые формируют указанную повестку.

Образы советского прошлого (или отдельных его событий) в представлениях политических акторов достаточно часто становятся предметом научных изысканий [Малинова 2017; Мошкин 2021; Падерина 2017; Бахлова, Бахлов 2023; Мелешкина, Толпыгина 2023]. Однако несмотря на столь большой исследовательский интерес к данной теме, автору не удалось обнаружить попытки определить социальные основания использования образа СССР в нарративе политических партий в научном дискурсе. Именно на восполнение в той или иной степени этого научного пробела направлена данная работа.

Методология и методы

Методологической основой исследования являются научные изыскания ряда ученых, среди которых следует выделить Карла Манхейма и Пьера Бурдьё. Согласно выводам первого из них, «определённому социальному положению соответствуют определенные точки зрения и тип мышления (тотальная идеология)» [Манхейм 1992, с. 57]. Схожая интенция обнаруживается у Пьера Бурдьё, по мнению которого, «в идеологических системах воспроизводится в неузнаваемом виде структура поля социальных классов» [Бурдьё 2007, с. 93, 186]. Основной загвоздкой будет релевантная интерпретация идеологического материала. С этой целью будет применен классический (традиционный) анализ документов.

Для операционализации данного подхода видится целесообразным сформулировать следующие вопросы, ответы на которые будут найдены в нарративах политических партий.

¹ 30-летие Беловежских соглашений. Отношение россиян к распаду СССР. Представления о его причинах. Фонд общественного мнения. URL: <https://fom.ru/Proshloe/14665?ysclid=lrivyijh6646692796> (дата обращения 18 мая 2024); Распад СССР: восприятие россиян. ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/presentation/prezentacii/raspad-sssr-vosprijatie-rossijan> (дата обращения 18 мая 2024).

Как связан советский политический режим с тем, что существовало до СССР и после него?

В чем причины появления и исчезновения Советского Союза на исторической сцене?

Субсидиарно следует проанализировать характер оценок значимых событий советской эпохи и ее деятелей.

В качестве источника информации выступают материалы публикаций политиков (статьи, книги), аффилированных с четырьмя самыми крупными партиями современной России: «Единая Россия», КПРФ, «Справедливая Россия», ЛДПР.

Применяя к этим партиям типичные основания для классификации декларируемых ими идеологических конструкций (правые–центристы–левые или консерваторы–либералы–социал-демократы и т. п.), можно выдвинуть гипотезу, что нарративы о СССР у них должны отличаться разнообразием и, следовательно, они должны принадлежать к разным социальным группам со столь же несовпадающими атрибутами.

Результаты и обсуждение

Политическая партия «Единая Россия»

Советский период отражается в публикациях представителей партии как один из этапов российской истории². Указание на то, что распад СССР был обозначен как крупнейшая катастрофа XX века³, не должно вводить в заблуждение. Аналогичным образом были представлены крушение царской России и революция Октября 1917 года. Последняя воспринимается как важный исторический урок, который «невозможно забыть и оправдать»⁴.

² *Путин В.В.* Россия сосредотачивается – вызовы, на которые мы должны ответить // Известия. 2012. 16 января. URL: <http://izvestia.ru/news/511884#top> (дата обращения 18 мая 2024).

³ Путин назвал распад СССР трагедией и «распадом исторической России» // РБК. 2024. 12 мая. URL: <https://www.rbc.ru/politics/12/12/2021/61b5e7b79a7947689a33f5fe?ysclid=lsvu00fgl931494141> (дата обращения 27 мая 2024).

⁴ *Матвиенко В.И.* Всматриваемся в прошлое, чтобы лучше видеть будущее // Известия. 2017. 7 ноября. URL: <https://iz.ru/667716/vsmatrivaemia-v-proshloe-chtoby-luchshe-videt-budushchee> (дата обращения 18 мая 2024).

К слову, отрицательное отношение к революции Октября 1917 года (и к революциям вообще) – весьма однозначная установка лидеров «Единой России». Причем в понимании причин революции акцент делается на государственном управлении и политической борьбе, что кратко можно обозначить следующим образом: правящая элита царской России оказалась неспособной ответить на объективные вызовы времени, а большевики ради захвата власти предали страну⁵.

В публикациях представителей правящей партии обнаруживается стремление к примирению. В частности, вина за трагические события, последовавшие за Октябрьской революцией, возлагается как на «красных», так и на «белых», при этом «обеими сторонами двигал патриотизм»⁶.

Иной характер причин обнаруживается при описании причин исчезновения Советского Союза. Ответственность возлагается на «естественные» законы⁷, рыночные начала⁸ и т. п. Более подробная отповедь истории СССР содержится в Послании Президента РФ Федеральному собранию 1996 г., в котором Советский Союз обвинялся в косности, отставании, неспособности отвечать на новые вызовы и т. д.⁹

⁵ *Мединский В.П.* «Если дело доходит до революции, значит, все участвующие стороны что-то делают не так»: Владимир Мединский – в интервью «Ъ FM» // Радио «Ъ FM». 2017. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3254527?ysclid=lqc3tkmkcu967383261> (дата обращения 18 мая 2024); Путин обвинил большевиков в национальном предательстве // Известия. 2012. 27 июня. URL: <https://iz.ru/news/528739> (дата обращения 18 мая 2024).

⁶ *Матвиенко В.И.* Указ. соч.; Президент России Владимир Путин провел встречу с членами Совета по развитию гражданского общества и правам человека // Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека. 2017. 30 октября. URL: <http://www.president-sovet.ru/presscenter/news/read/4223/> (дата обращения 19 апреля 2024).

⁷ *Сурков В.Ю.* Суверенитет – это политический синоним конкурентоспособности // Росбалт. 2006. 9 марта. URL: <https://www.rosbalt.ru/main/2006/03/09/246302.html> (дата обращения 18 мая 2024).

⁸ *Путин В.В.* Быть сильными: гарантии национальной безопасности для России // Российская газета. 2012. 20 февраля. URL: <http://www.rg.ru/2012/02/20/putin-armiya.html> (дата обращения 18 мая 2024).

⁹ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 23 февраля 1996. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=212270&rnd=235642.301634584#0> (дата обращения 18 мая 2024).

Однако в публикациях представителей партии можно увидеть также и признание заслуг советского строя (победа в Великой Отечественной войне, освоение космоса, достижения в оборонной промышленности и прочее)¹⁰.

Коммунистическая партия Российской Федерации

Указание на то, что Советский Союз является продолжателем «естественной» геополитической традиции Российской империи¹¹ у КПРФ прослеживается более отчетливо. Акцент на субъективные причины Октябрьской революции аналогичен таковому у правящей партии.

Хотя революция, по мнению лидера партии, «произошла почти бескровно, а Советская власть утвердилась в стране в основном мирно». Инициаторами Гражданской войны стали силы либерального Февраля при поддержке Антанты¹². Но несмотря на признание того, что великие революции возникают там, где вызревают социально-экономические условия, анализ последних в публикациях партии представлен весьма скупо¹³. При позитивном восприятии революции коммунисты ратуют за мирный характер перехода от капитализма к обновленному социализму¹⁴.

Ответственной за демонтаж СССР назначается русофобская и компрадорская часть КПСС (ВКПб), которая совместно с «переродившимися и вставшими на путь предательства чиновниками и силовиками» осуществила контрреволюционный переворот¹⁵.

¹⁰ *Медведев Д.А.* Россия, вперед! URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/5413> (дата обращения 18 мая 2024).

¹¹ Советский Союз – вершина развития тысячелетней истории нашей страны (2015) // КПРФ. 2015. 7 ноября. URL: <https://kprf.ru/party-live/cknews/148254.html?ysclid=lt40ugysi0438459513> (дата обращения 27 мая 2024).

¹² *Зюганов Г.А.* О задачах партии по борьбе с антисоветизмом и русофобией: Доклад на мартовском 2017 года Пленуме ЦК КПРФ. URL: <https://kprf.ru/party-live/cknews/163613.html?ysclid=lqdddp68ck433592923> (дата обращения 20 мая 2024).

¹³ *Зюганов Г.А.* Идеология предателей. Березина. 777 // Сова: Общество. Политика. Экономика. 2016. № 2 (29). С. 132–140.

¹⁴ *Зюганов Г.А.* О задачах партии по борьбе с антисоветизмом и русофобией: Доклад на мартовском 2017 года Пленуме ЦК КПРФ. URL: <https://kprf.ru/party-live/cknews/163613.html?ysclid=lqdddp68ck433592923> (дата обращения 20 мая 2024).

¹⁵ *Зюганов Г.А.* Идеология предателей...

По сути, революционный нарратив КПРФ является латентной примиренческой позицией с куда большим обелением большевиков, чем это сделано у «Единой России». Ведь если Советский Союз – это лишь продолжение российской государственности, то Рюриковичей, Романовых и большевиков можно поставить в один ряд русских патриотов. Помимо прочего, присвоение событиям Октября 1917 года статуса рядового, пусть и значительного, исторического факта (иначе ни о каком продолжении «естественной» геополитической традиции не говорилось бы) явно входит в противоречие с официальной советской идеологией, для которой Великая Октябрьская Социалистическая Революция есть акт творения нового мира [Мелетинский 1998; Неклюдов 2000].

Политическая партия «Справедливая Россия»

Подход к причинам появления Советского Союза схож с тем, что продемонстрировала правящая партия и КПРФ: царская и либерально-буржуазная элиты не смогли должным образом решить социально-экономические проблемы страны, что привело к узурпации власти большевиками во главе с агрессивными и хитроумными Ленином и его соратниками¹⁶. К советской власти у «Справедливой России» двоякое отношение, то есть имеется как признание ее заслуг, так и обвинения в том, что она «запятнала святую социальную идею кровью»¹⁷.

Революционный способ социальных изменений категорически отвергается, а реформам приписывается способность предотвратить революционные потрясения. Так же, как и у партии власти, в нарративе «Справедливороссов» демонстрируется примиренческая позиция: призыв «как-то прийти к общему согласию, поменьше ковырять раны». По всей видимости, субъективным факторам отдается первенство среди причин, приведших к демонтажу СССР. В частности, по мнению лидера партии, не появился тогда свой Дэн Сяопин, который вдохнул бы новую жизнь в «квазисоциалистическую модель», но нашлось с избытком «циничных ребят

¹⁶ *Миронов С.М.* От февраля к октябрю 1917-го: уроки и выводы. М.: Ключ-С, 2017. URL: <https://storage.spravedlivo.ru/pf60/082022.pdf> (дата обращения 20 мая 2024).

¹⁷ *Миронов С.М.* Доклад на заседании Центрального совета партии «Справедливая Россия». URL: <https://mironov.ru/vystupleniya/doklad-sergeya-mironova-na-zasedanii-tsentralnogo-soveta-partii-sr/?ysclid=lqdot6epty994683818> (дата обращения 20 мая 2024).

(в том числе с партийными или комсомольскими билетами)», разграбивших общенародную собственность¹⁸.

Либерально-демократическая партия России

Причинами Февральской и Октябрьской Революций, по мнению Жириновского, были профессиональные слабости элит, предательство генералами Николая II и действия иностранных спецслужб. События 1917 года разрушили «этногеополитическое тело Российской империи», которое смог восстановить в той или иной мере И.В. Сталин¹⁹.

В публикациях партии отношение к Революции Октября 1917 года резко отрицательное, распространяемое на все революции вообще, которые «есть следствие насильственно подавляемой эволюции»²⁰.

Советский Союз оценивается в основном отрицательно, но с вкраплениями «не все было плохо»²¹. Вина за развал СССР, как, впрочем, и за остальные драматические события отечественной истории, возлагается на агентов влияния Запада. Вообще, те или иные вариации «теории заговора» – одна из основных тем в творчестве Владимира Жириновского.

Также в нарративах партии присутствуют примиренческие установки. В частности, Владимир Жириновский высказался за подписание акта исторического примирения, а то «до сих пор разорвана историческая канва: царская Россия, советская – отдельно, новая – отдельно»²².

¹⁸ Миронов С.М. От февраля к октябрю 1917-го...

¹⁹ ЛДПР. Другой взгляд на историю. М.: Изд. Либерально-демократической партии России, 2009.

²⁰ Жириновский В.В. Любая революция – это насилие: Лидер ЛДПР высказался о 100-летию Октябрьской революции // Комсомольская правда. 2017. 3 ноября. URL: <https://www.kp.ru/daily/26752/3782385/?ysclid=lqeuqgtt5u514208615> (дата обращения 21 мая 2024).

²¹ Жириновский В.В., Сидоров М.Н. Политика и экономика для России. М.: Изд. Либерально-демократ. партии России, 2007. С. 33, 91.

²² Жириновский предложил подписать 12 июня акт исторического примирения // РИА НОВОСТИ. 2010. 22 января. URL: <https://ria.ru/20100122/205788717.html?ysclid=lqf4lmh87b469829232> (дата обращения 22 мая 2023).

Заключение

Проведенное исследование опровергает выдвинутую гипотезу о несовпадающих нарративах, посвященных советскому прошлому. Несмотря на то что идеологии проанализированных партий зачастую позиционируются как непримиримые, это не подтверждается в действительности. Имеют место различные варианты одного и того же нарратива, основные элементы которого таковы:

- Советский Союз является продолжением тысячелетней традиции российской государственности;
- как следствие, Октябрь 1917 года – важное событие отечественной истории, но в статусе «акта творения нового мира» ему отказывают, и присутствует явная («Единая Россия», «Справедливая Россия», ЛДПР) или скрытая (КПРФ) примиренческая позиция, направленная на достижения согласия в обществе;
- отказ от революционных социальных преобразований в пользу реформистского решения общественных проблем;
- акцентирование внимания на субъективных факторах (как правило, морально-деловых качествах элиты и контрэлиты) появления и исчезновения СССР.

Причина схождения нарративов у правящей и оппозиционных политических партий видится в близости социальных позиций их лидеров (представителей). Стратегии исследуемых партий, отраженные в идеологии, сводятся к недопущению конкурентов в политическое поле с его весьма ограниченными ресурсами. Отсюда принципиальный отказ от революции с ее непредсказуемыми последствиями и рисками потери монополизированных позиций в пользу новых акторов. Отсюда стремление к примирению и мирным преобразованиям, которые должны снизить вероятность социальных конфликтов.

Особенности деятельности в политическом поле с ее постоянной конкурентной борьбой за публичную власть также накладывают отпечаток на идеологию политических партий. В этой связи вполне закономерна акцентуация в их политике памяти на борьбе различных элитарных и контрэлитарных групп в новейшее время, на морально-деловых качествах правящей элиты.

Различия нарративов у исследуемых партий представляются автору несущественными и обусловлены столь же сравнительно несущественными различиями в позициях в социальной иерархии. Их идеологии не направлены на слом существующего строя. Основная задача как правящей партии, так и партий легальной (системной) оппозиции – это сохранение сложившейся общественно-

экономической формации. Последние в целом адаптировались к постсоветской политической системе и заняли свою социальную нишу. Их оппозиционность имеет место быть, но только по отношению к правящей партии, а не к общественному строю. Поэтому пределы их стремлений – занять место правящей элиты или хотя бы ее потеснить. Но как бы то ни было, следует согласиться с упомянутыми ранее исследователями, утверждающими, что политика памяти является лишь проекцией настоящего.

Литература

- Бахлова, Бахлов 2023 – *Бахлова О.В., Бахлов И.В.* Тема исторической памяти в дискурсе и практике парламентских партий России: федеральный и региональный уровни // Регионоведение. 2023. Т. 31. № 2 (123). С. 238–254.
- Бурдые 2007 – *Бурдые П.* Социология социального пространства. М.; СПб.: Ин-т экспериментальной социологии; Алетея, 2007. 288 с.
- Малинова 2017 – *Малинова О.Ю.* Неудобный юбилей: итоги переосмысления «мифа основания» СССР в официальном историческом нарративе РФ // Политическая наука. 2017. № 3. С. 13–39.
- Манхейм 1992 – *Манхейм К.* Идеология и утопия. М.: ИНИОН, 1994. 245 с.
- Мелетинский 1998 – *Мелетинский Е.М.* Миф и двадцатый век // Избранные статьи. Воспоминания. М.: РГГУ, 1998. С. 419–428.
- Мелешкина, Толпыгина 2023 – *Мелешкина Е.Ю., Толпыгина О.А.* Использование образов советского прошлого в риторике «Справедливой России» и ЛДПР // Политическая наука. 2023. № 1. С. 99–112.
- Мошкин 2021 – *Мошкин С.В.* Политика памяти об Октябрьской революции 1917 г. // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2021. Т. 18. № 3. С. 64–75. URL: https://doi.org/10.17506/18179568_2021_18_3_64 (дата обращения 20 мая 2023).
- Неклюдов 2000 – *Неклюдов С.Ю.* Структура и функция мифа // Мифы и мифология в современной России: Сборник / Под ред. К. Аймермахера, Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюкова. М.: АИРО-XX, 2000. С. 17–38.
- Падерина 2017 – *Падерина С.Ф.* Октябрьская революция в символической политике российской элиты XXI в. // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2017. № 6. С. 70–84.

References

- Bakhlova, O.V. and Bakhlov, I.V. (2023), “The theme of historical memory in the discourse and practice of Russian parliamentary parties: federal and regional levels”, *Russian Journal of Regional Studies*, vol. 31, no. 2 (123), pp. 238–254.

- Bourdieu, P. (2007), *Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva* [Sociology of social space], In-t eksperimental'noi sotsiologii, Aleteiya, Moscow, Saint Petersburg, Russia.
- Malinova, O.Yu. (2017), "Uncomfortable centenary. Results of reconsidering 'the founding myth' of the USSR in the Russian official historical narrative", *Political Science*, no. 3, pp. 13–39.
- Manheim, K. (1992), *Ideologiya i utopiya* [Ideology and utopia], INION, Moscow, Russia.
- Meleshkina, E.Yu. and Tolpygina, O.A. (2023), "Using images of the Soviet past in the rhetoric of 'Just Russia' and the Liberal Democratic Party", *Political Science*, no. 1, pp. 92–112.
- Meletinskii, E.M. (1998), "Myth and the twentieth century", *Izbrannye stat'i. Vospomnaniya* [Selected Articles. Memories], RGGU, Moscow, Russia, pp. 419–428.
- Moshkin, S.V. (2021), "The 1917 October revolution memory politics", *Scientific Journal "Discourse-P"*, vol. 18, no. 3, pp. 64–75.
- Neklyudov, S.Yu. (2000), "The structure and function of myth", Ajmermaher, K. Bomsdorf, F. and Bordjukov, G. (eds.), *Mify i mifologiya v sovremennoi Rossii* [Myths and mythology in modern Russia. Collected works], AIRO-XX, Moscow, Russia, pp. 17–38.
- Paderina, S.F. (2017), "The October Revolution in the symbolic politics of the 21st century Russian elite", *Moscow University Bulletin. Series 12. Political Science*, no. 6, pp. 70–84.

Информация об авторе

Максим С. Козырев, кандидат философских наук, доцент, Академия управления МВД России, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8; max-han@yandex.ru

Information about the author

Maksim S. Kozyrev, Cand. of Sci. (Philosophy), associate professor, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia; bld. 8, Zoya and Alexander Kosmodemyanskikh Street, Moscow, Russia, 125993; max-han@yandex.ru

Политическое православие и секулярное общество: проблемы совместимости

Андрей А. Хохлов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, hohlov@rggu.ru*

Джомарт Ф. Алиев

*Российский государственный социальный университет,
Москва, Россия, kharchenkodd@rgsu.net*

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы политизации религии в светском обществе на примере православного радикального активизма. Анализируется рост консервативно-политических установок среди активных православных граждан как реакция на ускорение процесса секуляризации российского общества, что создает угрозу маргинализации религиозной идентичности. Отмечается влияние западноевропейских христианских фундаменталистов на отечественные сообщества православных радикалов. Прослеживается взаимосвязь между распространением радикально-консервативных идей и ценностей в современном российском обществе и катастрофическими социально-политическими изменениями после распада СССР, которые сопровождались серьезными трансформациями коллективной (национальной) идентичности. Исследуется особенность новой национально-религиозной идентичности, формируемой современными средствами массовой информации с обширными заимствованиями из наследия русской консервативной философии XIX и начала XX в. Особое внимание уделяется «корням» современного православного активизма, его тесной связи с русским национализмом и с международным антиглобализмом. Столкновение ценностей секулярного общества с его культом свободы и антиклерикальными установками с консервативно-религиозной картиной мира, в которой заметную роль играют конспирология и неприятие либеральных идей, рассматривается авторами статьи как результат распада прежней социально-политической системы, где атеизм и коммунистическая идеология являлись главными смысловыми доминантами в обществе.

Ключевые слова: секулярность, антимодернизм, радикальные активисты, политическое православие, религиозная идентичность, постсекулярное общество

© Хохлов А.А., Алиев Дж.Ф., 2024

Для цитирования: Хохлов А.А., Алиев Дж.Ф. Политическое православие и секулярное общество: проблемы совместимости // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2024. № 3. С. 145–154. DOI: 10.28995/2073-6401-2024-3-145-154

Political orthodoxy and secular society. Compatibility issues

Andrei A. Khokhlov

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
hohlov@rggu.ru*

Dzhomart F. Aliev

*Russian State Social University, Moscow, Russia,
kharchenkodd@rgsu.net*

Abstract. The article deals with the issues of the religion politicization in a secular society on the example of Orthodox radical activism. The growth of conservative political attitudes among active Orthodox citizens is analyzed as a reaction to the acceleration of the secularization process of Russian society, which creates a threat of marginalization of religious identity. The influence of Western European Christian fundamentalists on the Russian communities of Orthodox radicals is noted. There is a relationship between the spread of radical conservative ideas and values in modern Russian society and catastrophic socio-political changes after the collapse of the USSR, which were accompanied by serious transformations of the collective (national) identity. The article studies specifics of the new national-religious identity, formed by modern mass media with extensive borrowings from the legacy of Russian conservative philosophy of the 19th and early 20th centuries.

Particular attention is paid to the “roots” of modern Orthodox activism, its close connection with Russian nationalism and international anti-globalism. The collision of the values of a secular society with its cult of freedom and anti-clerical attitudes with a conservative-religious picture of the world, in which conspiracy theories and the rejection of liberal ideas play a significant role, is considered by the authors of the article as a result of the collapse of the former socio-political system, where atheism and communist ideology were the main semantic dominants in society.

Keywords: secularity, anti-modernism, radical activists, political Orthodoxy, religious identity, post-secular society

For citation: Khokhlov, A.A. and Aliev, D.F. (2024), “Political orthodoxy and secular society. Compatibility issues”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 3, pp. 145–154, DOI: 10.28995/2073-6401-2024-3-145-154

Последние десятилетия православие оказывало довольно сильное влияние на самосознание российских граждан. Данный феномен объясняется потребностью людей, переживших крушение прежних идеалов и ценностей после распада СССР, в новой, позитивной «картине мира». Кроме того, девальвация ценностей и падение доверия к политическим институтам будили россиян искать психологическую и духовную опору в традиционном институте, сохранившем целостность и сумевшем укрепиться в хаосе произошедших социально-политических и культурных изменений.

С одной стороны, доля респондентов, относящих себя к православным, выросла начиная с 1991 по 2014 г., с 31 до 72%. В то же время респонденты не считают себя воцерковленными людьми. Всего не более 10% опрошенных регулярно посещают церковные службы и исполняют все необходимые обряды [Вдовиченко 2017, с. 142].

Согласно нашей гипотезе, современные россияне, относящие себя к активным православным гражданам, участвуют в формировании православной идеологии, которая заполняет ценностный вакуум, возникший на месте советской социалистической доктрины.

В известном смысле допустимо интерпретировать общественные практики и религиозные факторы, определяющие идеологический выбор россиян в контексте концепции Ч. Тэйлора о «социальном воображаемом» как о совокупности представлений людей о нормативных образцах, вокруг которых формируется их опыт взаимодействия между собой и обществом [Тейлор 2010].

Политически активные околоцерковные группы

Существующие сегодня православные объединения радикального толка «выросли» из политического наследия позднесоветских русских националистов.

Весьма вероятно, что идеологическими источниками религиозного активизма в России являются не только «старый» русский православный национализм, но и актуальные радикальные сообщества в странах Запада и в исламском мире.

Одним из основных, если не главных, постулатов современных радикальных активистов можно назвать антиглобализм.

Российский эксперт по экстремизму, руководитель исследовательского центра «Сова» А. Верховский¹ приводит пример греческих религиозно-политических антиглобалистов, которые в начале

¹ Верховский А.М. признан Минюстом РФ иностранным агентом.

двухтысячных устраивали уличные беспорядки, протестуя против Шенгенских паспортов [Верховский 2003, с. 73].

В России введение ИНН было встречено в штыки консервативными кругами православной интеллигенции. Как подчеркивает Александр Верховский, серьезный общественный конфликт стремительно развивается, когда в него включаются публичные персоны и организации. Кампанию против ИНН активно поддержали также: газета «Завтра», Международное объединение кинематографистов Славянских и православных народов (председатель – Н. Бурляев), Московское общество православных врачей, Союз писателей России и другие общественные организации [Верховский 2003, с. 77].

Примечательно, что позднее борцы с ИНН активно продвигали конспирологические версии происхождения вируса COVID-19².

Ряд клириков были обеспокоены сложившейся ситуацией. Например, в одном из интервью Тихон Шевкунов привел слова отца Иоанна (Крестьянкина) о том, что развернутая сейчас кампания – «это не борьба против ИНН, а борьба против Церкви»³. Впрочем, сам Тихон Шевкунов, предостерегал верующих от получения Шенгенской визы, так как

...достижения в области электроники в данной ситуации связаны с **числом 666**, которое используется в качестве основного кодового знака в технологии изготовления **электронных паспортов**⁴.

Впрочем, глобализация вызывает у представителей Русской Церкви не только негативную реакцию. В глобальных изменениях видят и новые возможности для взаимопонимания между людьми, братской взаимопомощи и обмена научными достижениями⁵.

² Филимонов В. COVID-19 был создан искусственно? // Народный Собор. 01.11.2020. URL: <https://narodsobor.ru/2020/11/01/valerij-filimonov-covid-19-byi-sozdan-iskusstvenno/> (дата обращения 15 января 2024).

³ Архимандрит Тихон (Шевкунов) и отец Николай (Гурьянов) об ИНН. «Радонеж» 29.01.2001 // Православный портал «Азбука веры». URL: <https://azbyka.ru/apokalipsis/arkhimandrit-tikhon-shevkunov-i-otets-nikolaj-guryanov-ob-inn/> (дата обращения 1 сентября 2023).

⁴ Игумен Тихон (Шевкунов). Шенгенская зона // Русский дом. 1998. № 3. URL: <https://azbyka.ru/apokalipsis/igumen-tikhon-shevkunov-shengen-skaya-zona/> (дата обращения 1 сентября 2023).

⁵ Проект документа «Экономика в условиях глобализации. Православный этический взгляд» // Богослов.RU. URL: <http://www.bogoslov.ru/text/4904991.html> (дата обращения 3 апреля 2023).

По мнению иерархов РПЦ, в странах Запада происходит деградация духовных основ национального самосознания. Россия же, напротив, возвращается к своим духовным истокам, возрождает традиции и оберегает христианские ценности⁶.

Определение русской национальной идентичности через православную веру проходит лейтмотивом во всех «идеологических» документах РПЦ [Верховский 2011].

Примечательно, что среди священнослужителей Русской церкви есть те, кто критически относится к идеологической экспансии православия. Так, священник Георгий Чистяков пишет, что

...отрицая на словах коммунистическую идеологию, «около православное» сознание берет на вооружение большинство из идеологических мифологем брежневской эпохи [Чистяков 2003, с. 79].

Обращение к религиозным истокам национального самосознания – давняя традиция русской философской мысли. Достаточно вспомнить имена П. Флоренского, С. Булгакова, Н. Бердяева, В. Розанова, которые были уверены, что существует прямая связь между национальным самосознанием и православной верой в русской истории [Алёхина 2010, с. 40].

Кроме того, на формирование новых религиозно-политических (социальных) идентичностей россиян оказывают влияние старые идеологические концепции, популярные в XIX в. Например, концепции графа Уварова о триединстве православия – самодержавия – народности. Причем этот идеологический конструкт соединяется в общественном сознании с элементами советского мифа.

Некоторые авторы приходят к заключению о формировании новой идеологии, субъектом которой является русская православная церковь. Эти выводы основаны на результатах анализа политического поведения россиян, которые воспринимают православие как ядро нового национально-культурного возрождения [Пронина 2017, с. 137].

Современные православные деятели развивают эту традицию в условиях роста секуляризма.

Как пишет российский исследователь:

⁶ Святейший Патриарх Кирилл: «Христианская идентичность Европы – неизменная данность, которую нельзя уничтожить, не разрушив самого европейского Мира» // Официальный сайт Московского Патриархата Русской православной церкви. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/212085.html> (дата обращения 11 апреля 2023).

Фактором ослабления национальной (русской) идентичности, по мнению Патриарха Кирилла, является не столько атеизм, сколько поиск альтернативной православию основы национальной культуры [Морозов 2017, с. 154].

Поскольку одним из драйверов секуляризма является либеральная доктрина, то весь свой негатив клирики и православные активисты направляют именно на либеральные ценности. Расхождения по мировоззренческим вопросам между религиозными группами и условными либералами постепенно перешли с уровня теоретических споров на уровень прямых столкновений.

Например, православные граждане выступают против оскорбления чувств верующих (Новосибирская акция «Защитим святыни – спасем Россию» против постановки оперы Вагнера «Тангейзер»), либеральная общественность, в свою очередь, устраивает митинги против реституции церковного имущества (передачи РПЦ Исаакиевского собора).

Религиозная и светская «картины мира» в постсекулярном обществе

Во избежание использования пейоративной лексики мы будем употреблять термины «радикальные активисты» и «православные консерваторы» как более нейтральные в политическом отношении.

Гораздо сложнее с концептом «религиозные фундаменталисты»; термин весьма многозначен и отсылает к религиозным течениям, выступающим против модернизации в церковной жизни. Более точным, по нашему мнению, является подход политолога И. Кудряшовой, предложившей термин «интегризм» как целостный идеологический концепт, делающий акцент на сплочении группы на основе общих, фундаментальных религиозно-нравственных ценностей [Кудряшова 2002].

Как «предтечи» современных православных активистов, «старые» русские националисты сформировали довольно противоречивую, «доскутную» общественно-политическую среду, где перемешаны самые разные политические идеи и ценности. Нынешние православные радикалы унаследовали от националистов эту эклектичную «картину мира», которая тем не менее несводима исключительно к религиозному фундаментализму.

Во-первых, православные активисты не заявляют о своей непримиримой оппозиции актуальной политике РПЦ и государ-

ственной власти, что не типично для фундаменталистов [Верховский 2003, с. 275].

Во-вторых, серьезных концептуальных и догматических вопросов, связанных с православной верой, эти сообщества не поднимают.

С рядом оговорок можно охарактеризовать эти группы как неотрадиционалистские, понимая под данным термином сочетание религиозно-политических установок консервативного толка и современные формы гражданского активизма.

Очевидно, что вовлечение в политическую деятельность религиозно мыслящих граждан является частью более масштабного процесса политизации современного российского общества, в котором постсекулярные ценности угрожают идеологической монополии традиционных религиозных институтов.

Активной фазе конфликта светских и религиозных ценностей предшествовал период формирования сложной и неустойчивой постсоветской идентичности.

Бурный рост этнонационализма и групп религиозного возрождения на руинах коммунистической идеологии в бывших республиках Советского Союза развивался на фоне инертности этих процессов в РСФСР, а затем и в Российской Федерации.

После девальвации идеологической концепции «советского человека» российское общество надолго застряло в переходном периоде, который ознаменован безуспешными поисками национальной идеи взамен утративших силу коммунистических идеалов.

Затянувшийся процесс переопределения социально-политического и национально-культурного выбора в русском обществе, поиск новых смыслов и ориентиров в меняющемся мире способствовал формированию предпосылок и условий для конструирования сумбурной и фрагментарной национальной идентичности, в основе которой – идеализация православия и героизация исторического прошлого русского народа.

В этих условиях возрастает влияние на групповые ценности и политические установки СМИ, прежде всего телевидения. Как справедливо замечает социолог Б. Дубин:

...такой аудиовизуальный массаж, перемежающий импульсы тревоги, расшатывание и исчезновение твердой реальности состояниями краткого успокоения, возврата исчезнувшего на место, напоминает неоднократно описанную Фрейдом игру взрослых с ребенком в «далеко-близко» [Дубин 2004, с. 226].

Выводы

Именно в контексте «пересборки» социальной (национальной) идентичности на рубеже 80-х и 90-х гг. следует рассматривать проблемы «ревитализации» религиозно-политических идей и ценностей в постсоветском обществе.

В ситуации размывания границ прежних идентичностей обращение к универсальным религиозным «духовным скрепам» воспринимается как выход из смыслового тупика и обретение твердой «почвы» под ногами. Такие идеологические представления и стали питательной почвой, на которой сформировались группы радикальных православных, политически консервативных граждан.

Литература

- Алехина 2010 – *Алехина С.Н.* Проблема идентичности в русской философии XIX – начала XX в. // *Власть*. 2010. № 3. С. 39–43.
- Вдовиченко 2017 – *Вдовиченко Л.Н.* Влияние религиозных убеждений на политические ориентации верующих // *Общественное мнение и религия в современных обществах. Ценностные конфликты и принятие решений*. М.: Ключ-С, 2017. С. 139–148.
- Верховский 2003 – *Верховский А.М.* Политическое православие. Политическое православие: русские православные националисты и фундаменталисты, 1995–2001 гг. М., 2003. 316 с.
- Верховский 2011 – *Верховский А.М.* «Доктрина Кирилла» как инструмент изменения идентичности российского общества и Русской Православной Церкви // *Eurasian Review*. 2011. November. Vol. 4. С. 11–24.
- Дубин 2004 – *Дубин Б.В.* Интеллектуальные группы и символические формы. М.: Новое изд-во, 2004. 352 с.
- Кудряшова 2002 – *Кудряшова И.В.* Фундаментализм в пространстве современного мира // *Полис. Политические исследования*. 2002. № 1. С. 66–77.
- Морозов 2017 – *Морозов Е.М.* Концепт идентичности в социально-политическом дискурсе русской православной церкви // *Вестник Московского университета*. Сер. 18 «Социология и политология». 2017. Т. 23. № 4. С. 147–168.
- Пронина 2017 – *Пронина Т.С.* Религия и идентичность: “Homo post-Sovieticus” в поисках себя // *Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина*. 2017. № 3. С. 161–173.
- Тейлор 2010 – *Тэйлор Ч.* Что такое социальное воображаемое? // *Неприкосновенный запас*. 2010. № 1 (69). С. 19–26.
- Чистяков 2003 – *Чистяков Г.* Проблемы самоопределения православного самосознания // *Религия и идентичность в России*. М., 2003. С. 213–235.

References

- Alyokhina, S. (2010), "The issue of identity in Russian philosophy of the 19th – early 20th century", *Vlast'*, no. 3, pp. 39–43.
- Chistyakov, G. (2003), "Issues of self-determination of Orthodox self-consciousness", *Religiya i identichnost' v Rossii* [Religion and identity in Russia], Moscow, Russia.
- Dubin, B.V. (2004), *Intelektualnye gruppy i simvolicheskie formy* [Intellectual groups and symbolic forms], Novoe Izdatel'stvo, Moscow, Russia.
- Kudryashova, I. (2002), "Fundamentalism in the space of the modern world", *Polis. Political Studies*, no. 1, pp. 66–77.
- Morozov, E. (2017), "The concept of identity in the socio-political discourse of the Russian Orthodox Church", *Moscow State University Bulletin, Series 18, Sociology and Political Science*, vol. 23, no. 4, pp. 147–168.
- Pronina, T. (2017), "Religion and identity: 'Homo post-Sovieticus' in search of self", *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A.S. Pushkin* [Bulletin of the Pushkin Leningrad State University], no. 3, pp. 161–173.
- Taylor, Ch. (2010), "What is the social imaginary?", *Neprikosnovennyi zapas*, no. 1 (69), pp. 19–26.
- Vdovichenko, L. (2017), "The influence of religious beliefs on the political orientations of believers", *Obshchestvennoe mnenie i religiya v sovremennykh obshchestvakh. Tsennosnye konflikty i prinyatie reshenii* [Public opinion and religion in modern societies. Conflicts of values and decision making], Klyuch-S, Moscow, Russia.
- Verkhovsky, A. (2003), *Politicheskoe pravoslavie. Politicheskoe pravoslavie: russkie pravoslavnye natsionalisty i fundamentalisty, 1995–2001 gg.* [Political Orthodoxy. Political Orthodoxy. Russian Orthodox nationalists and fundamentalists, 1995–2001], Moscow, Russia.
- Verkhovsky, A. (2011), "The Doctrine of Kirill' as a tool for changing the identity of Russian society and the Russian Orthodox Church", *Eurasian Review*, vol. 4, pp. 11–24.

Информация об авторах

Андрей А. Хохлов, кандидат социологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; hohlov@rggu.ru

Джомарт Ф. Алиев, кандидат экономических наук, Российский государственный социальный университет, Москва, Россия; 129226, Россия, Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 4, стр. 1, kharchenkodd@rgsu.net

Information about the authors

Andrey A. Khokhlov, Cand. of Sci. (Sociology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miuskaya Square, Moscow, Russia, 125047; hohlov@rggu.ru

Dzhomart F. Aliev, Cand. of Sci. (Economics), Russian State Social University, Moscow, Russia; bld. 1, bld. 4, Wilhelm Peak Street, Moscow, Russia, 129226, kharchenkodd@rgsu.net

УДК 004:316.6(470)

DOI: 10.28995/2073-6401-2024-3-155-166

Россияне в условиях информационной войны

Галина А. Цветкова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, Qaltsvet@yandex.ru*

Аннотация. В статье информационная война (ИВ) рассматривается как одно из социально-информационных противоборств консолидированному антироссийскому фронту, имеющему глобальный характер. Востребованность интернета и информационных технологий предопределяет уникальность их влияния на общественное сознание и поведение людей в социальной истории России. На основе качественных и количественных эмпирических данных всероссийского уровня раскрываются особенности форм и методов антироссийской пропаганды и противодействия им, указывается многоаспектность информационных атак на разные сферы жизнедеятельности общества. Представлены особенности поведения различных субъектов, проявляющих социальную ответственность с целью широкомасштабного информационного отражения западной антироссийской агрессии.

Ключевые слова: информационная война, ложная пропаганда, фейки, россияне, социальные группы, восприятие, деятельность, поведение, последствия

Для цитирования: Цветкова Г.А. Россияне в условиях информационной войны // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2024. № 3. С. 155–166. DOI: 10.28995/2073-6401-2024-3-155-166

Russians in an information war

Galina A. Tsvetkova

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
Qaltsvet@yandex.ru*

Abstract. The article considers information warfare (IW) as one of the social and informational confrontations against a consolidated anti-Russian front that is global in nature. The demand for the Internet and information technologies determines the uniqueness of their influence on public consciousness and

© Цветкова Г.А., 2024

people's behavior in the social history of Russia. Following the qualitative and quantitative empirical data at the all-Russian level, the author reveals specifics in the forms and methods of anti-Russian propaganda and counteraction to them and mentions the multidimensionality of information attacks against different spheres of society. Behavioral characteristics of various subjects showing social responsibility are presented with the aim of large-scale information reflection of Western anti-Russian aggression.

Keywords: information war, false propaganda, fakes, Russians, social groups, perception, activity, behavior, consequences

For citation: Tsvetkova, G.A. (2024), "Russians in an information war", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 4, pp. 155–166, DOI:

Постановка проблемы

Современная информационная война против России – прецедент мирового масштаба, который используют недружественные страны уже ни одно десятилетие. Особенно явно информационные вторжения проявляются в наиболее острый период, к которому в полной мере относится проведение Специальной военной операции (СВО). После ее официального объявления информационные атаки на россиян увеличились многократно. За 2023 г. в России выявлено около 4 тыс. фейков, а число их копий достигло 10 млн. Это в шесть раз больше, чем в 2021 г. (исследования фактчекингового сервиса «Лапша Медиа»).

Массовый вброс дезинформации интенсивно осуществляется и на отечественные предприятия (промышленность, образование, здравоохранение, транспорт, строительство и пр.). В большинстве случаев целевые атаки на компании (более 70%) начинаются с рассылки фишинговых электронных писем сотрудникам. В 58% случаев конфиденциальная информация похищается, 41% – производственная деятельность организации нарушается. Например, в июле 2023 г. РЖД подверглась DDoS-атаке, в результате потребовалось целых два дня на восстановление только программного обеспечения¹.

Многочисленное кибервоздействие непрерывно направлено на органы государственной власти. На ресурсы ЦИК во время последних прошедших выборов Президента России было произведено

¹ Данные Positive Technologies. 2024. 24 янв. URL: <http://www.sberbank.ru/ru/person/kibrary/articles/celevye-ataki-ehrapy-instrumenty-metody> (дата обращения 24 июня 2024).

практически 12 млн DDoS-атак (с января 2024 г. по 17 марта, т. е. за 2,5 месяца). С начала голосования заблокировано порядка 160 тыс. DDoS-атак². По прогнозам специалистов разных организаций (АНО «Диалог», ФНИСЦ РАН и др.), тенденция к росту лжеинформации сохранится (в 2024 г. до 22 млн), что предопределяет необходимость социологического осмысления объективности освещения информационных материалов во всех сферах общества, на разных уровнях не только СМИ, но и различных отраслей экономики.

Злободневность проблемы обусловлена и тем, что россияне живут в условиях двойной информационной войны, в которой размывта социальная ответственность, нарушены этические нормы профессионализма не только у представителей западных спецслужб, но и у тех россиян, которые пытаются стать публичными (журналисты, блогеры и др.), обманывая сограждан непроверенной информацией. Следовательно, в современной информационной сфере действует иная логика и социальные нормы, отличающиеся от законов военного времени прошлых лет. Современная информационная война технологична, жестока и масштабна.

Исходя из изложенного, целью публикации является исследование наиболее актуальных социальных вопросов в условиях информационного противоборства. Каковы причины и отношение людей к фейковым информациям? Каковы особенности форм и методов антироссийской пропаганды и противодействия им? Каково поведение различных социальных групп россиян, включая социально ответственных субъектов, занимающихся противостоянием антироссийской агрессии на современном этапе?

Основой статьи являются различные эмпирические источники: всероссийские исследования (ФОМ, ВЦИОМ и др.), документы Правительства России (министерств, ведомств) и публикации периодических изданий («Российская газета», «Ведомости», «Коммерсантъ» и др.).

Причины и отношение к информационной войне

Любые социальные конфликты обусловлены динамикой процессов, поэтому прежде чем пытаться понять современные резонансные факты, рассмотрим в этой области социально-исторические практики. Во все времена формирование и развитие информационного противостояния со стороны различных государств

² Памфилова: на ресурсы ЦИК было совершено более 12 млн DDoS-атак // Ведомости. 2024. 18 марта.

мира неразрывно связаны с их войнами за власть, инструментами которых в полной мере являлись и являются информационные сообщения. При этом от одной войны к другой проходил и проходит непрерывный процесс совершенствования различных видов вооружений, улучшения форм и методов военных действий, изменяя тем самым их информационное сопровождение, включая манипулятивные способы, вброс лжеинформации.

Другим фактором активизации социальных аспектов информационных войн является внедрение инновационных технологий. В рамках данного посыла информационные технологии (как базовые составляющие современной цифровой эпохи) стали одними из инструментов внутренней и внешней информационной политики. Ибо именно они способны нанести и наносят противнику серьезный ущерб. Часто даже более значимый, чем средства вооруженного нападения; например, по показателю «эффективность – стоимость» существенно их превосходят. Поэтому не случайно на информационную войну с Россией США выделили и используют 290 млн долларов³.

С учетом изложенного выше в типологии военных конфликтов XXI в. выявлен новый тип – гибридная война как новейший вид межгосударственного противостояния, охватывающий не только государства и их вооруженные силы, но и граждан в целом. Соответствующее противоборство со стороны недружественных стран – системно повторяющиеся попытки нарушения суверенитета России, имеющие долговременный характер с волнами различного уровня. Их очередную динамику эскалации конфликта эксперты зарегистрировали в связи с установлением нацистского режима на Украине, призывающего к уничтожению всего русского. При этом, несмотря на множественные дипломатические меры органов российской власти, упреждающие негативные процессы, украинские неонацисты начали вести многочисленные обстрелы приграничных отечественных территорий. В этих условиях Россия была вынуждена объявить о Специальной военной операции (СВО). Однако это решение стало причиной для вымышленного обострения международных отношений.

Сегодня в антироссийскую риторику втянуты многие европейские страны. Некоторые из них открыто называют Россию угрозой и даже военным противником. С учетом неудач боевых действий ВСУ, ими все шире формируется враждебный образ России посредством различного уровня отвлекающих маневров в форме лукавых

³ США выделили 290 млн долларов на информационную войну с Россией // ПАИ. 2020. 28 дек.

информационных кампаний. Они методично неартикулированно принимают законы, уничтожающие все основы конструктивных взаимоотношений: ограничивают использование русского языка, воспевают общепризнанную классическую литературу, сносят общественно значимые памятники, запрещают деятельность российских средств массовой информации и пр., вытесняя тем самым реальные основы происходящих обстоятельств из глобальной публичной сферы своих стран. Безусловно, это серьезнейшие вызовы, проявляющиеся не только в попытках психологически запугать и расколоть российское общество, но и пошатнуть взаимное доверие и согласие мирового сообщества в целом.

Однако старания недружественных государств не достигают планируемых ими результатов. По данным социологического исследования (ФОМ, 2023), свыше половины опрошенных россиян (53%) заявляют о необъективности указанных выше действий⁴. Доказательством этому служат и оценки респондентами фактов, представленных в публикациях, освещающих действия России на Украине. Абсолютное большинство из тех, кто читал данные статьи (61%), утверждают, что материалы в них недостоверны. Поэтому у значительной части россиян украинская пропаганда автоматически маркируется как фейк (ВЦИОМ, 2022).

В то же время нельзя не признать, что злободневность заявленной проблемы осложняется иррационалистическим пониманием событий, отвергающим последовательность и разумность происходящего, отсюда неоднозначное восприятие и даже противоречивые действия некоторых россиян. Исходя из этого, вероятно правы специалисты (К.Ф. Затулин и др.), заявляющие, что изначально логичней было бы назвать СВО войной, поскольку военные действия ведутся не столько с Украиной, сколько с консолидированным антироссийским фронтом⁵. Западные страны в области пропаганды через СМИ нас опережают (Д.О. Бабич, А.С. Запесоцкий и др.). Примером может служить фонд Сороса, который после сверхактивной политической деятельности на территории России в 1990-х гг. формально работу прекратил*. Но в скрытой форме,

⁴ Мнение россиян о своей стране и о том, как ее воспринимают в мире // Сайт ФОМ. 2023. 24 марта. <https://fom.ru/Mir/14853> (дата обращения 24 июня 2024).

⁵ Выступление К.Ф. Затулина на форсайт-форуме «Какая Украина нам нужна?» // Телеграм-канал «Украина.ру». 2023. 1 июня.

* Генпрокуратура России признала Фонд Сороса нежелательным. Минюст включил Фонд Сороса в список нежелательных организаций в Российской Федерации.

безусловно, присутствует, используя более осторожные способы воздействия на политическое сознание, общественное мнение и поведение россиян.

Сложность восприятия информационных сообщений россиянами обусловлена и внутренними факторами; например, далеко не всегда объективно отражают социально-политические реалии разные субъекты, формирующие общественное мнение: средства массовой информации, социальные сети и др. Как указывает Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций России, с первых часов СВО значительно возросло количество случаев распространения средствами массовой информации и иными информационными ресурсами, осуществляющими свою деятельность в сети Интернет, непроверенной и недостоверной информации⁶. Это происходило и происходит, несмотря на требования Роскомнадзора об обязанности журналистов при подготовке статей пользоваться информацией только из официальных источников⁷.

Социально-политическую ситуацию усугубляет и интернет-журналистика, появившаяся в конце XX в. и отличающаяся от предшествующих изданий лишь форматом, но не качественным наполнением [Мамонтов 2021]. Если к этому учесть многократное увеличение скорости передачи информации, наслаивание одних новостных событий на предыдущие, увеличение плотности информационного потока и соответственно информационные перегрузки, то будет понятна актуальность проблем, связанных со стремлением россиян к пониманию реальных событий, востребованностью ими достоверной и актуальной информации как одной из главных жизненных ценностей.

Положение россиян в условиях информационной войны

Сегодня сложно найти людей, которые воспринимали бы ситуацию в России простой. Уже в первые дни СВО преимущественное

⁶ Вниманию средств массовой информации и иных информационных ресурсов // Сайт Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. 2022. 24 февр. <https://rkn.gov.ru/press/news/news74084.htm> (дата обращения 24 июня 2024).

⁷ Закон Российской Федерации от 27.12.1991 № 2124-1 (ред. от 11.03.2024) «О средствах массовой информации». Ст. 49. Обязанности журналиста.

большинство россиян (90%) признавали, что живут в период, когда информационная война ведется против России (ВЦИОМ, 2022). Причем уровень социального распространения современной информационной войны обширен: исчисляется на все слои и категории общества, живущие в различных субъектах России, а не только на тех, кто прямо задействован в СВО (общей численности военно-служащих и членов их семей).

Не случайно и то, что решение о войне как одном из социально злых намерений в исторической практике рассматривалось всем миром. Ибо люди испокон века понимали, что информационное противостояние – это явление изнурительно тяжелое, кардинально изменяющее многие социальные процессы, включая базовые и прежде всего нравственные основы общества. Поскольку в социальное пространство постоянно вбрасывается невероятное количество преднамеренно лживой, идеологически подтасованной информации, трансформирующей общественное сознание, соответственно изменяется поведение и положение различных социальных групп людей. Доказательством этому служит и современная практика. С начала СВО почти 85% россиян стали относиться к украинцам хуже⁸. Доля опрошенных, не готовых пускать украинцев в Россию, выросла в два раза (с 17% в 2021 г. до 33% в 2024 г.)⁹, что указывает на динамику социального дистанцирования славян друг от друга под влиянием текущих событий. Важно и другое: чуть более половины респондентов (53%) убеждены, что отношение к россиянам

⁸ *Нефедова А.* «85% заявили, что стали относиться к украинцам хуже, 15% – наоборот» // Известия iz. 2023, 11 авг. Данные всероссийского социологического исследования Федерального агентства по делам национальностей (ФАДН).

⁹ Уровень ксенофобии и межнациональной напряженности, отношение к приезжим // Сайт Левада-Центра. 2024. 14 мая. URL: <https://www.levada.ru/2024/05/14/uroven-ksenofobii-i-mezhnatsionalnoj-napryazhennosti-otnoshenie-k-priezzhim/> (дата обращения 14 мая 2024). Общероссийский опрос Левада-Центра проведен с 18 по 24 апреля 2024 г. по репрезентативной всероссийской выборке городского и сельского населения объемом 1603 человека в возрасте от 18 лет и старше в 137 населенных пунктах, 50 субъектах РФ. Исследование проводилось на дому у респондента методом личного интервью. Распределение ответов приводится в процентах от общего числа. Массив данных взвешен по полу, возрасту, уровню образования по каждому типу населенного пункта (крупные города, средние города, малые города, село) внутри каждого федерального округа независимо, в соответствии с данными Росстата. Исследование проведено иностранным агентом АНО «Левада-Центра».

в мире не только необъективно, но в последние годы становится хуже (ФОМ, 2023)¹⁰.

На наш взгляд, ситуацию усугубляет размытость критического мышления и соответственно аналитического восприятия информации со стороны большинства россиян. Одной из причин этого является повседневная трудовая занятость и бытовая загруженность населения, поэтому люди часто пытаются уловить лишь общий контекст сообщений, не углубляясь в суть проблемы, а тем более в информационные подтексты. Заставляет задуматься даже то, что само чтение информационных событий стало «скользящим» и поверхностным [Ким 2023].

Другой не менее важной причиной стала цифровизация, трансформирующая общественное сознание людей. У многих потребителей изменилась иерархия носителей информации: визуальный просмотр информации стал приоритетным над использованием бумажного формата. Безусловно, видеоматериал имеет ряд преимуществ: практически всегда доступен и открыт, не только информирует, но и заставляет чувствовать, вовлекает и вдохновляет, используя эмоциональное восприятие ситуации. Да и современные технические и технологические возможности позволяют представить динамику событий через видеоряд с инфографикой, анимацию, роботизацию, прямые комментарии экспертов и журналистов, фотографии с бегущей строкой и т. п.

Следовательно, современное общество живет в условиях, когда трансформируются не только методы и формы медиаработы, особенности взаимодействия представителей СМИ с многочисленной аудиторией, но и происходит социализация людей к качественно новым информационным условиям их восприятия базовых жизненных ценностей. Поскольку никогда в социальной истории технические предметы информации массово не применялись значительной частью общества. Они не были так приближены к глазам человека, а его кисть не использовалась для моментальной передачи информации.

Безусловно и то, что люди всегда ищут и используют наименее затратный путь для решения вопросов. Этим также объясняется современный тренд потребителей информации, направленный на визуальный формат сообщений. Он воспринимается более легко,

¹⁰ Данные ФОМнибус – еженедельный всероссийский поквартирный опрос. 17–19 февраля 2023 г. 53 субъекта РФ, 104 населенных пункта, 1500 респондентов. Исследование выполнено ООО «инФОМ» в рамках заказа Фонда «Общественное мнение» (проект ФОМ-ОМ). URL: <https://fom.ru/Mir/14853> (дата обращения 22 марта 2024).

чем текстовой материал, ибо не требует концентрации внимания для понимания. Поэтому манипулятивное воздействие на отдельного человека и даже социальную группу в целом может долгое время оставаться незамеченным. Например, благодаря недостоверным сообщениям в СМИ очарование заграницей долгое время аккумулировалось и поддерживалось. Оно рассеялось у молодежи лишь антироссийскими действиями западных стран во время СВО. В настоящее время страны, настроенные против России, оцениваются ими уже не таковыми, как раньше: безопасными, дружелюбными, поэтому комфортными. Скорее недружественные страны теперь воспринимаются с опаской, как непростые и даже рискованные для жизни места, что сразу послужило поводом к сокращению миграционных настроений в два раза. Например, в текущем году в возрастной группе до 24 лет хотели бы переехать за рубеж 15% опрошенных, а в 2022 г. – 30% (данные ВЦИОМ, 2022 и 2024)¹¹.

В то же время массивные информационные атаки на общественное сознание россиян продолжают через внедрение различной направленности и уровня противоправных действий: образов внутренних врагов, развязывания конфликтов (национальных, религиозных и пр.). Широко применяется и особый стиль подачи сообщений, сочетающий информирование с развлечением (инфотейнмент), деформирующий тем самым смысл содержания текста, перемещая его в легкий контент.

Что касается результатов анализа официальных мер, принятых органами государственной власти в исследуемой области, то они указывают на комплексные их действия в области контроля, надзора и профилактики опубликования и распространения материалов с фэйковой информацией. Например, в 2021 г. принят закон о блокировке без суда сайтов с ложными обвинениями. Роскомнадзору предоставлено право принять решение о замедлении скорости работы соцсетей, мобильных и стационарных устройств в связи с нарушением соответствующих положений законодательства и пр. Как результат, в 2022 г. было заблокировано 20 706 сайтов с информацией, направленной на привлечение детей к противоправной деятельности. В этом же году ведомство заблокировало и удалило 587 тыс. материалов, а в 2023-м – около 529 тыс. ресурсов¹². Среди них важное место занимали материалы с недостоверной информацией о СВО (боевые действия на Украине и пр.). Сравнительный анализ годовых показателей (2022 и 2023 гг.) выявил их сокраще-

¹¹ *Емельяненко В.* Глава ВЦИОМ Федоров: Эмиграционные настроения у молодежи упали // Российская газета. 2024. 13 марта.

¹² Роскомнадзор пошел на снижение // Коммерсантъ. 2023. 28 дек.

ние за счет жестких административных мер и тем, что субъекты информации обязаны самостоятельно отслеживать и удалять противоправную информацию в течение суток, что большинство из них и делают.

В целом, как утверждают специалисты, в настоящее время на территории России количество сайтов, занимающихся распространением запрещенной информации, ограничено, проблематично и появление фейковых информационных потоков. Информационные резонансы могут быть из-за блокировок доменов первого уровня, «в том числе страновыми, а также громкими ограничениями больших сервисов, например YouTube»¹³.

Действительно, как показали результаты исследования в заявленной области, органами власти за три года предприняты и реализованы многие действенные меры в области информационной безопасности на территории России. Благодаря жестким административным решениям (ограничению, запрету, блокировке, внесению в реестр «неблагонадежных» субъектов, штрафам и пр.) повысилась правовая грамотность и сократилось количество противоправных действий со стороны различных субъектов, что в определенной степени предопределило чистоту информационного пространства России. Постепенно изменяется и представление о репрезентации информационной повестки в целом.

Однако для информационной безопасности страны этого явно недостаточно. Ибо речь идет об изменении места и роли России в мировом сообществе и разделении труда в целом. Исходя из данной цели, нужны серьезные информационные системы безопасности (технологические сервисы и пр.), обеспечивающие защиту от противоправных атак (киберпреступников, кибергруппировок и др.), осуществляющихся вне территории России. Поскольку (по данным ГК «Солар») каждый день около 170 целевых атак совершается на российские компании. За последние два года хакерская группировка Space Pirates не просто атаковала, а успешно штурмовала не менее 16-ти отечественных госорганизаций и компаний даже ракетно-космической и авиационной промышленности. Основными их мишенями были и остаются шпионаж и кража конфиденциальной информации. Колоссальное влияние на распространение специальной информации оказывают и спецслужбы недружественных стран. В этих условиях реальное состояние отечественной информационной сферы сохраняет критический

¹³ Число реестровых блокировок уменьшилось. Союз журналистов Москвы. URL: <https://ujmos.ru/roskomnadzor-poshel-na-snizhenie/> (дата обращения 11 апреля 2024).

характер. Не случайно для получения объективной информации с передового рубежа боевых действий Президентом России создана специальная группа по СВО, которая в определенной мере стала действенным инструментом, обеспечивающим прямую обратную связь воевавших и членов их семей с представителями органов власти.

Заключение

Положение россиян в условиях информационной войны достаточно сложное, что предопределено совокупностью базовых причин: настоятельной потребностью совершенствования различных форм взаимодействия официальных ведомств с субъектами информации. В рамках данного контекста контрольные органы власти должны использовать социологические опросы по оценке россиянами деятельности органов власти в госконтроле. Но пока ни один из них этого в своей практике не применяет, что подтверждается отсутствием соответствующих данных в социальных сетях за 2022 г.¹⁴

Другим посылом к мобилизации россиян для критического освоения современных социально-информационных практик является уход от противоречивости общественного сознания в восприятии информационной политики, что связано с проблемами открытости и уровня доверия к социально значимой информации органов государственной власти и местного самоуправления. Именно поэтому современная информационная среда несет в себе больше угроз, чем надежд. В публичном поле общественного мнения сохраняется дискурс социально-политических смыслов, значений, причин и последствий от действий недружественных стран.

Как показало исследование, непростые информационные условия, в которых оказались россияне, ставят новые цели и перед учеными, ибо социально-информационная война – война двух мировоззрений, обозначившая в условиях консолидированного антироссийского фронта целые лагуны социальных проблем, которые научному сообществу предстоит тщательно исследовать, стремясь к их решению в ближайшее время.

¹⁴ Данные Сводного доклада о государственном контроле (надзоре), муниципальном контроле в Российской Федерации за 2022 год, составленном на основе более 20 тыс. докладов контрольных органов.. и информационных систем за истекший год // Сайт Правительства России. URL: <http://government.ru/news/48861/> (дата обращения 15 апреля 2024).

Литература

- Мамонтов 2021 – *Мамонтов В.К.* Почему журналистика смысла проигрывает журналистике хайпа? СПб.: СПбГУП, 2021. 36 с.
- Ким 2023 – *Ким М.Н.* Инновационные практики в работе мультимедийных журналистов // Управленческое консультирование. 2023. № 4. С. 72–80.

References

- Mamontov, V.K. (2021), *Pochemu zhurnalistika smysla proigryvaet zhurnalistike khaipa?* [Why is journalism of meaning inferior to journalism of hype?], SPbGUP, St. Petersburg, Russia.
- Kim, M.N. (2023), "Innovative practices in the work of multimedia journalists", *Administrative consulting*, no. 4, pp. 72–80.

Информация об авторе

Галина А. Цветкова, доктор социологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; Qaltsvet@yandex.ru

Information about the author

Galina A. Tsvetkova, Dr. of Sci. (Sociology), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; Qaltsvet@yandex.ru

Научный журнал
Вестник РГГУ
Серия «Философия. Социология. Искусствоведение»
№ 3
2024

Дизайн обложки
Е.В. Амосова

Корректор
А.А. Леонтьева

Компьютерная верстка
Н.В. Москвина

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет
125047, Москва, Миусская пл., 6

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-73403 от 03.08.2018 г.
Периодичность 4 раза в год

Подписано в печать 23.09.2024
Выход в свет 30.09.2024
Формат 60 × 90^{1/16}
Уч.-изд. л. 10,0. Усл. печ. л. 10,5
Тираж 1050 экз. Свободная цена
Заказ № 2046

Отпечатано в типографии Издательского центра
Российского государственного гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., 6
www.rsuh.ru